

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Галоўны рэдактар:
М.Э. Часноўскі

Намеснік галоўнага рэдактара:
К.К. Красоўскі

Міжнародны савет
М.М. Громаў (Расія)
А.М. Круглашоў (Украіна)
Эдвард Ярмох (Польшча)

Рэдакцыйная калегія:

Г.І. Займіст
(адказны рэдактар)
П.А. Вадап'янаў
В.М. Ватыль
А.М. Грыгаровіч
Ч.С. Кірвель
П.П. Крусь
А.І. Лысюк
Б.М. Ляпешка
С.В. Рашэтнікаў
Д.Г. Ротман
Я.У. Скакун
В.А. Сцепановіч
Т.І. Якавук
Я.С. Яскевіч

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1335 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224665, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 23-34-29
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
з снежня 1997 года

Серыя 1

ФІЛАСОФІЯ

ПАЛІТАЛОГІЯ

САЦЫЯЛОГІЯ

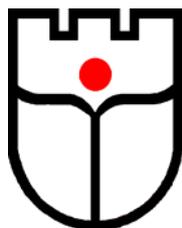
НАВУКОВА-ГІСТАРЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна»

№ 2 / 2010

У адпаведнасці з загадам Вышэйшай атэстацыйнай
камісіі № 9 ад 15.01.2010 г. часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта»
ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў
па філасофскіх, палітычных і сацыялагічных навуках

Vesnik

of Brest University

Editor-in-chief:
M.E. Chasnovski

Deputy Editor-in-chief:
K.K. Krasovski

International Board:
M.M. Gromov (Russia)
A.N. Kryglashov (Ukraine)
Edvard Yarmokch (Poland)

Editorial Board:
G.I. Zaimist
(managing editor)
P.A. Vadapyanav
V.M. Vatyl
A.N. Grigorovich
C.S. Kirvel
P.P. Krus
A.I. Lysyuk
B.M. Lyapeshka
S.V. Reshetnikav
D.G. Rotman
E.Y. Skakun
V.A. Stepanovich
T.I. Yakavuk
Y.S. Yaskevich

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
№ 1335 from April 28, 2010

Editorial Office:
224665, Brest,
Boulevard Cosmonauts, 21
tel.: 23-34-29
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 1

PHILOSOPHY

POLITOLOGY

SOCIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued two times a year

Founder – Educational institution
«Brest state university named after A.S. Pushkin»

№ 2 / 2010

According to the order of Supreme certification commission № 9
from January 15, 2010, the journal «Vesnik of Brest University» was included
to the List of editions of the Republic of Belarus for publication of the results
of scientific research in philosophical political and social sciences

ЗМЕСТ

Чесновский М.Э., Круглашов А.Н., Ярмох Э. Ценности образования в условиях интеграции европейского образовательного пространства 5

ФІЛАСОФІЯ

Лепешко Б.М. Феномен страха: экзистенциальные предчувствия 16

Григорович Е.Н., Займист Г.И., Степанович В.А. Обучение правам человека как основа его безопасности в современных социокультурных условиях 26

Михайлова Н.В. Тринитарная методология в философском анализе программы обоснования математики 36

Гонгало Е.Ф. Виртуальная реальность как предмет современных междисциплинарных исследований 44

Тарасюк М.В. Интерпретация понятия истины как методологическое основание концепции истории философии (Г.В.Ф. Гегель, Ж. Делёз) 50

Бедрицкая Н.В. Место и роль экзистенциальной феноменологии в рамках феноменологического движения 55

ПАЛІТАЛОГІЯ

Бондарь Ю.П., Решетников С.В. Концептуально-методическое обеспечение политической социализации студентов вузов 63

Морозов П.А. Понятие эффективности управления на государственном и надгосударственном уровнях (на примере ЕС) 82

Козлова С.А. Состояние и тенденции развития политической науки в странах Западной Европы и Республике Беларусь 89

Орлов Р.Л. Влияние религии на политические установки граждан Республики Беларусь 96

САЦЫЯЛОГІЯ

Титаренко Л.Г. Закономерности развития белорусской идентичности в условиях многовекторности глобальных и региональных факторов 101

Яковук Т.И. Институализация туризма от паломничества до рекреации: Виктор Тернер, Эрик Козн, Нельсон Грабен 108

Грибов Г.М., Лысюк А.И., Соколовская М.Г. Молодежь и сельский туризм: социологический анализ 116

Бреская О.Ю. Измерение религиозности: к истории предмета 123

Кавецкий С.Т. Некоторые особенности социологического измерения аномических процессов на постсоветском пространстве 135

ВІНШАВАННЕ ЮБІЛЯРА

Шаш С.Д. Человек мысли и дела (к юбилею профессора Василия Алексеевича Степановича) 140

НАВУКОВАЕ ЖЫЦЦЁ: РЭЦЭНЗІІ, АНАТАЦЫІ, ВОДГУКІ

Климович А.В., Крусъ П.П. Степанович В.А. Философия : курс лекций : в 3 ч. / В.А. Степанович; Брест. гос. ун-т имени А.С. Пушкина. – Брест : БрГУ, 2010. – Ч. 1 : Исторические типы классической философии. – 311 с. 143

Звесткі аб аўтарах 146

CONTENTS

Chasnovski M.E., Kruglashov A.N., Jarmoh E. Values of Education in Conditions of Integration of European Educational Sphere	5
--	---

PHILOSOPHY

Lepeshko B.M. The Phenomenon of fear: existential foreboding.....	16
Grygorovich E., Zajmist G., Stiepanovich V. Human Rights Education as the Foundation of a Person's Safety in Modern Sociocultural Conditions	26
Michailova N.V. Trinital Methodology in Philosophical Analysis of the Program of Mathematics basing	36
Gongalo H. Virtual Reality as a Subject of Contemporary Interdisciplinary Research	44
Tarasiuk M.V. Interpretation of Notion of Truth as the Methodological Basis of Conception of History of Philosophy (G. W. F. Hegel, G. Deleuze)	50
Bedritskaya N.V. Role of the Existential Phenomenology in the Phenomenological Movement	55

POLITOLOGY

Bondar Y.P., Reshetnikov S.V. Political Socialization of the Students' Conceptual Ensuring.....	63
Morozov P.A. The Effectiveness of Public Administration on State and Above-state Level (on an example of EU)	82
Kozlova S.A. The State and Tendencies of the Development of Political Science in the Countries of Western Europe and the Republic of Belarus	89
Arlou R. The influence of Religion on Political Aims of Citizens of the Republic of Belarus.....	96

SOCIOLOGY

Titarenko L.G. Regularities of the Development of Belarusian Identity under the Conditions of Multiple Global and Regional Factors.....	101
Yakavuk T.I. The Institutionalization of Tourism – From Pilgrimage to Recreation: Victor Turner, Eric Cohen, Nelson Graben	108
Lysiuk A.I., Gribov G.M., Sokolovskaya M. Youth and Agrotourism: Sociological Analysis.....	116
Breskaya O.Y. Measuring Religiosity: the History of Research Field	123
Kavetski S.T. Certain Specifics of Sociological Research of Anomy Processes in the Post-Soviet States	135

CELEBRATING JUBILEE

Shash S.D. The Person of Thought and Deed (on the Jubilee of Prof. Vasilii Alekseevich Stepanovich).....	140
---	-----

SCIENTIFIC LIFE: REVIEWS, ANNOTATIONS, COMMENTS

Klimovich A.V., Krus P.P. Stepanovich V.A. Philosophy: lecture course: in 3 parts/ V.A. Stepanovich; Brest State University named after A.S. Pushkin. – Brest : BrSU, 2010. – Part 1: Historical types of classical philosophy. – 311 p.	143
Information about the authors	146

От редколлегии: На страницах журнала периодически обсуждаются в виде диалогов или интервью с видными учеными актуальные методологические, теоретические и практические проблемы модернизации современного образования в мире и Республике Беларусь.

В данном номере публикуем обсуждение проблем смыслов ценности и стратегических целей современного образования, интеграции европейского образовательного пространства и национальных моделей образования, в котором приняли участие главный редактор журнала **Мечислав Эдвардович Чесновский**, доктор исторических наук, профессор, ректор Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина, члены Международного совета редколлегии **Анатолий Николаевич Круглашов**, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и государственного управления Черновицкого национального университета имени Юрия Федьковича (г. Черновцы, Украина) и **Эдвард Ярмох**, доктор социологических наук, профессор педагогики, заместитель декана по науке гуманитарного факультета Естественно-гуманитарного университета (г. Седльце, Республика Польша).

ЦЕННОСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Г.И. Займист, ответственный редактор: Известно, что в разные исторические времена понимание ценности образования было различным, оно должно было соответствовать рациональности эпохи, задавать динамику её развития. Что же происходит сегодня? Вполне можно сказать, что доминирует точка зрения, согласно которой образование все больше становится фундаментальным основанием современной цивилизации, происходит смешение исторических и цивилизационных смыслов ценности образования.

Давайте для начала попытаемся определить возможные смыслы ценности современного образования и то, какие факторы влияют на его место в структуре человеческого капитала.

М.Э. Чесновский: В первую очередь, следует подчеркнуть важность нашего диалога. Как в научно-теоретическом, так и в практическом смысле он вполне назрел, актуален в силу злободневности обозначенной темы. Полагаю, что вузовские работники, организаторы высшего образования, теоретики высшей школы с пользой для себя познакомятся с высказанными точками зрения. Вряд ли вы, уважаемые коллеги, будете настаивать на исключительной истинности собственных высказываний. В уже прозвучавшем вопросе улавливаю дискуссионный подтекст. Посему и всю нашу беседу представляю скорее как коллегиальный поиск оптимальных ответов на вызовы времени, чем демонстрацию собственных незыблемых точек зрения. В этом плане усматриваю пользу беседы и для нас, участников.

Благодарю сердечно собеседников, отозвавшихся на приглашение поразмышлять над предложенной проблематикой.

Переходя к сути поставленного вопроса, должен отметить, что образование в целом и высшее образование, в частности, в постиндустриальном (информационном) обществе, в которое вступила мировая цивилизация, переживает заметную эволюцию. Если помните, в 70-е годы прошлого века в СССР был популярным лозунг превращения науки в непосредственную производительную силу общества. На деле такой пере-

ход тогда не свершился. Но лозунг четко уловил и отразил эволюцию развитых стран мира к постиндустриальной стадии развития. На этой стадии, бесспорно, образование не только остается средством достижения цели, но и становится важнейшим производительным ресурсом информационного общества.

Дело в том, что в информационном обществе происходит переход к «обслуживающей экономике», и доминирующую роль начинает играть сфера услуг, причем услуг информационных. Формируется «четвертый» (информационный) сектор экономики (наряду с сельским хозяйством, промышленностью и сферой услуг) под влиянием быстрого развития системы социальных коммуникаций и информации. По мере развития сервисного и информационного секторов богатство утрачивает свое материальное воплощение (земля, капитал), возникает символический капитал – знания. Складывается «суперсимволическая система создания общественного богатства», основанная на использовании информационных технологий, это значит, прежде всего, умственных способностей человека.

Решающим фактором зрелого функционирования информационного общества становится качество и уровень развития информационного пространства, т.е. такого пространства, в котором создается, перемещается и потребляется информация. Направленность и скорость информационных потоков, способы создания и поглощения (использования) информации определяют структуру информационного пространства. Традиционно оно включает в себя науку, СМИ, образование. Его главной чертой становится определяющая роль и высокий уровень развития информационных технологий. Общественные изменения предопределяются способностью к производству и использованию информации. И вот теоретическое знание как продукт образования, как высшая ценность и основной товар становятся фактором формирования новой социальной структуры общества, новых моделей управления.

В этом вижу (пока на теоретическом уровне, не вдаваясь в практически-прикладное назначение) особую ценность современного образования.

А.Н. Круглашов: Образование в современном мире претерпевает серьезные изменения. Во-первых, оно становится все более инструментальным, являясь важным средством вхождения индивида в современные экономические, социальные и политические процессы, условием обретения в них собственного статуса и реализации возможностей. Во-вторых, оно приобретает ярко выраженный функционально-прагматический характер. Чем качественнее полученное образование (по крайней мере, на символическом уровне), чем более оно помогает личности реализоваться в максимально более широких и престижных сферах жизнедеятельности, тем оно индивидуальнее ценнее и социально весомее. В-третьих, именно благодаря образованию, особенно высшему, человек приобретает важнейшие социально-коммуникативные навыки, благодаря которым он может эффективно выстраивать свое будущее. Универсализация функций, расширение задач образования, давление на его систему со стороны растущих потребностей общества, к тому же становящихся все более динамичными, неизбежно влечет за собой и изменение его содержания и форм. Похоже, что резко выросший спрос на образование, в частности высшее, превышает имеющееся предложение. По крайней мере, в части соотношения между количественными и качественными его параметрами. И именно отставание качественных изменений в системе образования от количественных параметров разрастания числа вузов, преподавателей, выпускников и т.д. становится все более актуальной проблемой, требующей своего разрешения в каждом локальном, региональном, национальном и, пожалуй, в общемировом масштабе. Кроме этого, система образования оказалась ныне в весьма двусмысленном положении. С одной стороны, она довольно-таки консервативна, инертна, нередко иерархична и национально-государственно ограничена. А с другой стороны, от нее все в большей

мере требуется «продукт» как в виде научных и управленческих результатов, так и в виде подготавливаемых специалистов, открытых инновациям. Очень важно, чтобы они были ориентированы на гибкость, подвижность и творчество в своей деятельности, в том числе и в социально-политической сфере, отвечали жестким требованиям современных глобальных процессов, вызовам конкуренции на рынках, выходящих за рамки своей страны и региона.

Эдвард Ярмох: Раньше ценным считалось само по себе высшее образование, и оно в известной степени гарантировало человеку, его получившему, не только возможность реализовать свой потенциал в определенной профессиональной сфере деятельности, как говорится, не только здесь и сейчас, но и в будущем. Сейчас же карьера в профессиональной сфере возможна лишь при постоянном самосовершенствовании, получении и освоении новых знаний и компетенций. Поэтому в высшей школе необходимо создавать среду для постоянного творческого роста студентов, что приведет к формированию у них нового смысла ценности образования, отвечающего вызовам современной цивилизации.

В современной ситуации очень резко, буквально на глазах меняется представление о ценности жизни и у каждого конкретного человека, и у больших групп людей. Знания, получаемые нами, скорее представляют собой модель возможного будущего, чем являются знаниями, определяющими благополучие человека в каждой конкретной жизненной ситуации. Какие нам нужны знания? Этот вопрос приводит к пониманию противоречия между аксиологической, ценностной стороной знания и его практическим применением, реализацией с помощью этого знания каких-либо конкретных потребностей человека. Эту проблему можно обозначить как проблему построения ценностно-ориентированной модели жизни, при этом ориентированной на реализуемое, осуществляемое будущее, а не на будущее как на некоторую утопическую и конкретно не представляемую модель, отдаленную в бесконечном времени. Речь идет о такой модели жизни, которая связана с жизнью конкретного человека, реализуемую в доступном для него социальном контексте и в реальном времени.

***Г.И. Займист:** Каким образом, по Вашему мнению, ценности современного образования влияют на смысложизненные ориентации молодых людей, формируют их личностный фундамент, на котором впоследствии выстраивается собственный, индивидуальный смысл жизни? Можно ли здесь усмотреть проблему, и если да, то насколько она сегодня прозрачна?*

М.Э. Чесновский: Проблема действительно усматривается, и она достаточно прозрачна. Не претендуя на комплексное освещение, назову, как представляется, ее весьма острый аспект: гуманитаризацию образования. Ведь именно этот пласт образования призван непосредственно формировать, как Вы выразились, личностный фундамент молодых людей.

Существующая образовательная система создает основной человеческий потенциал для преобразования общества, модификации государства и экономики. Отстав от критериев эпохи, он же изобретает способы лакирования застоя. Понятно, что данный потенциал должен, прежде всего, отличаться гуманностью, моральностью, интеллектуальностью. Потому и выступает на первый план высшего образования его гуманитарная составляющая.

Высшее образование, школа делает упорядоченным и целенаправленным процесс формирования личности, смягчая или устраняя воздействие внешних отрицательных факторов. Будучи сложной системой, оно на разных этапах развития общества имело и имеет свои особенности. Процесс обучения каждого нового поколения основывается на деятельности предыдущих поколений. Тем самым создается база для по-

томков. Студенты усваивают духовный, культурный и профессиональный опыт интеллигенции предшествующих поколений и формируют на этой основе личные убеждения, жизненную позицию, духовный облик. Мировая высшая школа призвана стоять в эпицентре интеллектуальной среды, обеспечивающей победу прогресса над рутинной и застоем.

Выполняет ли современная высшая школа исчерпывающе и безукоризненно задачу гуманитарной «огранки» своих питомцев? Отнюдь нет. Почти повсеместно господствует технократический подход к образованию – в результате духовный облик, культурный кругозор студентов формируются слабо, выпускники вузов медленно адаптируются к послевузовской социокультурной жизни. Под угрозой оказывается гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей.

Исходя из сказанного, еще раз хочу подчеркнуть: образовательный процесс должен направляться прежде всего на развитие интеллектуально-духовных, нравственных качеств личности. В перечень таких качеств следует включить стремление к интеллектуальному и духовному развитию, постоянному совершенствованию своего профессионального мастерства; формирование этических норм поведения и гуманистических ценностей, правового самосознания; гражданственность, патриотизм, ответственность за судьбу общества; общую культуру, включая культуру труда: целеустремленность, организованность; коммуникативность, уважение прав и свобод других людей, толерантность, готовность к работе в коллективе; стремление к физическому развитию, здоровому образу жизни; инициативу, предприимчивость, самостоятельность; стремление к творчеству, инновационной деятельности; ответственность за принимаемые решения; готовность к жизни и труду в условиях демократии, способность к самостоятельному поиску работы, адаптации на рынке труда.

Однако современное производство – «заказчик» специалистов – требует от выпускников иного: главным образом, практических навыков в работе. В конкуренции вузов за качество подготовки специалиста с высшим образованием ведущую роль традиционно играет такая компонента «накопления» интеллектуального капитала, как профессионализм. Социально-гуманитарные качества специалиста по умолчанию рассматриваются как приобретаемые в последующем процессе – трудовой деятельности. В силу этого нередко молодые специалисты оказываются узкими технократами. Преодолеть сложившийся стереотип в дальнейшем удастся далеко не всем.

А.Н. Круглашов: Ценности образования многолики. Если под ними понимать формирование современной личности, профессионала, способного к саморазвитию и самоактуализации, ценящего академические и другие свободы, уважающего свое личное достоинство и достоинство других, способного отвечать за свои поступки и предвидеть их результаты. Этим перечнем смысловой ряд качеств действительно образованного человека вряд ли может быть исчерпан. Если мы с этим соглашаемся, тогда и содержание образовательного процесса, и кадровый состав учебного заведения, атмосфера отношений в нем, модель образовательной политики – все это оказывает сильное влияние на личность молодого человека – девушки или парня. Конечно, сводить смыслополагание личности только к тому интеллектуальному и социальному опыту, который он или она получают в стенах учебного заведения, будет неправильно. Но и недооценивать значение образования как стержня формирования личности тем более не верно. Важно понимать, что свои неакадемические функции образование выполняет наиболее успешно тогда, когда они менее всего формализованы и уж тем более бюрократизированы. «Воспитывать» же личность по рецептам взращивания отдельных культур незабвенного академика Лысенко – это путь в никуда. Хотя многим на постсоветском пространстве он все еще кажется действенной моделью. В школе или универ-

ситете личность формирует личность. Если там есть необходимые условия для уважительного, творческого и одновременно конкурентного их сотрудничества.

Эдвард Ярмох: Существует мнение, что в основе смысла жизни лежат нормы (правила), а не ценности. Однако невозможна никакая норма без того, чтобы не определить конкретные ценности. Именно ценности лежат в основе нравственных и других норм, поэтому можно говорить о ряде социальных функций ценностей, которые зависят от потребностей личности общества (среди них ценность образования). Человек, утративший веру в определенные ценности, одновременно с этим теряет смысл своей жизни. Он начинает чувствовать себя ненужным и чужим. Смысл его жизни реализуется посредством ценностей, к которым он обращается и которым служит. Ценности, в том числе ценность образования, необходимы для развития человека и общества; более того, они творят соответствующий этос, объединяющий силы общества для осуществления социального блага. В отношении к основным ценностям, а к ним следует отнести и ценность образования, речь не идет об исполнении, реализации устремлений каждой личности, они разные и изменчивы, речь идет о ценностях, без которых ни один человек не может жить и которые являются предметом заботы и защиты людей, независимо от их способностей и интересов.

Г.И. Займист: Как, по Вашему мнению, эти новые смысловые и ценностные тенденции отражаются в стратегических целях образования различных субъектов современного образовательного процесса?

А.Н. Круглашов: Мне видится, что система образования, ее представители и управленцы, понимая так или иначе необходимость изменений, в том числе структурных, отвечают на них с опозданием и не вполне адекватно. В частности, классическая модель европейского университета, одна из немногих цеховых организаций средневековья, дошедшая до нашего времени, очень иерархична и зачастую заскорузла. Она же в том или ином виде пережила и советскую эпоху в нашем регионе. На постсоветском пространстве мы порой идеализируем эту модель, сравнивая западноевропейские университеты со своими, отечественными не в пользу последних. Но при всей справедливости уважительного к ним отношения нужно понимать, что даже Западная Европа осознала свое системное отставание от той модели университета, на которой развивается североамериканская или японская высшая школа. Это сравнение и осознание его результатов стали важными побудительными причинами развертывания так называемого Болонского процесса. Тем удивительнее, на этом фоне, выглядят риторические увещания, направленные на апологию, превозношение советской модели образования как все еще вполне жизнеспособной и не нуждающейся в радикальных изменениях. Возможно, для таких позитивных оценок есть место в истории советской науки и образования эпохи 1950–60-х гг., но не позже, да и то преимущественно в отраслях, прямо связанных с деятельностью советского военно-промышленного комплекса. Думается, что дальнейшая приверженность такой установке – опасное (если даже вполне искреннее) заблуждение.

Мир изменился и продолжает меняться радикально. Для примера, стоит принять во внимание масштабы и темпы изменений климата, опережающие многие пессимистические прогнозы ученых. «Консервативная» реакция на эти явления, с соответствующей неспешностью выводов, с сомнениями в том, имеет ли такое явление место вообще или же это выдумки паникеров, само традиционное реагирование на него через призму соблюдения интересов, прежде всего отечественных и глобальных товаропроизводителей уже дорого обходится человечеству. Глобальное отставание образовательной системы от требований нового витка развития цивилизации и вызванных им рисков становится все более очевидной. Не гиперболизируя в этом роль образования, хочу

подчеркнуть, что именно в его сфере могут быть найдены или же нет все основные решения, требующиеся людям, отдельным странам и человечеству в целом. Пока осознание этого императива запаздывает под шумовой фон решения текущих проблем, например, поиска денег на поддержку существования образовательных институций и их персонала, решения вопросов, связанных с уменьшением числа абитуриентов из-за негативных демографических процессов в Европе и т.д. Все эти проблемы тоже важны, но все же второстепенны по сравнению с необходимостью осознания того факта, что действующая модель образовательной политики нередко основывается на удобных, устоявшихся и одновременно все более дряхлеющих мифах и самовнушении. Образованию нужны его критическая ревизия, научная диагностика его проблем, в том числе годами запущенных, хронических болезней, с тем чтобы на этом основании перейти к его оздоровлению и обновлению.

М.Э. Чесновский: В стратегическом смысле вузовские системы большинства стран мира лишь вступили в период выработки и регулирования механизмов образовательной парадигмы XXI в., нового концептуального осмысления места высшего образования в обществе. В полной мере это относится к системе высшего образования Беларуси. Введение централизованного тестирования, поиски оптимальной продолжительности обучения в средней школе, переход на двухуровневую систему образования, неоднократное перекраивание социально-гуманитарного блока вузовского обучения, появление сегмента коммерческого обучения и т.д. – все это будоражит умы ученых, педагогов-практиков и многих граждан, о чем свидетельствуют многочисленные выступления на научных форумах и публикации в прессе. Однако, по мнению большинства теоретиков, активно обсуждаются поверхностные явления. Глубинные процессы модернизации высшего образования имеют не сиюминутный, а вневременной характер. Его ключевая задача – создание интеллектуального слоя, способного донести согражданам социально-гуманитарные критерии современного мироустройства, ставящие барьер на пути регресса, межнациональной розни и агрессии, внедрение в общественное и индивидуальное сознание идеалов взаимопонимания и сотрудничества.

Эдвард Ярмох: На мой взгляд, студенческая молодежь является сегодня важнейшим субъектом образовательного процесса, а потому очень важно, чтобы она умела выстраивать иерархию жизненных благ и целей и видеть в этом значение образования как собственной ценности. Ценности – это цели и блага, которые служат развитию человека в определенной сфере его жизни. Следовательно, можно различать ценности, касающиеся сферы телесной (физическое здоровье), психической (психическое здоровье), нравственной (духовность, мир, совесть), социальной (любовь, социальная справедливость, мир), религиозной (вера в сверхъестественное, надежда, любовь). Именно духовные ценности определяют в конечном счете суть нравственных норм и критерии их формирования с учетом природы человека и конечный смысл его индивидуальной жизни (экзистенции). Именно они дают возможность установления определенной иерархии между различными жизненными благами и целями, которые человек считает ценными. Именно это должно лежать в основе выстраивания молодыми людьми своих стратегических целей в образовании и поиска смысла в нем.

Г.И. Займист: *В Европе сегодня все больше набирают силу процессы интеграции образовательного пространства, существуют благоприятные условия для глубоких преобразований, нацеленных на реформирование национальных систем образования по единому образцу, чему успешно способствуют европейские образовательные процессы. Самый масштабный из них Болонский процесс имеет целью создание к 2010 г. единого «Пространства европейского высшего образования». В чем, на Ваш взгляд, в наибольшей степени происходит интеграция стран-подписантов, насколько успешно модер-*

низируются их системы образования по единому образцу? Насколько, по Вашему мнению, успешно функционирует существующая транснациональная образовательная сеть?

М.Э. Чесновский: Насколько глубоко и обоснованно могу оценить ситуацию, оформление единого пространства европейского высшего образования несколько запаздывает относительно согласованных сроков. Но процесс формирования происходит. Он весьма многогранен и сложен и втягивает в свою орбиту все новые страны. Кстати, и запаздывание связано с необычайной сложностью поиска и реализации моделей «перезагрузки» национальных систем высшего образования под единый образец.

Но повторюсь: транснациональная образовательная сеть формируется. Реализация этой масштабной идеи воплощается в ряде интеграционных проектов и программ, обеспечивающих унификацию национальных школ участников Болонского процесса с помощью одинаковых либо схожих организационно-методических, учебно-методических, учебно-исследовательских образовательных подходов. В его рамках издавались учебники, написанные интернациональными коллективами и адаптированные к современным критериям той или иной специальности. Информационные системы позволили вырабатывать универсальные технологии обучения, сближающие учебный процесс в вузах стран-подписантов. При многих ведущих университетах возникли технопарки, они помогли эффективнее разрабатывать, апробировать и широко внедрять инновационные методы и подходы в науке, не в последнюю очередь – студенческой. Зримым шагом на пути оформления транснациональной образовательной сети стала выработка учебных программ и планов, совмещаемых в формате отдельных специальностей и специализаций. Пожалуй, не менее результативным средством интеграции высшей школы европейских стран стало внедрение кредитно-модульной системы контроля качества знаний обучающихся.

Как представляется, названные интеграционные меры наиболее зримо приближают Болонскую программу к своему завершению. Высшее образование в Европе приобретает искомые черты мобильности и совместимости, обеспечивающие удаление преград на пути освоения обучающимися и молодыми специалистами инноваций, технических и технологических достижений как на современном уровне, так и с учетом развивающегося постиндустриального (информационного) общества.

А.Н. Круглашов: Образование все больше «размывает» существующие границы. Не только политические, между государствами, или географические, между континентами, но и менее зримые – между культурами и цивилизациями. Возможно, при этом создавая или усиливая социальные и культурные барьеры между теми, кто его не имеет и все еще лишен. Европейская интеграция из-за глубины и масштабов порожденных ею объединительных процессов, вызвала к жизни проект создания единого пространства высшего образования. Болонский процесс направлен на формирование совместимой системы высшего образования, открытой к честной конкуренции между институциями, их преподавательским и управленческим составом, студентами. Эта система нацелена также на удовлетворение потребностей насыщения европейского единого рынка труда высококачественными специалистами, способными бросать вызов США и Японии результатами своей деятельности. К 2010 году заканчивается срок выполнения государствами–участниками этого процесса ряда формально-легальных требований по обеспечению совместимости и взаимной открытости своих образовательных систем.

Но за всеми процедурами стандартизации, обеспечения ее единства предстоит решить очень много других важных вопросов. Страны–участницы Болонского процесса существенно отличаются между собой не одними лишь национальными моделями высшей школы, но и образовательными политиками, их приоритетами и т.д. Разница между ними состоит также в порой огромной дистанции между финансовым обеспече-

нием университетов, степени их автономии и самоуправления, и, что очень важно, в качестве управленческих и обучающих кадров. И все эти отличия будут существенно влиять как на саму логику дальнейшего развития Болонского процесса, так и на результаты его реализации. Похоже, что пока еще рано вести речь о создании единой транс-национальной системы высшего образования, хотя в обозримом будущем она должна появиться. Важным признаком общей значимости целей и задач Болонского процесса является то, что среди его участников есть, кроме стран-членов ЕС, что вполне понятно, также и страны, еще не являющиеся таковыми (например, Украина), и те, которые вообще не собираются ими стать в будущем (например, Россия). Болонский процесс порождает большие ожидания и одновременно вызывает немалые опасения. Одни из них связаны с возможной бюрократической формализацией и унификацией высшего образования, что не вполне совместимо с его креативными и инновационными задачами. А другие опасения вызваны пониманием разницы потенциалов и ожидаемых выгод от воплощения его требований из-за различных уровней социально-экономического и политического развития стран-участниц. Тем интереснее выглядит воплощение этого смелого эксперимента, вызванного действительными требованиями времени.

Эдвард Ярмох: Болонская декларация была подписана представителем Польши, что обусловило начало изменениям в системе образования, касающемся высшей школы.

Общие направления деятельности, связанные с формированием единого европейского образовательного пространства высшей школы, следующие:

- 1) провозглашение тезиса об образовании через всю жизнь;
- 2) подчеркнута значение и сделан акцент на сотрудничество между высшими учебными заведениями и студентами;
- 3) демонстрация привлекательности европейского пространства высшего образования в мире.

Польша включена в процесс реализации Болонской декларации. В частности, принимая действия, связанные с внедрением приложения к диплому, развиваются трёх-ступенчатый уровень образования, система кредитов ECTS, создана Государственная аккредитационная комиссия, провозглашена мобильность образования (например, в рамках программ обмена студентами и преподавателями Сократес/Эразмус, Эразмус/Мундус или в рамках двусторонних международных договоров) и т.п. Новый Закон о высшем образовании полностью соответствует требованиям Болонского процесса и декларации. Сейчас наиболее популярным в Польше в реализации требований Болонской Декларации является внедрение системы кредитных единиц ECTS. Это обусловлено выездами студентов и академических учителей в рамках международных и межвузовских программ Сократес/Эразмус. Польские вузы активно участвуют в реализации этих программ (около 100 государственных и 136 негосударственных).

Реализация решений Совета Европы в области высшего образования, таким образом, приносит положительные сдвиги в системе высшего образования в каждой из стран-членов Европейского Союза. Гораздо больше внимания уделяется проблемам унификации, стандартизации учебных планов и минимальных программных требований по учебным предметам, чем процессам индивидуализации, сохранению положительных традиций и достижений национальных систем высшего образования. К сожалению, экономические проблемы, затронувшие и высшую школу, сказались на организации учебного процесса. Так, соотношение между практическими занятиями и лекциями заметно изменилось в пользу лекций. Кстати говоря, это не соответствует организации учебного процесса в высшей школе США, модель которого положена в основу решений Болонской декларации. В США акцент делается именно на практические методы обучения: практически на каждом занятии проводится тестирование, результаты

которого учитываются при итоговой аттестации. При акценте на лекции затруднен индивидуальный подход к студентам. Между тем представление об университете как источнике знаний не в полной мере отвечает требованиям сегодняшнего дня.

Учитывая ускоряющийся процесс обновления знаний в мире, новую парадигму образовательной доктрины – «образование через всю жизнь», можно утверждать, что современный вуз – это источник новых перспективных целей для каждого человека, новых аксиологических отношений к самому себе, к ценностям своей жизни. Такое представление о роли университета в индивидуальной жизни каждого обучающегося в нем должно повлечь за собой существенные изменения в деятельности университета, неважно к какому профилю он относится. Таким образом, мы вновь возвращаемся к проблеме индивидуализации учебного процесса в высшем учебном заведении. Реализуемая ныне реформа европейского высшего образования на основе Болонской декларации не в полной мере отвечает этому требованию времени.

Г.И. Займист: В свете вышеназванных процессов на начальном этапе реформирования образования вообще, университетского образования в частности, для национальных систем образования встали принципиально новые и сложные задачи: как избежать дефундаментализации и девальвации образования, механического копирования западного опыта. Что, по Вашему мнению, в наибольшей степени сегодня будет соответствовать понятию «национальная модель образования»?

М.Э. Чесновский: Вы усмотрели, пожалуй, наиболее острую проблему выстраивания конструкции Болонского процесса. Эта конструкция объективно приводит к дефундаментализации и девальвации именно национального образования. При этом предшествующий, как Вы выразились, «западный опыт», также в значительной степени подвергается перекройке. Происходит «перезагрузка» национальных систем образования всех европейских стран под общеевропейскую образовательную модель.

Каждой стране-подписанту остается лишь определить меру выигрыша и потерь от дефундаментализации и девальвации национального образования.

Беларусь несколько отстала от других европейских стран в деле включения в Болонский процесс. Принципиальное решение о присоединении принято, а вот внедрение его принципов и форм происходит неторопливо и не повсеместно. Белорусские организаторы высшего образования, педагоги высшей школы – ученые и практики – наблюдают за метаниями своих европейских коллег, стремящихся оградить от общеевропейской унификации национальное своеобразие собственных университетов, сохранить наиболее эффективные и национально чтимые бренды и элементы образования.

Но дело не сводится лишь, так сказать, к патриотическим чувствам и традициям. Как уже неоднократно отмечали мои собеседники, Болонский процесс закономерно обуславливает эволюцию структуры (да, структуры в первую очередь, а в дальнейшем, безусловно, и содержания) многих других сфер и областей развития страны. Прежде всего он вызывает реструктуризацию сфер науки, социальной жизни, рынка труда, номенклатуры квалификаций и специальностей. Это и вызывает немалые опасения у руководства стран.

В Беларуси сделана попытка снять часть опасений еще до официального подключения к Болонскому процессу. В первую очередь, дело коснулось сохранения за существующими уровнями профессионального образования исторически сложившихся ниш на рынке труда. Отсюда родился вариант замены «болонского» бакалавра «белорусским» специалистом. Дело в том, что образовательный уровень бакалавра не обеспечен квалификацией специалиста с высшим образованием. Это означает, что выпускник бакалавриата в Беларуси потенциально уравнивается с выпускником среднего специального учебного заведения, становясь излишним ему конкурентом. И вузы страны,

перейдя на двухступенчатую подготовку кадров, усилили бакалавриат настолько, что его выпускники сохранили за собой традиционную нишу пополнения рынка труда специалистами с высшим образованием. Из этой ниши в настоящее время вычленяется наиболее интеллектуальный сегмент – предподготовка к аспирантуре, вузовская и ссузовская педагогическая деятельность – для магистров.

Конечно, не только стремление избежать разрушения существующего рынка труда определило сдержанность и замедленные темпы включения Беларуси в Болонский процесс. Для столь масштабной реформы требуются солидные материальные и финансовые средства. Наша страна с переходной экономикой, избегая их распыления, определила собственную очередность преобразований. Высшая школа не стала в этом перечне «первой ласточкой».

А.Н. Круглашов: Проблема «дефундаментализации» высшего образования, на мой взгляд, имеет разные измерения и проявления. Но нельзя не заметить, что в этом процессе отразилась важная потребность в массовом, а значит, достаточно доступном, эгалитарном высшем образовании. Утратив социальную закрытость (эксклюзивность), что является благом, система образования попутно подрастеряла интеллектуальную требовательность и избирательность, что становится все более очевидным злом. Высшее образование и даже научные степени становятся все доступнее, находятся в слишком свободной привязке к интеллектуальным и профессионально-моральным качествам претендентов на их получение. И это системная проблема современности, очень острая в постсоветских странах, но ими несколько не ограничивающаяся.

Что же касается любого зарубежного опыта, то даже самый передовой нельзя копировать механически. В этом опыте нужно отделять его сущностную сторону, внутреннее содержание от внешних, формальных проявлений. В последних, наверняка, каждая страна или даже отдельный вуз могут и должны отражать свою специфику. Но содержание изменений, общая направленность реформ высшего образования, принципы деятельности системы управления им вряд ли отличны. Система образования нуждается в постоянных изменениях, продуманных, системных и последовательных. Она должна основываться на передовом современном национальном и мировом управленческом опыте, в ней не место чиновничьему произволу и чрезмерной государственной регламентации, она должна быть открытой, гибкой, ориентированной на саморазвитие. Для этого ей необходим постоянный общественный контроль, применение государством, потребителями образовательных услуг и самим профессиональным сообществом ВУЗов международных систем оценки качества дидактической и научной работы преподавателей и управленцев. Именно такие критерии оценок и индикаторы должны быть положены в основу оценки труда как отдельного преподавателя, так и вузов, системы образования в целом.

На постсоветском пространстве, в особенности в системе высшей школы и высшего образования накопилось много проблем, требующих своего решения. Образование отражает и фиксирует социальную и политическую модель общества и государства. Благо, если она нуждается только в частных изменениях. В нашей ситуации задачи стоят гораздо более масштабные. Но все же - разрешимые.

Эдвард Ярмох: Современная система высшего образования в Польше, которая сформировалась в начале 1990-х годов, характеризуется сильной раздробленностью (организационной и тематической), разделением на институты Польской Академии наук, структурными образованиями в области науки и развития, научными структурами высших учебных заведений. Имеется преимущество в развитии познавательной, исследовательской тематики над исследованиями прикладными. Вызовы, которые обусловлены глобализацией, положение Польши как члена Европейского Союза, в том числе возможности пользования структурами европейских фондов, изменения в иерархии це-

лей в рамках специфической функции науки повлекли за собой необходимость изменений в системе образования и польской науки. Предпринятые Министерством науки и высшего образования меры имеют целью определить направления этих изменений в концепции научно-технической и инновационной политики до 2015 года.

Эти меры могут быть не реализованы полностью, поскольку они касаются не только Польши, но и других государств–членов Европейского Союза; их реализация испытывает трудности, обусловленные мировым экономическим кризисом, который в значительной степени ограничивает средства, которые ранее были предусмотрены для этих целей.

В Польше в последние годы со стороны как правительства, так и научного общества существенно изменилось отношение к образованию и науке. Собственно это внимание усилилось практически во всем мире. Причины здесь общие: дальнейшее развитие экономики только за счет естественных источников и традиционного научного знания уже исчерпаны, нужны прорывы как в науке, так и в технологиях и образовании. Эти изменения возможны не только за счет структурных, финансовых и других реформ. Они принесут большой эффект, если на новый уровень поднимутся и вопросы кадрового обеспечения системы образования и научных учреждений.

*Материал подготовила Г.И. Займист,
кандидат философских наук, доцент*

УДК141.32

Б.М. Лепешко

ФЕНОМЕН СТРАХА: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДЧУВСТВИЯ

В статье рассматривается генезис категории страха, характеризуются сущностные черты данной дефиниции, показывается специфика данного социального чувства с точки зрения философского знания. Подчёркивается важность и своевременность обращения к экзистенциальным категориям в контексте развития современного социума. Доказывается, что страх выступает важным эвристическим средством, фактором самореализации личности, воплощением человеческого в человеке.

1

Является ли страх абсолютным социальным чувством, присущ ли он нам всем без исключения, есть ли страх сущностная черта человека и как биологического вида, и как социального существа? Положительный ответ на этот вопрос подразумевается, поскольку страх представляется той константой, которую легко обнаружить в поведении всех людей, в том числе и самых выдающихся. Греческие герои, например, казалось бы, не боялись ничего, в том числе и смерти. Однако страх был им присущ: в случае выбора, например, между гибелью и сохранением чести. Второе всегда оказывалось предпочтительным, и потому воинская доблесть и по отношению к себе подобным, и по отношению к богам вытесняла чувство страха. А вспомним Крона, который боялся своих детей и потому велел своей жене приносить к нему их и безжалостно проглатывал. Пятерых детей проглотил Крон, и только последнего, Зевса, спасла жена. Крон боялся, и справедливо: Зевс уничтожил отца и вернул к жизни братьев и сестёр. После этого наступила эра олимпийский богов, и уже Зевс решал, кому и чего бояться. Вообще, обращаясь к греческой мифологии, понимаешь: всё предопределено, в том числе и всеобщая взаимозависимость. Зевс всемогущ, но и ему закрывает глаза бог Гипнос, погружая в сон. Правда, это вовсе не означает того, что Зевс боялся этого ласкового малыша. Однако зависимость – одна из предпосылок страха. Ведь если, например, поразмышлять над страданиями Ио, любовницы Зевса, которую гнала законная супруга олимпийца Гера до самого Египта, то понимаешь: Зевс, видя страдания любимой, ничем не мог помочь ей. Боялась Ио, боялся Зевс. Таких примеров бесчисленное множество: нимфа Дафна как смерти боялась брака. Бог войны, неистовый Арес боится Афины Паллады, которая может направить удар какого-нибудь смертного грека и ранить самого бога. И тогда надо лететь к Зевсу и требовать возмездия. Сказанного достаточно для первого вывода: несмотря на «олимпизм», в числе признаков которого бессмертие, греческие боги столь же подвержены чувству страха, как и простые смертные.

И речь, конечно, не только о греческих героях. Чувством страха переполнены герои средневековья: боится Зигфрид, боится рыцари Круглого Стола, Нибелунги боится, а что уж тут говорить о героях Калевалы. Причём, знакомясь с эпосом этого периода, не покидает странное чувство: герои как будто нагнетают страсти, они ищут предмет страха, а тогда, когда страх рассеивается, они чувствуют непонятное томление, неудовлетворённость. Происходит некий «круговорот страха», когда все боится всех и потому находятся в постоянном катастрофическом движении. Когда-то об этом хорошо сказал Жак Ле Гофф, характеризуя период раннего средневековья. Он писал: в средние

века преобладало некое бегство. «Завоеватели – это беженцы, подгоняемые другими, более сильными, или более жестокими, чем они. Их собственная жестокость часто происходила от отчаяния, особенно когда римляне отказывали им в убежище, коего они обычно миролюбиво испрашивали» [1, с. 15]. В результате гунны набросились на аланов, аланы – на готов, готы – на сарматов и т.д., причём все боялись и ненавидели всех. Средневековые вообще было временем великих страхов и великих покаяний, коллективных, индивидуальных, публичных, скрытых. Как свидетельствуют историки, люди, нёсшие камни для строительства храмов, периодически останавливались для публичной исповеди и бичевания. Чума провоцировала галлюцинирующие процессы. У голодных, полуодетых людей, которые боялись всего и всех, разум часто находился в подавленном, депрессивном состоянии. Отсюда видения, явления святых, дьявола и самого Бога. Преобладало чувство неуверенности, связанное с постоянной угрозой личной безопасности, неурожаями, войнами. В результате страх всегда преобладал над надеждой.

Однако страх античного человека и человека средневековья нельзя назвать тождественным, это страхи разного порядка и уровня. Страх Одиссея, который боится, что никогда не увидит ни Итаку, ни Пенелопу, тем не менее носит черты оптимистичности: вера, надежда преобладает над страхом. Средневековый человек находится в иной ситуации: страх подавляет и надежду, и веру. Но есть здесь и иное важное качественное различие: между средневековым человеком и Богом, дьяволом, святыми – пропасть, перейти которую он может лишь путём преодоления греховности собственной натуры и личной жертвенности. У античного человека бог – современник, с ним можно запросто поговорить, более того, с ним можно спорить и даже с ним бороться. Есть и иной парадокс: средневековый человек чувствует себя очень одиноким, но за ним стоит фактически всё христианство. Человек античности видит некий синклит богов, однако все они – каждый за себя, а потому спасение видится в личных действиях. Отсюда – разные социальные, психологические чувства, которые характеризуют эти два цивилизационные типа людей.

Эпоха рационализма и сенсуализма казалось бы исключила страх из числа приоритетных социальных констант. Критицизм распространяется и на понимание страха; если единственная вещь, которую трудно отрицать, это сомнение, то стоит выразить сомнение и в отношении страха. Разум обладает многими преимуществами, одно из них – возможность подавления таких деструктивных характеристик, как ужас, страх. Объяснить – значит исключить страх. И потому теоретики сомневаются, ищут новые методы познания, развивают индуктивный способ умствования и для них категория «страх» является понятием третьего порядка. Для человека нового времени страх «не математичен», «не верифицируем», а потому бессодержателен в эвристическом плане. Схоластика «отрицает» страх, но отрицает его и новый метод Декарта. В каком-то смысле привычные вертикальные связи средневековья заменяются горизонтальными связями. Если раньше люди двигались либо вверх, в царство вечного блаженства, либо вниз, в геенну огненную, то теперь у них появилась возможность ощутить жизнь как рациональное познание, как деятельность, как реализацию своих собственных возможностей, и страх в этом изменившемся континууме занял второстепенную позицию.

А теперь вернёмся немного назад, в эпоху, связанную с деятельностью и проповедью Иисуса Христа. Испытывал ли страх Иисус Христос?

2

Этот вопрос можно трансформировать: все ли человеческие чувства были присущи Сыну человеческому? Вопрос непростой. Вот, скажем, Сатана; ему присущи какие характеристики? Обычно называют следующие: честолюбивые желания, ревность,

зависть, злая воля, ненависть. Но ни один источник не утверждает, что Сатана чего-то боится. Вспомните булгаковского Воланда: страха нет. При всех логических доказательствах его личного существования. Христос тоже существовал лично, как утверждают библейские источники, но ему были присущи фактически все человеческие чувства, кроме греховности, греха. Он безгрешен. А как здесь со страхом?

Прежде чем мы попробуем ответить на этот вопрос, вспомним известные замечания Василия Розанова, высказанные в статье «Об Иисусе Сладчайшем», смысл которых сводился к тому, что христианство – религия смерти. Зачем Христос пришёл в мир? Да, исполнить волю Отца своего, да, искупить первородный грех, но ведь он пришёл умереть, но не жить. Вечная жизнь достигается путём прекращения жизни природной, физической, собственно человеческой. А это – слишком высокая цена для конкретного, «живого» человека. Но смерть предполагает соответствующий поведенческий антураж: в частности, Христос никогда не смеялся, все его иконописные изображения полны грусти. И понятно почему: страдание предопределило подобные оценки и изображения.

В работе «Христос есть путь» датский мыслитель Сёрен Кьеркегор, описывая земные страдания Христа, чаще всего использует понятие «стон». «Я пришёл, чтобы зажечь на земле огонь, но ничего мне бы так не хотелось, чтобы он уже горел. Ведь это же стон: как узок путь. Стон» [2, с. 374]. Или обращение Христа к Иуде: «Что делаешь – делай скорее». Это – тоже стон. Кьеркегор говорит, что парафраз последней встречи Христа с апостолами один: «Ну, скорей же». Так бывает, когда кому-то надо выполнить чудовищную задачу, и он боится, что ослабеет, боится, что задача может быть не выполнена, и поэтому всё тот же стон: скорее! Или последняя встреча: он вошёл на гору Елеонскую вместе с учениками, «И Сам отошёл от них на вержение камня и, преклонив колени, молился, говоря: Отче! О, если бы Ты благоволил пронести чашу мою мимо меня! Впрочем, не моя воля, но твоя да будет» (Лк. 22, 42). Христос – богочеловек, и понятно, что если грех присущ Христу, то он присущ и Богу. Но, в таком случае (если прибегнуть к той же аналогии), если Христу присущи страдания, то они присущи и Богу? Обычно теологи решают эту проблему путём разделения божественного и человеческого: Христос – человек, но Бог таковым не является. Ведь если быть последовательным, то, если Христос Богочеловек, то и Бог является таковым. Здесь, конечно, есть вопросы к корректности первичной аналогии (в ситуации с рассмотрением греха). Но для нас важнее констатация, согласно которой Христу присущи все человеческие чувства, отсюда получается, что он испытывал и страх. Нравственная цельность личности Иисуса не имеет изъянов, однако человеческая (природная) его сущность является идентичной среднестатистическому человеку его эпохи.

Эрнест Ренан, анализируя в своей классической работе этот миг слабости Христа, полагает, что это вообще был единственный момент такого рода. Да, в последние дни перед казнью «страх, сомнения овладели им и повергли его в состояние слабости, которое хуже самой смерти» [3, с. 179], однако он быстро преодолел это чувство. Он мог избежать смерти, замечает в заключение Ренан, но не захотел. Заметим: спорное замечание. Он не мог избежать смерти по многим основаниям, среди которых на первом месте – предопределённость его пути, исходящая из божественного предопределения. Представим себе, что страх действительно победил его, и он отказался от предопределённого ему пути. Обесмысливается не только его появление в мире, обесмысливается само существование мира, если исходить из теистической традиции.

Теистическая традиция не акцентирует внимания на понятии «страх». Слабость секундная – да, но страх? Ведь появление богочеловека в мире как раз и связано с преодолением страха, прежде всего страха перед смертью. Жизнь – вечная, какой же может быть страх? Но жизнь полна страданий, жизнь противоречива, иногда грязна и тра-

гична, а потому страх может быть «здесь», но его не может быть «там». Булгаковский Пилат часто повторяет, что «трусость – главный порок», и трусость выступает синонимом страха. Пилат отдал бродячего проповедника той толпе, которая кричала: «Распни его!», и это решение терзало его всю жизнь. Страх не приветствуется, страх – синоним предательства, признак того, что человек не готов к поступку. К слову, если глас народа – глас божий, то как понять этот дикий крик – «Распни его!»? Как воплощение гласа божьего?

Юрисдикция страха заканчивается там, где начинается христианство, но это в идеале. Уже говорилось, что средневековое общество предпочло страх надежде. Средневековое общество жило в вечном страхе не потому, что страх принесло христианство. Как раз христианство принесло избавление от страха. Однако для того, чтобы понять это, понадобились духовный опыт, тысячелетия эволюции человечества. И жизнь святых церкви доказывает это: в этой жизни, как правило, не было страха. Могла быть скорбь, печаль, но не было страха. Франциск Ассизский проповедовал птичкам, и уже за эту проповедь Господь мог бы простить все грехи человечества – от Адама и до Апокалипсиса. Франциск Ассизский не боялся природы – как можно бояться того, частью чего ты сам являешься? Он не боялся голода, холода, болезней, потому что был уверен: всё это награда за жизнь и возможность исполнять свой долг перед Богом. Боязнь, страх вообще отсутствовали, и это было именно тем, за что мы благодарны христианству. Но если для Франциска Ассизского страх был неведом (во всяком случае, его биографы об этом ничего не говорят) то иная ситуация с жизнью, например, Сергия Радонежского. О нем пишут: «Сергия, без сомнения, ужасали образы, созданные его собственным воображением, ему приходилось бороться со страхом, вызванным различными бесовскими явлениями, кроме того, уже в действительности, а не только в воображении он должен был преодолевать физический страх, который на него наводил вой волков и рёв медведей, бродивших вокруг его хижины» [4, с. 91]. Но вот интересное признание: дикие звери вскоре стали для Сергия друзьями, и если Франциск проповедовал птицам, то Сергей – медведям. «Европа – Азия», скажет продвинутый начётчик, усмехнувшись этому сопоставлению.

Теперь же совершим мысленный скачок к идеям мыслителя, для которого страх не только в личном, но и в философском значении потребовал целой теории.

3

В 1844 году Сёрен Кьеркегор, издаёт ряд работ под разными псевдонимами. Среди них – «Понятие страха» Вигилиуса Хауфнёнсиса. Здесь собственно философские мотивы настолько тесно переплетаются с психологическими, что часто трудно определить, где изложение темы, а где её «практическая» демонстрация. Центральной категорией здесь выступает философия свободы; обоснованию, пониманию свободы мыслитель посвятил сотни страниц.

Он исходил из того, что свободу невозможно обосновать логически, ведь логика – синоним необходимости, а какая может быть необходимость применительно к свободе? Свободу может и должен истолковывать и психолог. Но что для нас принципиально: состояние, делающее свободу возможной, есть не что иное, как страх. «Посредством страха происходит прыжок из невинности в грех по отношению к самому себе, а также из вины в веру» [2, с. 167]. Вообще датскому мыслителю была свойственная мысль, согласно которой «страх провоцирует заблуждение». Комментатор трудов Кьеркегора, П. Роде, анализируя эти пассажи, замечает, что именно страх есть предпосылка греха, а не его следствие, как это можно было бы подумать. Это соответствует и тому, что говорил З. Фрейд в своей статье «О чувстве вины»: человек не по-

тому исполнен сознания вины, что грешит, но грешит, потому что исполнен сознания вины.

Но эта мысль – отражение метода мыслителя, в основе которого единичное, частное, а умозрительные спекуляции вообще бессмысленны, поскольку в центре не сами эти спекуляции (как, скажем, у Гегеля), а тот, кто их производит. А их производит рефлексивный, реально существующий индивид. Правда, надо учитывать, что этот самый рефлексивный субъект – во многом он сам, «гений в провинциальном городе» (имеется в виду Копенгаген).

Страх для Кьеркегора вовсе не синоним боязни или тревожно-боязливости существования. Страх – это и чувство, и обстоятельство, которое охватывает человека в ходе осознания нахождения этого человека внутри бытия, в окружении природных, социальных стихий. Страх – это в каком-то смысле символ осознания человеком самого себя. И это осознание, повторимся, вовсе не обязательно должно носить катастрофический характер. Скорее, страх у датского мыслителя связан с таким понятием, как беспокойство, страх символизирует открывающиеся горизонты познания и понимание человеком безбрежности этих горизонтов. Это, скорее, нечто томительное, беспокоящееся, нежели тревожное, боязливое.

Страх связан с бытием, отношением человека к бытию. Страх есть контрапункт, место пересечения природного и социального, духовного миров. Эта та точка, которая «вбирает» в себя понимание полифоничности мира. А что касается свободы, то она и есть действительность. Свобода не нуждается в рефлексии, поскольку она или есть, или её нет. Попутно заметим, что эти идеи были впоследствии интерпретированы многими мыслителями, причём несколько неожиданно. Скажем, Поль-Мишель Фуко, тяготясь возможностями свободы, полагал, что свобода столь же тяжела для личности, как и несвобода в любых её проявлениях, поскольку и одно, и другое – реальность.

Даже эти конспективные замечания демонстрирую ту глубину кьеркегоровских размышлений, в основе которых демонстрируется бессилие логики и философии перед сложнейшими проблемами бытия. Причём – что парадоксально – эта демонстрация осуществляется исключительно путём применения арсенала той же логики и философии. Для того чтобы убедиться в этом, обратимся к трудам одного из русских мыслителей.

Николай Бердяев, размышляя о специфике кьеркегоровского «страха», соглашается с датским мыслителем в принципиальных моментах. Однако полагает, что в иерархии чувств первое место занимает не «страх», а «тоска». В своей философской автобиографии («Самопознание») он пишет: «Нужно делать различие между тоской и страхом и скукой. Тоска направлена к высшему миру... Тоска обращена к трансцендентному... Страх и скука направлены не на высший, а на низший мир. Страх говорит об опасности, грозящий мне от низшего мира. Страх, всегда связанный с эмпирической опасностью, нужно отличать от ужаса, который связан не с эмпирической опасностью, а с трансцендентным, с тоской бытия и небытия» [5, с. 51–52].

В главном и Кьеркегор, и Бердяев согласны: страх не сводим к обычным тревожным ощущениям. Это чувство, выводящее человека за пределы коллективного сознания, индивидуализирующее его, позволяющее добиться важных эвристических результатов в процессе познания. Страх – это символ творчества, обеспокоенности личной судьбой и судьбой мира. Экзистенциальная философия вовсе не есть изобретение Кьеркегора; всегда существовали мыслители, которые «вкладывали в философию себя, то есть познающего как существующего» (Н. Бердяев). Заслуга автора «Или – или» состоит, главным образом, в том, что экзистенциальные искания, одним из контрапунктов которых было понятие страха, стали эпицентром «нового обожествления» человека, обожествления, в котором божественное становилось синонимом человеческого. Состояние подавленности, которое часто ассоциируется со страхом, должно быть удалено

на периферию интереса философа. Но тот страх, который пробуждает инициативу, интерес, провоцирует усилия личности по преодолению дискомфорта существования, должен быть поставлен на подходящее место.

Причём страх не тождествен и ужасу. Скажем, «Достоевский – художник ужаса» [5, с. 51], «ужас драматичен, связан с вечностью». Ужас более глубок, нежели страх, если критерием глубины считать степень разорванности человеческого существования и невозможность «сшить» его доступными рационалистическими средствами.

4

А как с русской традицией? Первоначально обратимся к Николаю Гоголю. Перед нами том его переписки с друзьями, изданный в 1894 году. Его можно назвать по-разному, но одно из определений очевидно: это книга страха, ужаса, которые жили в душе писателя и прорывались наружу, когда сознательно, когда нет. И дело не только в том, что любой исследователь легко найдёт текстуальные подтверждения этого страха, этого ужаса. «Страшна душевная чернота», «Соотечественники, страшно!» – эти и многие иные похожие восклицания отражают реальный, чёрный, воющий ужас, который жил в душе великого поэта. «Часто бывает так тяжело, так тяжело, такая страшная усталость чувствуется во всём составе тела, что рад бываешь, как Бог знает чему, когда, наконец, оканчивается день и доберёшься до постели. Часто, в душевном бессилии, восклицаешь: «Боже, где же, наконец, берег всего?» [6, с. 18].

Страх, ужас коренился не только в душе поэта. Точнее, источник страха – не только душа. Источник страха – действительность, культура. Приведём примечательное признание, цитату: «Я до сих пор не могу выносить тех заунывных, раздирающих звуков нашей песни, которая стремится по всем беспредельным русским пространствам. Кому, при взгляде на эти пустынные, доселе незаселённые, неприютные пространства не чувствуется тоска, кому в заунывных звуках нашей песни не слышатся болезненные упреки ему самому» [6, с. 90]. К этому стоит добавить, что контекст таким образом понятой тоски может быть существенно расширен до восточнославянского контекста. Действительно, многие народные, иные наши песни – это плач, тоска, страх, апофеоз бессилия и покорности судьбе. Достаточно послушать песни, которые отдельные собиратели белорусского фольклора выдают за единственное воплощение белорусской души. Если это действительно так, то хочется максимально отдалиться от таким образом понятой национальной души, поскольку она депрессивна, тосклива и безрадостна и угнетающе действует не только на современников. Чего ж удивляться тому, что следствием песен такого рода является пролонгация социального страха, социальной тоски, национальной депрессии.

Но страх, испуг у Гоголя может иметь и позитивные, конструктивные черты. Рассуждая в одном из писем, как читающая публика приняла его «Мёртвые души», Николай Васильевич замечает, что «русского человека испугала его ничтожность более, нежели все его пороки и недостатки». Но это замечательное явление, подчёркивает поэт, этот испуг, этот страх – «прекрасный». Его прекрасность заключается в том, что появляется «отвращение от ничтожного», появляется понимание сути ничтожного в человеке и вызываемое этим понимание прекрасного в человеке. Уныние и тоска в этом контексте не так плохи, как могло бы показаться на первый взгляд. Погружаясь в уныние, человек видит свою ничтожность, свою презренность, и тогда могут и должны появиться мысли о Боге. Более того, «прекрасность» страхов, ужасов писатель распространяет на всю Россию. В статье «Страхи и ужасы России» он утверждает, что тот страх, который имеет место в стране, благодетелен, так как даёт возможность осознать глубину социального, личного падения и найти какой-то выход из него. «Что же каса-

ется до страхов и ужасов в России, то они не без пользы: посреди их многие воспитались таким воспитаньем, которого не дадут никакие школы». Именно пережитые ужасы дают шанс реализовать себя, причём реализовать так, что «Европа придёт к нам не за покупкой пеньки и сала, но за покупкой мудрости, которой не продают больше на европейских рынках» [6, с. 158]. Стоит разве что пожалеть сегодня: это пророчество великого поэта не сбылось, и приходят к нам по-прежнему «за пенькой и салом». Страх, ужас, которых было в избытке, так и не помогли.

Страх – неизученная категория в творчестве Гоголя. Это можно утверждать достаточно смело, поскольку до сих пор нет исследования, в той или иной степени обрабатывающего наше внимание на этот феномен. А ведь, если задуматься, страх сопровождает писателя всю его жизнь. Страх людей вообще и женщин в частности. Страх, что не поймут, и горькое удовлетворение, возникающее тогда, когда действительно не понимали. Страх смерти, ужас возможного сумасшествия и одиночества, столь зримо продемонстрированный в «Записках сумасшедшего», и реальная кончина, своим запредельным катастрофизмом не дающая спокойно даже читать воспоминания, свидетельства той поры. Страх быть заживо погребённым, страх умереть на чужбине, страх, что родина не поймёт тебя и что ты не понимаешь родину, словом, страхи, фобии сопровождали его всю жизнь, и всю жизнь он оправдывался, в том числе и в том, в чём не был виноват.

Страх был – в каком-то смысле – визитной карточкой писателя; мало того страх способствовал развитию его творческих потенциалов, страх заставлял работать. И не потому, что «кушать будет нечего», этот фактор для Гоголя как раз второстепенен. Речь об ином: пропадёт страх – пропадёт и тайна творчества, оно станет невозможным в принципе. Но страх не только был фактором позитивным, – творчествообразующим, страх и уничтожал писателя, более того – уничтожил. И тогда, когда ночью, вместе с мальчиком-слугой он жёг свои рукописи, в огне, корчившись, «умирал» Костанжогло, была отдана очередная дань страху, и что удивляться, что вскоре после этого пришла и физическая смерть. Страх – каннибал, поскольку уничтожал и человека.

Однако теоретически «диалектику страха» в русской интеллектуальной традиции впервые исследовал не Гоголь, а Лев Шестов. В «Апофеозе беспочвенности», в частности, он аргументирует «апологию страха». Трусость, страх – это не порок, это, вполне возможно, добродетель. Возьмите Достоевского, пишет Шестов, вспомните Гамлета. «Если бы подпольный человек ничего не боялся, если бы Гамлет по своей природе был гладиатором, у нас бы до сих пор не было бы ни трагической поэзии, ни философии» [7, с. 63]. А страх смерти, который всегда был вдохновителем философов и поэтов? Ситуация, когда «отсечён» страх, бесперспективна, так как отсекается не просто одна из важнейших личных, социальных реакций (функций). Дело в ином: страх провоцирует знание, провоцирует творчество, поскольку обнажает проблему, обнажает душу человека, делает её беззащитной. Ужас перед смертью присущ всем живым существам, но можем ли мы утверждать, что речь идёт исключительно об инстинкте самосохранения? Очевидно, нет, полагает русский мыслитель и добавляет: «ужас имеет ещё какой-нибудь смысл», «он нужен и целесообразен» [7, с. 80]. Какой именно смысл, в чём именно целесообразность – ответа нет. Возможно, речь идёт о том, что страх служит тем фактором, благодаря которому растёт душа? Вот Шестов вспоминает «Выбранные места из переписки с друзьями», к которым мы обращались выше. Боялся ли Гоголь ада и чертей? Конечно, боялся. Но замечательное замечание: «нельзя стыдиться страха перед адом и чертями», поскольку страх – поднимает, но не унижает. Страх – человеческое качество и потому не может подвергаться моральной кастрации или философской вивисекции. Кстати, нельзя ли утверждать, что страх жизни – основа для многих вариантов морализаторства?

5

Ушёл ли страх как мироощущение, как философия, как первенствующее социальное качество после глобальных катастроф XX века? Конечно, и мы это видели: страх – вовсе не дитя XX века. Однако именно в этом веке ему придали форму, вид доктрины, теории, он стал предметом философских спекуляций и оправданием тех катастроф, которые были созданы людьми и от которых они же, люди, бедственно терпели. Что-то принципиально изменилось, и, те же ужасы, которые живописал Фёдор Достоевский, и тот страх, который искусно препарировал «единица» Кьеркегор, сегодня находятся от нас в теоретическом и духовном удалении? Вот Николай Бердяев: для него страх – воплощение творчества и свободы, точнее, одно из средств, один из путей воплощения творчества и свободы. Это личный опыт Бердяева или та закономерность, которая должна сохраняться в духовном опыте человечества постоянно?

Современный человек, прошедший две мировые войны, переживший угрозу ядерного уничтожения, достигший понимания невозможности коллективного жизнестроительства и разочаровавшийся в индивидуальном миропостроении, он, этот человек, готов разочароваться и в страхе. Если разочарование – новый атрибут мышления, то почему страх должен находиться вне его компетенции? Это всё так, и человеческое измерение страха, в основе которого тревожные ожидания, здесь не при чём. И Кьеркегор, и Бердяев, возражавшие против такого подхода, были правы. Поэтому страх остался, но остался в новом качестве, и суть этого качества выразить достаточно сложно.

Возможно, речь идёт о том, что страх прежде всего надо связывать вовсе не с индивидуальным (личностью), вовсе не со свободой и творчеством. Даже не с поисками и утверждением Бога. Страх – это понимание остроты личного переживания и уверенность в том, что это переживание будет оптимистичным по сути. Потому что пессимизм чреват ужасом. Страх фиксирует катастрофизм происходящего, но это полдела, это четверть дела. Поскольку главное заключается в мобилизации тех сил, о которых человек может и не подозревать. Да, мы можем говорить о «слепом страхе», который покоряет личность, давит его и уничтожает. Наверное, такие варианты возможны. Но для нас важнее иное: понимание выхода человека за пределы страха, потому что выход за эти пределы будет означать, что налицо новое качество и жизни, и поведения.

Более того: разве современный человек решил те задачи, о которых говорили классики экзистенциализма? Разве достигнуты те рубежи понимания проблемы, за которыми и сама проблема перетекает в некую новую сущность? Полагаю, что нет. Иногда говорят, что «экзистенциализм умер», значит, умерли и те проблемы, которые были поставлены его классиками. Теория, концепция может уйти, умереть, здесь нет ничего странного. Но как быть со страхом и его возможностями? Как быть со свободой? Что, те же тоталитарные идеологии умерли навсегда? Что, пресловутая соборность не может превратиться в практический кошмар, имеющий все атрибуты новой государственности? Что, творчество переродилось в инновации и это новообразование уже не требует руки хирурга? Ненужные вопросы, неверные вопросы, за которыми констатация того, что изменилось в мире мало и, главное, мало изменился сам человек, его социальная практика.

Конечно, страх сегодня мимикрирует, превращается в некие фантазмы, многие готовы трансформировать привычный, добрый, классический страх в нечто, существующее в иных мирах, на других планетах, и мистические откровения занимают место страха. Более того, страх превратили в средство экзальтации. Это и средство наживы, даже работа, основанная на том, чтобы «сделать человеку страшно». Эта деятельность стала профессией – небывалый ранее случай. Страхом могут щекотать, да и люди гото-

вы предаться этому новому испытанию. Исключительно потому, что свежести чувств не хватает, что острые ощущения достигаются именно таким, невиданным ранее способом. Страх становится не естественным, а неким новообразованием. «Искусственный страх» – до этого ни Кьеркегор, ни Бердяев, конечно, додуматься не смогли.

Каких только страхов не было, каких классификаций не придумывали. Вот З. Фрейд, классик жанра: есть так называемый «свободный страх» и просто «страх». Первое – это беспредметный страх, страх, «не знающий» вызывающего его объекта, синонимами здесь выступают такие термины, как «тревога», «тревожность». Собственно страх – это аффективное состояние ожидания какой-либо опасности. Но есть ещё и фобия – непреодолимый навязчивый страх перед каким-либо предметом или явлением. А как быть с искусственным страхом? И разве только с такой его формой? Нынешнее общество предлагает и виртуальный страх. Ты сидишь перед компьютером, погружаешься в виртуальные миры, и, казалось бы, должно быть страшно тому, кого убивают, насилуют, уничтожают в этих виртуальных мирах, но не тебе, игроку. Но странное дело: страх здесь же, но его суть вовсе не творчестве, вовсе не в раскрытии личных потенциалов, вовсе не в обнажении сущностных сил человека. Его суть – в сведении поведенческих, социальных функций к низменному, животному, к некоему фундаменту существования, от которого человечество, казалось бы, оторвалось достаточно давно.

Классиков экзистенциализма можно назвать великими идеалистами: они боролись за то, что сегодня ушло на периферию общественного интереса. Сегодня, если переиздать фундаментальные работы Кьеркегора и обратить на основные идеи внимание читателя, это вновь прозвучит откровением. Оказывается, человек – «единица», но никак не ноль, и не толпа. Оказывается, личные переживания, в том числе и страх, – предпосылка творчества, предпосылка вообще духовной состоятельности. Но какая может быть духовная состоятельность в обществе, которое отторгло эти идеи когда-то и трижды готово забыть их сегодня. Нынче – бал прагматизма, экономической состоятельности: от философов, историков, культурологов требуют не апофеоза единичного, а «процентов» и «валовых показателей». Новое человеческое (Ф. Ницше) ушло в сферу интересов новых духовников, скажем, психотерапевтов, объединившихся в «новый класс эксплуататоров», только эксплуататоров духовного. Если сегодня попробовать модернизировать Марксову классовую теорию применительно к такого рода реальностям, то окажется, что страты классифицируются по признаку не привычного экономического фактора, а фактора прагматичного – «надо – не надо». Старая дизъюнкция Сёрена Кьеркегора, «Или – или», получается безнадежно устарела, ей на смену пришло торжествующее «Надо – не надо». И всё же – не устарела. И всё же – страх нельзя перевести исключительно в виртуальную сферу, «опустить» его до состояния аффекта. Конечно, страх не некая панацея. Не универсальный способ творить или чувствовать себя свободным. Страх – это символ, и не исключительно тех потенциалов, которыми обладает человек.

Хотелось привлечь внимание к этому социальному чувству и потому, что люди всегда были и будут жить в страхе – не как дикари, боящиеся молний, но как индивиды, сумевшие поднять глаза к звёздному небу. Люди всегда будут культивировать страх: попробуйте представить себя абсолютно бесстрашными и вспомните, что чувством страха не наделён разве что Сатана. Страх для людей – этот тот резерв, из которого они могут и должны черпать новые возможности саморазвития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ле Гофф, Жак. Цивилизация средневекового запада / Ж. Ле Гофф. – Екатеринбург : У-Фактория, 2007. – 560 с.

2. П. Роде, Петер. Сёрен Кьеркегор / Петер П. Роде. – УРАЛ LTD, 1998. – 429 с.
3. Ренан, Э. Жизнь Иисуса. Апостолы / Э. Ренан – Минск : Беларусь, 1991. – 494 с.
4. Очерки по истории русской святости. Составил иеромонах Иоанн. – Брюссель : Жизнь с Богом, 1961. – 415 с.
5. Бердяев, Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии / Н.А. Бердяев – М. : Книга, 1991. – 446 с.
6. Сочинения Н.В. Гоголя. Издание 12. Том 5. Избранные места из переписки с друзьями. – СПб. : Издание А.Ф. Маркса, 1894. – 419 с.
7. Шестов, Л. Апофеоз беспочвенности. Опыт адогматического мышления – Л. : ЛГУ, 1991. – 214 с.

Lepeshko V.M. Phenomenon of Fear: the Existential Foreboding

The genesis of the category "fear" is considered in the article, also the essential features of this definition are characterized, showing specificity of the social sense from the standpoint of philosophical knowledge. The importance and timeliness of appeals to the existential categories in terms of development of modern society is emphasized. It is proved that fear is an important heuristic tool and a factor of self-realization and the embodiment of the humanity in man.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 29.03.2010

УДК 37:1

Е.Н. Григорович, Г.И. Займист, В.А. Степанович

ОБУЧЕНИЕ ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА КАК ОСНОВА ЕГО БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЯХ

В статье рассматриваются философские основания безопасности человека, обучения его правам и обязанностям в современных социокультурных условиях. В частности утверждается, что именно через права и обязанности человек интегрируется в наличное ему бытие, обретает свою идентичность, в которой сгущаются и реализуются экзистенциальные концепты культурно-исторической эпохи. В современных социокультурных условиях бытия человека его безопасность и обучение правам и обязанностям даются ему не сами по себе, а формируются в процессе упорного поиска своей идентичности, осуществляемого на основе личного выбора, порой в условиях социальной напряженности и конфликтов. Авторы приходят к выводу, что обучение правам и обязанностям человека является важнейшим условием его самоактуализации, обретения им безопасности и идентичности в современных социокультурных условиях.

Экзистенциальные концепты «Я» как ценности в обеспечении безопасности человека

Философские проблемы безопасности человека в современном беспокойном и быстро меняющемся мире весьма разнообразны. Мы остановимся на той из них, которая связана с социокультурным аспектом безопасности и, в частности, с такой ее важной стороной, как обучение правам и обязанностям человека. Эту проблему мы попытаемся рассмотреть на фоне сущностных характеристик человеческой личности.

Человек нормально развивается и функционирует лишь в том случае, когда он находится в безопасной для себя среде, т.е. в среде, способствующей сохранению его «сущностной», «субстанциальной» структуры. Такой средой для человека является, прежде всего, позитивная духовная культура, ведь именно она создает и обеспечивает те необходимые условия, в которых человек реализует себя как разумное, природно-духовное существо. Через культуру и посредством культуры человек не только духовно, но и практически осваивает окружающий мир.

Духовная культура, как известно, имеет много различных функций (например, познавательную, воспитательную, аксиологическую и др.). Среди них – коммуникативная и регулятивная функции, которые в жизнедеятельности каждого человека играют исключительно важную роль.

Коммуникативная функция, обеспечивая историческую преемственность в развитии самой культуры, выражается в духовно-практической связи: а) между отдельными людьми; б) между отдельными людьми и их социальной группой; в) между социальными группами; г) между отдельными людьми, их социальной группой и обществом в целом; и д) между различными обществами и этносами.

Регулятивная функция культуры существенно углубляет и конкретизирует коммуникативную, ибо она заключает в себе нормативное содержание коммуникации. Поэтому данная функция, как и коммуникативная, присутствует на всех уровнях взаимоотношений между людьми. Она обеспечивает отбор и использование человеком тех культурных ценностей (кодов, знаков, принципов и т.п.), которые он считает необходимыми для своего полноценного существования как личности, и (это особенно важно отметить) в конечном счете эти ценности предписывают человеку его права и обязанности. Именно через систему прав и обязанностей человек «вписывается» в наличное ему общество, становится полноправным его участником, обеспечивая тем самым свою безопасность.

Разумеется, система прав и обязанностей человека в каждую исторически определенную эпоху, в каждой стране имеет свое содержание и свои особенности. Она существует не только в форме установившихся обычаев, традиций, философских принципов и политических деклараций, но и в ряде четко сформулированных законов, разрешающих одни действия, запрещающих другие, ограничивающих третьи, т.е. она может иметь и строго юридическое выражение. Именно в качестве таковой данная система должна являться непререкаемым предметом изучения в школе различных уровней, что уже стало практикой в большинстве цивилизованных стран.

Процесс обучения правам и обязанностям человека имеет ту специфику, что каждый из участников учебного процесса проецирует на теоретические положения различные у него качества и одновременно преобразует эти качества, вырабатывая тем самым нормы своего поведения. Переживание человеком своих прав и обязанностей как моральных качеств порождает в структуре индивидуального сознания такие относительно независимые друг от друга, но опосредованные именно этим переживанием образования, как Я-концепция, концепция Другого человека, концепция Жизни и концепция Смерти. Эти психологические образования трансформируются в переживание человеком своих обязанностей, возможность и необходимость их выполнения в соответствии с качествами своего Я.

Кратко рассмотрим эти перечисленные частные концепции, которые в совокупности составляют интегральную концепцию сущностных характеристик человеческой личности.

Важное значение в формировании Я-концепции имеют нравственные нормы, регулирующие соответствующие отношения. В норме зафиксировано общее правило поведения, требование общественной дисциплины, предъявляемое ко множеству совершаемых людьми поступков. Вспомним рефлексии о нравственности и категорический императив И. Канта, который обосновывал критерий нравственного поведения человека требованием строго следовать установленным правилам. В принципах морали выражены обобщенные законы морального поведения, объединяющие множество различных поступков в единый образ жизни и линию поведения. В форме оценки совершается моральная санкция индивидуальных и массовых действий, общественных явлений. В результате положительной или отрицательной оценки некоторого поведения оно приобретает значение «образца», которому должно и позволительно следовать. По мере развития общества формируется своеобразный моральный кодекс, в который входят нравственные качества, знания о том, каким человек должен быть и какой он есть. Следующим этапом формирования нравственности человека является становление морального идеала. Это понятие, обобщая значимость нравственных норм поведения каждого человека, становится как бы воплощением всех возможных достижений человека и человечества. В истории морального сознания возникает необходимость в гибком и универсальном руководстве для человека, который хочет быть нравственным. Им стали моральные принципы. В этих принципах дается только общее основание для осуществления норм поведения и критерий для выбора правил в самых различных условиях.

Осуществление нравственного закона или нравственного требования принимается самим человеком как осознанное. Оценка морального действия является событием в жизни человека и существенно влияет на его судьбу, определяя последующий выбор. При этом, выполняя нравственное требование, человек обладает свободной волей, он сам управляет своим выбором и сам реализует его. Свобода воли, свобода выбора, как отмечал И. Кант, имплицитно ответственность человека за свои действия, за выбор цели и способов ее достижения. Духовность, свобода и ответственность – вот основные сущностные характеристики человека, составляющие содержание Я-концепции.

Сошлёмся на работу известного польского философа Владислава Татаркевича «О счастье и совершенстве человека». Это труд, подводящий итог его десятилетним размышлениям о человеке.

В этой книге Владислав Татаркевич приводит многочисленные суждения о счастье, делает анализ и описание сведений о нём. В частности, Вл. Татаркевич отмечает, что счастливым может считаться, во-первых, тот, кому сопутствует удача; во-вторых, тот, кто познал самые сильные радости; в-третьих, тот, кто обладал наивысшими благами, или, по меньшей мере, у кого баланс жизни является положительным; и, в-четвертых, тот, кто доволен жизнью. По мнению Вл. Татаркевича, существуют такие жизненные факторы, которые называют источниками счастья: внешние блага, добрые чувства, любимая работа, бескорыстные интересы и т.д. В этом анализе счастья человека есть, конечно, некоторая неопределенность, но эта неопределенность составляет достоинство мысли автора, ибо она позволяет каждому человеку делать свой выбор, формировать и реализовывать свою Концепцию Жизни, свою формулу счастья и следовать ей. Случается, к сожалению, и такая ситуация, когда человек не хочет строить свою формулу счастья, считая, что его не существует. Такая ситуация – трагедия.

Мы разные уже в том, что каждого из нас можно назвать индивидом (от латинского слова *individuum* – неделимое), т.е. отдельным существом, человеком, отличающимся от массы, группы, от коллектива, в некотором смысле даже противоположным им.

Понятие «Концепция «Другого» используется в научной литературе там, где нужно подчеркнуть одно важное свойство человека – его самостоятельность, возможность действовать по собственной программе, реализовывать собственные цели, принимать собственные решения. Как биологическое существо человек – неделимый, физиологически целостный организм, постоянно пребывающий в различных ситуациях поведения. Мы то индивиды, то нет. Быть индивидом и осознавать себя индивидом – это разделенные во времени понятия. Ребенок с рождения обладает свойствами индивидуальности, но осознает ее позднее как возможность самостоятельного и независимого поведения и действия; действия индивидности – это начало воли человека, ее проявления.

В жизни человека неиндивидное поведение (подчинение обстоятельствам, другому человеку в оценках, мнениях, в выборе мод, и книги для чтения и пр.) может быть связано с сознательным отказом (т.е. индивидным намерением) от индивидности и решением подчиняться обстоятельствам или другому человеку. Содержание индивидуального поведения каждого человека определяется нравственными и этическими ценностями, которые стали нормами поведения.

Термин «индивид» близок к термину «индивидуальность». Под индивидуальностью понимают неповторимое своеобразие чего-либо. В применении к характеристике человека это то, что отличает его от других людей по каким-то существенным признакам.

Если говорить об особенностях индивидуальности человека, его своеобразии, то для анализа этого своеобразия необходимо учитывать тот момент, что в поведении человека есть социальное умение отличать себя от других, быть неповторимым, уникальным, непохожим на других.

Регуляция своего Я нравственными нормами позволяет перейти от понятия индивидуальности, которое характеризует наши различия друг от друга, к понятию личности. Когда мы говорим о понятии индивида и индивидуальности, то выделяем в поведении человека два аспекта: возможность поступать на основе собственного волевого решения и возможность действовать творчески. Творчество – это такая деятельность человека, которая порождает нечто качественно новое, никогда ранее не существовавшее. Творчество как созидательная деятельность человека неповторимо по характеру и результату, оно всегда оригинально. Именно в индивидуальности человека реализуется его творческое начало.

В понятии «личность» обозначенные возможности уже выступают как необходимость. Личность – это тот уровень развития человека, когда он сам ставит и решает жизненные задачи, сам осознает и развивает свои потребности. Это значит, что личность организует свое поведение как индивид и обязательно обладает качеством индивидуальности – творческим началом. Подлинной же личностью человек становится только тогда, когда его самостоятельность и творчество направлены на принятие целей, задач, норм общества, т.е. личность выступает как человек, для которого общественные задачи становятся значимыми, важными; это своего рода отказ от индивидуальных потребностей, это принятие значения своей жизни как жизни для других, для общества. При этом общественные цели, задачи, нормы выступают для человека как его собственные, нужные ему. Развитие у человека способности взаимодействовать с другими отражает то реальное место в системе взаимоотношений людей, которое занимает каждый человек. В этой способности в снятом, свернутом виде проявляются реальные отношения реальных людей друг к другу и к вещам, к миру общественных предметов. Именно в способности взаимодействовать с другими, по нашему мнению, проявляется личность, индивидуальность, неповторимость человека.

Итак, ещё одной сущностной характеристикой человека является способность взаимодействовать с Другими. Эта способность проявляется во всех ситуациях действия человека, когда нужно поступать произвольно: ставить самому цели и находить способы их достижения. Понимание неповторимости, уникальности каждой личности, её самоценности, её отличия от нашего Я, её значимости для нашей коммуникации с ней, для коэкзистенции в обществе – таковы отдельные черты концепции Другого.

Каждый человек рано или позднее задумывается над проблемой конечности своего бытия. Человек, пожалуй, единственное существо, которое осознает свою смертность и делает ее предметом рефлексии, которая затрагивает самые глубинные области его внутреннего мира. Осознав конечность своего индивидуального существования, человек задумывается над вопросами о смысле и цели жизни, т.е. у него формируется т.н. «Концепция Смерти». Эти размышления приводят к тому, что человек начинает вырабатывать собственное отношение к жизни и смерти. История мировой культуры раскрывает извечную связь поисков смысла человеческой жизни с попытками разгадать таинство небытия, а также со стремлением жить вечно и если не материально, то хотя бы духовно, нравственно победить смерть. Для верующего человека решение этой проблемы – в религиозном знании, вере, убеждении. Человек неверующий должен искать ответ самостоятельно, прилагая для этого собственные духовные усилия. Философия помогает ему, аккумулируя и критически анализируя предшествующий опыт человечества в такого рода поисках. Человек с материалистическим мировоззрением делает трудный шаг, требующий личного мужества и силы духа, поскольку отказывается от утешения, предлагаемого религиозным мировоззрением. Трудность этого шага обусловлена тем, что накопленный человечеством нравственный опыт отношения к смерти и бессмертию длительное время осмысливался именно в религиозных системах, а знание, обосновываемое ценностями религии, базировалось на идее о предстоящем суде и воздаянии, которые каждого человека ожидают после смерти. Августин Аврелий утверждал, что земное существование человека – это лишь подготовка его к вечной жизни в истинном Отечестве Божьем.

XX век показал, что насильственное насаждение материалистического мировоззрения, которое не является результатом собственной основательной внутренней работы, сомнений, которое не выстрадано самим человеком, влечет за собой серьезные издержки в нравственном развитии личности.

Таким образом, размышления о смерти и бессмертии, о смысле и цели жизни, о том во имя чего жить, о следовании нравственным нормам, об использовании адекватных

средств для достижения своих целей и пр. составляют содержание концепции Смерти, которая формируется у каждого человека и которая сказывается на его деятельности.

Интегральная концепция, объединяющая рассмотренные частные концепции, должна использоваться в образовательной деятельности, особенно с учетом провозглашенной в конце прошлого века идеи гуманизации общественной жизни, образования в частности. Заметим, что эта идея не является в полной мере инновационной, так как во все времена, начиная, пожалуй, с Сократа и Протагора, имело место обращение к идее человека, при этом цели и задачи как гуманизации образования в частности, так и внимание к проблеме человека вообще могли в разные эпохи существенно различаться. Так, внимание к проблеме человека в марксизме, где была сформулирована концепция воспитания нового человека, отвечающего идеологическим установкам этого мировоззрения, существенно отличается от рассмотрения человеческой экзистенции в философии экзистенциализма, уделявшего больше внимания проблемам свободы личности, своеобразия человеческого бытия, его коэкзистенции с другими людьми, его ответственности за свою судьбу и пр.

Тем не менее, несмотря на эти и другие отличия в трактовке проблемы человека в различных направлениях философии, внимание к человеческой личности было обусловлено и вниманием к проблемам управления обществом, анализу отношений в системе «человек – общество». Если говорить о содержательной стороне идеи управления сообществом людей и отдельным человеком, то не будет преувеличением, если сказать, что целью этого управления должна быть необходимость социального управления жизнью человека для создания условий, обеспечивающих реализацию его основных прав и, прежде всего, главного права – права на жизнь.

В понимании этого права в сознании людей переплетаются как конкретно-социальные факторы их жизни, так и уровень цивилизации в целом. То, как в общественном сознании конструируются в содержательных характеристиках представления о правильной, достойной, подлинно человеческой жизни, существенным образом влияет на качество взаимодействия в любой образовательной системе. Педагогическое воспитание ориентировано на проявление в человеческой активности потенциально присутствующих в ней качеств. Чтобы выявить эти качества, надо знать об их потенциальном существовании, которое при определенных условиях воздействия человека на человека и через их взаимодействие может быть проявлено как его реальные возможности по организации и осуществлению жизни. Представление об этих качествах, которые потенциально и актуально присущи человеку, формируется им на основе его личного опыта переживаний от Встреч с другими людьми.

Встреча – это особая ситуация в жизни человека, благодаря которой можно выделить в его психике новые качества. Она всегда является моментом рождения психического в качестве самоизменяющегося свойства за счет присутствия Другого человека, когда оба участника Встречи переживают состояние, о котором А. Маслоу писал как о пиковом самоотношении человека, где полнота жизни является главным в содержании самоотношения.

Встречу нельзя организовать специально, она, как писал известный философ М.К. Мамардашвили, всегда случается, всегда происходит, основывается на впечатлении человека от Другого человека. Впечатление возникает как следствие жизни человека, как реализация ее процесса в соответствии с качествами индивидуальной жизни человека. Обычно это называют способностью человека быть самим собой, возможностью соответствовать самому себе, быть самоактуализирующейся личностью, обладать способностью к саморазвитию.

Встреча возникает как момент переживания человеком его индивидуальности, как момент осуществимости его потенциальных качеств в реальные отношения с самим

собой, с другими людьми, с жизнью в целом. Важно, чтобы во время Встречи, которую психологи еще называют событием, человек был готов к ней. Эта готовность проявляется в том, что он приобрел опыт переживания своих реальных и потенциальных качеств как человека, обобщил их в виде Я-концепции и концепции Другого человека. Общение может происходить и на бессознательном уровне, важно только что оно существует и определяет во многом впечатление во время Встречи. В жизни человека бесконечно значимо для проявления его качеств то, с кем Другим он встретился, с каким Другим он вступил в реальные отношения. Это вопросы, которые в управлении любой образовательной системой приобретают конкретное воплощение в требованиях к профессии, к профессиональной пригодности человека и его личной профессиональной компетентности.

Наш опыт управленческой работы в вузе показывает, что преподаватель высшей школы, который в силу своих должностных обязанностей должен быть организатором Встречи для своих студентов, к сожалению, далеко не всегда таковым является. По нашему мнению, это связано, прежде всего, с той концепцией человека, которую реализуют в своей деятельности представители профессорско-преподавательского состава высшего учебного заведения.

Есть основания считать, что у преподавателей существуют две относительно независимые интегральные концепции человека, которые они реализуют в своей профессиональной деятельности. Первая из них условно может быть названа концепцией гармонического человека. Она известна издавна и в той или иной степени была разработана в греческой философии жизни, в эпоху Возрождения и отражает романтические мечты человечества о нем самом и его желании и возможности совершенства.

Другая интегральная концепция – это такое отношение человека к собственной жизни, к самому себе, где одно из первых мест занимает представление человека о механизмах развития его самого. Суть этой концепции в том, что у человека формируется представление о собственном развитии как о процессе, который имеет завершение. Именно в этот момент человек воспринимает и переживает свое развитие как уже осуществившееся и случившееся. Он воспринимает свою жизнь как необратимо устоявшуюся, любые усилия по ее изменению кажутся ему ненужными, бессмысленными. Это проявляется в самоощущении человека как невозможность самоизменения, самосовершенствования. Человек осознает возможность и необходимость изменений в своей жизни только под влиянием вынуждающих внешних обстоятельств.

Такая концепция человека названа М.К. Мамардашвили «неклассической душой». Это душа, которая практически отказывает себе в возможности воспользоваться свободой, данной ей самой природой человека, для преобразования собственной жизни. И наоборот, классическая душа, по мнению М.К. Мамардашвили, может и хочет быть выше обстоятельств, она умеет реализовывать свою свободу для самоизменения своих качеств. Конечно, такое представление о человеке скорее носит идеальный, чем реально осуществляемый процесс жизнедеятельности. Однако применительно к рассматриваемой нами проблеме преподаватели, обладающие «классической душой», могут способствовать формированию в учебном заведении атмосферы творчества и переживания участниками образовательного процесса своей ценности как уникальных, неповторимых личностей, которые могут, хотят и умеют жить в соответствии со своей природой. В образовательном процессе создается особое отношение между преподавателями и студентами, которое можно обозначить как ответственное свободомыслие по отношению как к своей собственной жизни, так и к жизни людей в целом. Ответственное свободомыслие проявляется в том, что участники образовательного процесса могут, хотят и умеют трансформировать представление о человеческой свободе в творчество своих реальных отношений. Это свободомыслие проявляется и в том, что участники образо-

вательного процесса ориентируются на существование границ психического пространства (дистанций) у каждого участника взаимодействия, нарушение которых является практически невозможным, т.к. основывается на праве человека иметь собственную жизнь, осуществляемую на основе механизмов саморазвития и личной ответственности за нее.

Одной из важнейших составляющих безопасного существования человека в современном обществе является проблема национальной самоидентификации. Эта проблема в отдельных регионах мира приобрела достаточно острый характер и выразилась в социальных конфликтах. В последние десятилетия довольно значительными стали миграционные потоки, поэтому вопросы воздействия новой культурной среды на иммигрантов нуждаются в пристальном внимании не только со стороны политиков, но и ученых. Межнациональные отношения в поликультурных государствах, вопросы взаимоотношений национального большинства (титальной нации) и национальных меньшинств, проблемы взаимодействия и взаимовлияния различных культур стали весьма значимыми характеристиками современной цивилизации. Эти процессы весьма неоднозначны и нуждаются в классификации и целенаправленном изучении их специфики. Отдельные личности и группы лиц внутри нового этноса могут проходить различные стадии аккультурации*, в процессе которой идет интенсивная работа по поиску своей идентичности, своей философии безопасности и концепции жизни.

Образование в области прав и обязанностей человека обуславливает, таким образом, определенное изменение в содержании индивидуального сознания. Осуществление этого изменения предполагает волевые усилия со стороны индивида в уяснении своей социально-нравственной позиции, в готовности ее трансформировать, а иногда и отказаться от нее. Обсуждение своих собственных прав и обязанностей и прав и обязанностей других перерастает, как правило, в активное социально-психологическое обучение всех участников образовательного процесса.

Человек начинает осознавать и переживать свои права и обязанности не только как потенциальные, но и как реально осуществимые. Происходит своего рода встреча с будущим, будущим своего собственного Я, но уже измененного Я, поскольку человеку предоставляется реальная возможность получения новой информации о своем Я, которую он может практически использовать для корректировки личностного поведения в целях своего безопасного существования в мире. Естественно, каждый человек использует эту информацию в силу и в меру сложившихся у него представлений о жизни (концепция Жизни), но шанс у него есть, ибо его усилия по созданию достойной и безопасной жизни будут теперь связаны с переживанием свободы и ответственности – этих основополагающих составных человеческой экзистенции. Ведь в процессе обучения правам и обязанностям человека каждый участник получает опыт совместного с другими переживания своей свободы и ответственности, а равно свободы и ответственности других людей (концепция Другого). Это позволяет ему выявить и осознать те свои специфические особенности, которые проявляются в его обязанностях перед собой и другими людьми, а также в его ответственности за себя и других.

Следует сказать, что свободное общество характеризуется не нивелировкой личностей, а связью различий между ними. Жизнь личности протекает между двумя полюсами: стремлением к индивидуальному самоутверждению и необходимостью учета интересов других людей. Следовательно, для личности присущи как ее притязания, так и

* Под этнической аккультурацией понимают процесс и результат взаимодействия и взаимовлияния национальных культур в широком смысле слова. Этот процесс охватил сейчас практически все народы и страны и приобрел различные формы: *ассимиляция, интеграция, сегрегация, сепарация, маргинализация и др.*

ответственность и обязанности. Среди этих обязанностей наиважнейшее значение имеет обязанность (которая перерастает в потребность) солидарности и единства с другими людьми. Известный специалист в области философии права П.И. Новгородцев указывал: «Безусловный принцип личности с необходимостью приводит к идее всечеловеческой, вселенской солидарности...» [1, с. 111]. Свобода без ответственности – это произвол. Только ответственность, ограничивающая произвол, ведет к действительной свободе, а она невозможна без солидарности с другими людьми.

Обучение правам и обязанностям непосредственно сказывается и на самосознании человека. Ведь если предметное сознание ориентировано на познание противостоящего человеку окружающего мира, то самосознание направлено на познание самого себя, что и происходит во время указанного обучения. Здесь объектом анализа становятся собственные понятия, представления, чувства, эмоции, воля, цели, поведение и т.п. Без этого невозможна адекватная ориентация человека во внешнем мире. Познание мира, считал Сократ, ущербно без параллельного познания самого себя, ибо, как затем отмечал его ученик Платон, деятельность души – это не пассивное воспроизведение того, что она видела в мире идей, а интенсивная внутренняя работа, носящая характер беседы с самим собой; размышляя, душа ничего иного не делает, как разговаривает, спрашивая сама себя, отвечая, утверждая и отрицая [2, 190 а]. Но самосознание – это еще и оценка себя, без которой усвоение прав и обязанностей человека становится формальным, без самооценки трудно или даже невозможно самоопределиться в жизни. Верная самооценка предполагает критическое отношение к себе, поддерживает достоинство человека и дает ему нравственное удовлетворение.

Таким образом, активное социально-педагогическое и психологическое обучение правам и обязанностям человека обращено к глубинным пластам структуры человеческого сознания, поскольку оно дает информацию такого рода, которая в принципе может влиять на принятие человеком решений на протяжении всей его жизни вплоть до ее естественного завершения. Как отмечал Мишель Монтень, «... исследование и размышление влекут нашу душу за пределы нашего бренного «Я», отрывают ее от тела, а это и есть некоторое подобие смерти; короче говоря, вся мудрость и все рассуждения в нашем мире сводятся в конечном итоге к тому, чтобы научить нас не бояться смерти...» [3, с. 76]. Но и не жить, добавим от себя, по принципу «как будто впереди вечность», ибо это ведет к «прожиганию» жизни и снимает с человека всякую ответственность перед нею.

Обучение правам и обязанностям человека во многом зависит, естественно, от характера наличной духовной культуры. Каждая культурно-историческая эпоха представляет собой своего рода набор концептов, отражающих характерные для неё «точки сгущения» экзистенциальных смыслов, за которыми стоят базовые ценности. А потому поиск человеком своей идентичности и её обретение зависят от содержания и специфики культурно-исторических периодов. Периоды относительно спокойного, равновесного состояния культуры – это лишь моменты (хотя реально они могут быть и весьма длительными во времени) в процессе ее исторического развития. Им предшествуют периоды становления, а после них – периоды упадка, периоды, в которых культура претерпевает глубокие, качественные изменения. Разрушительным для нее является время смены так называемых гносеологических полей и мировоззренческих констант, когда духовное содержание эпохи изменяется в целом, а трансформация экзистенциальных смыслов и идентичностей человека становятся источником напряженности и конфликтов [4, с. 39–43].

В такие периоды происходит девальвация многих культурных ценностей. Часто то, что еще вчера выполняло роль коммуникативной и регулятивной функций, ныне отбрасывается как устаревшее, консервативное или просто бессмысленное. А поскольку новые

культурные ценности практически еще не сформировались, они лишь начинают прорастать сквозь господствующий гносеологический, мировоззренческий и нравственный хаос, то возникает своеобразная культурная депрессия. Сама духовность как живительная энергия саморазвертывания душевных и интеллектуальных сил личности, проистекающая из свободы выбора и самоопределения человека, превращается в субъективизм и индивидуализм и в качестве таковых усугубляет существующий на этом этапе культурный кризис.

Сейчас, к сожалению, мы переживаем такой кризис, ибо объективно происходит упомянутая выше смена гносеологического поля и мировоззренческой константы: прежнее гносеологическое поле, каким являлось безличное универсальное бытие, исчерпав себя, уступает место личностно-ориентированному универсальному бытию, а отчуждение человека от мира, являвшееся содержанием старой мировоззренческой константы, тяжело и болезненно начинает трансформироваться в установку органической включенности человека в мир, что в будущем неизбежно станет содержанием новой мировоззренческой константы. Таким образом, наше время – это время переоценки культурных ценностей, ломки общепризнанных норм и стандартов поведения человека. А. Швейцер объясняет это тем, что развитие цивилизации имеет не только положительные, но и отрицательные черты. И хотя это объяснение, как видим, весьма общо, но рисуемая им жизненная ситуация, в которой оказался человек, весьма реалистична. На человека, писал он, стали отрицательно влиять все убыстряющееся движение социума, резкое усиление темпов развития общественной жизни. Сверхзанятость человека, все увеличивающийся объем информации привели и к уменьшению в человеке духовного начала. Поэтому он начал искать не познания и самоусовершенствования, а развлечения, и притом такого, какое требует минимального духовного напряжения. Постоянная спешка, интенсификация труда, проза жизни обусловили то, что люди начали держаться отчужденно по отношению друг к другу. Рост специализации во всех сферах человеческой деятельности, постепенное снижение уровня гуманитарного образования в пользу естественнонаучного, доминирование рационального над эмоциональным и тому подобные явления ведут к деградации личности.

В такой жизненной ситуации обучение правам и обязанностям человека – дело далеко не простое. Субъективизм и индивидуализм, практицизм и установка на потребительство деформируют в сознании людей диалектическую взаимосвязь между правами и обязанностями. На первый план выходят права, обязанности же остаются в тени. А это ведет к произволу, к пренебрежению интересами и ценностями других людей. Общество, состоящее из таких людей, не может быть никаким иным, как обществом насилия, в котором нет места безопасности человека.

Для преодоления этих негативных последствий цивилизации немаловажную роль должно сыграть обучение правам и обязанностям человека. Существует, как известно, три модели образования: классическая, модернистская и постмодернистская. Основными принципами классической модели являются трансляция знаний от учителя к ученику и жесткая дисциплинарная организация содержания и процесса обучения. При таком методе подавляется инициатива обучающегося. В модернистской модели получили большее развитие гуманистические идеи; она ориентирована на свободу личности, ее индивидуальность, акцент делается не столько на обучении, сколько на учении. Но отрицательной чертой этой модели является ее неизбежная идеологизация и то, что заказ на подготовку специалиста поступает от общества или его структур, и «заказчик» довольно жестко определяет требования по подготовке нужных ему специалистов. Постмодернистская модель образования основывается на плюрализме ценностей, толерантности и терпимости к инакомыслию, на понимании того, что классический принцип дидактики – системность и известная завершенность знания – должен дополняться принципом экзemplарности, допускающим в обучении разумное, созидательное отсту-

пление от системности, продиктованное социально-психологическими особенностями обучающихся [5, с. 97–105]. Интересно заметить, что суть такой модели предвидел еще Аристотель. «Воспитание каждого по отдельности, – писал он, – отличается от воспитания общественного (т.е. системного – Авт.), подобно [отличию общего и частного случая] во врачебном деле; так, по общему правилу, при жаре нужны покой и голодание, но определенному больному может стать, не нужны, и кулачный боец не всех, наверное, обучает одному и тому же приему борьбы» [6].

Именно постмодернистская модель образования, вписывающаяся в новое гносеологическое поле – личностно-ориентированное универсальное бытие, и способна обеспечить, на наш взгляд, эффективное научение правам и обязанностям человека. Ибо, во-первых, в ее основе лежит индивидуальный подход к обучающимся, во-вторых, она включает в себя плюрализм мнений и толерантность; в-третьих, она антидогматична, нацелена на поиск нового. Главное же – в такой модели образования коммуникативная и регулятивная функции культуры, хотя и подорванные переоценкой ценностей, способны выполнять свою стабилизирующую роль, поскольку сами они в процессе усвоения основных прав и обязанностей человека наполняются новым содержанием, адекватным новой эпохе.

Безусловно, труден и длителен путь коренной реорганизации культуры как информационной системы безопасной жизнедеятельности людей. Но можно с уверенностью сказать, что историческое развитие этой системы на основе нового гносеологического поля и новой мировоззренческой константы снова приведет к ее устойчивому, равновесному состоянию, в котором она только и может быть предпосылкой и условием безопасного существования человека. Обучение же правам и обязанностям человека как раз и «работает» на эту устойчивость и равновесность духовной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новгородцев, П.И. Об общественных идеалах / П.И. Новгородцев. – М., 1991.
2. Платон. Теэтет, 190 а.
3. Монтень, М. Опыты, гл. XX: О том, что философствовать – это значит учиться умирать / М. Монтень. – М., 1980.
4. Szasz, S.D. Ekologizm jakoparadygmat mysli filozoficznej XXI wieku // S.D. Szasz, W. A. Stiepanowicz / Ekologizm jako paradygmat umyslowosci XXI wieku : Materiaty VII Olsztyhsko-Siedleckiego Sympozjum Ekologicznego. – Siedlce : W-wo Akademii Podlaskiej, 2002.
5. Степанович, В.А. Дидактика высшей школы и формирование творческого стиля деятельности будущего учителя / В.А. Степанович // Превантивна педагогика като научно познание. – София, 2003.
6. Аристотель. Никомахова этика, 1180 в 8.

Grygorovich E., Zajmist G., Stiepanovich V. Human Rights Education as the Foundation of a Person's Safety in Modern Sociocultural Conditions

The article deals with the philosophical aspect of a person's safety being inbuilt in her/his social and cultural background while teaching her/him human rights and responsibilities.

The analysis of the present state of spiritual culture in this society leads to the scientifically based conclusion that this type of teaching is most effective in the frame of the post-modernist model of education.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 01.12.2009

УДК 101.1:510.2

Н.В. Михайлова

ТРИНИТАРНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ В ФИЛОСОФСКОМ АНАЛИЗЕ ПРОГРАММЫ ОБОСНОВАНИЯ МАТЕМАТИКИ

В работе обосновывается значимость и актуальность тринитарной методологии в теоретической разработке проблемы обоснования современной математики. Проблема обоснования современной математики состоит из двух взаимосвязанных уровней – математического и философского. Если сущность первого состоит в применении программы обоснования к конкретной теории, что составляет чисто математическую работу, то сущность второго состоит в том, что каждая программа обоснования нуждается в философском анализе ее соответствия своей исходной общей философской и методологической задаче. Поэтому круг философских и математических вопросов обоснования, нуждающихся в дальнейшем изучении, связан также с синтезом различных философско-методологических традиций в современной математике с целью создания единой теоретико-мировоззренческой программы обоснования.

Введение

Необходимость философского и методологического анализа программ обоснования обусловлена тем, что философия акцентирует свои когнитивные задачи на выявлении всеобщего, универсального в обосновании, а методология – на развитии практической деятельности в конструктивном аспекте, создании условий для дальнейшего развития математики. Философия в отличие от методологии не говорит, как нужно познавать и как именно должен работать исследователь. Смысл слов «философско-методологический анализ» отличается, например, от простого объединения принципов тем, что он представляет собой соединение исходных, даже противоположных, принципов в концептуальную идею. Ее сущность состоит в том, что она включает совокупность методов исследования как важнейшую составляющую часть своего методологического арсенала, поэтому попытка такого синтеза носит предварительный характер и не может заключать в себе окончательную истину.

К началу XX века философия математики осознала себя как область, имеющая значение не только для решения чисто философских проблем. Проблема обоснования математики была впервые строго сформулирована Д. Гильбертом как проблема обоснования непротиворечивости математических теорий. Новое понимание обоснования математики, представляющей собой совокупность абстрактных структур, являющихся математическим языком и средством дедукции, сводится к основной задаче обоснования надежности ее доказательных утверждений и установлению непротиворечивости ее теорий. Математический анализ проблемы связан с рассмотрением математической теории в соответствии с принципами принятой программы обоснования. Философский анализ проблемы опирается на общие характеристики научного познания, поэтому процедуры конкретизирующего обоснования в философии выполняются, вообще говоря, не с той последовательностью, методичностью и эксплицитностью, как это делается в точных науках.

Но так ли существенна для математики проблема ее обоснования? В общеметодологическом плане такое обоснование необходимо для того, чтобы найти средства, гарантирующие надежность сверхсложных и трудно обозримых современных математических рассуждений и доказательств. Для конкретизирующего обоснования своих познавательных теорий и схем философия математики обращается за помощью к самой математике. Обоснование математики – это попытка найти такую общую теорию, с помощью которой можно было бы вывести всю математику по определенным правилам вывода исходя из некоторых формальных систем аксиом. Если бы удалось обосновать

такую математическую теорию, которую можно принять за основание математики, то на этом базисе можно было бы попытаться обосновать другие математические теории в соответствии с общей архитектурой математических теорий.

Как утверждает известный философ математики В.Я. Перминов, «общая методология программ обоснования математики, выдвинутая в начале XX века, с современной точки зрения должна быть признана совершенно неудовлетворительной» [1, с. 148]. Нельзя сказать, что такое состояние, подводящее к выводу о невозможности абсолютно надежного обоснования математики, свидетельствует о философско-методологическом кризисе современной математики, но тем не менее оно может стать предпосылкой к появлению некоторого скептицизма в отношении абсолютной строгости математического мышления. Все исторически оправданные программы обоснования математики содержат в себе некоторую систему допущений, имеющих гносеологический характер. Возможно, в связи с этим, несмотря на некоторое продвижение в прояснении и обосновании этих допущений, проблема обоснования современной математики в целом все еще далека от своего окончательного решения.

В современной философии математики осознается необходимость в объединяющих принципах. Учитывая исторически сложившиеся программы обоснования современной математики, в рамках которых происходит реальное формирование единого пространства математики, надо стремиться не просто к «синтезу как мыслительной операции» или к «синтезу как познавательной операции», а также к взаимодействию различных направлений философии математики. Понятие синтеза философских и методологических программ обоснования математики, которое в дальнейшем мы будем называть системным или, точнее, философско-методологическим синтезом, в философии науки не имеет жестко фиксированного семантического смысла. Отличие синтеза от интеграции состоит в том, что синтез лучше, чем интеграция, обеспечивает приращение научных знаний и поэтому может рассматриваться как фактор роста. Такой подход меняет всю структуру обоснования математики, позволяя говорить не о главенстве одной из конкурирующих программ, а об условиях их совместного существования и о третьем факторе, обеспечивающем целостность обоснования, который в рациональном аспекте может рассматриваться как признак устойчивости этой структуры.

Может ли анализ философских проблем обоснования содействовать решению собственно математических задач и открытию новых фактов? Ответ на этот вопрос состоит в том, что практическая значимость работ, относящихся к обоснованию математики, состоит в том, что такое обоснование является не только философско-методологическим анализом исходной математической теории, но и неизбежно наполняет ее смысловым содержанием, которое открывает новые методологические горизонты исследования в области математики. Философско-методологический синтез программ обоснования математики является новой концептуальной идеей философии математики. Ее философская суть состоит в том, что не надо бороться с противоречиями программ обоснования, а выявлять, упорядочивать, прогнозировать их пересечения, которые имеют онтологическое обоснование для некоторой части трансфинитной математики.

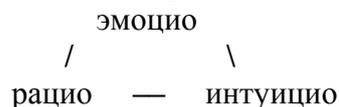
Философский замысел системного синтеза обоснования современной математики определяет цель исследования, состоящую также в том, чтобы связать непротиворечивость аксиоматики с ее фактологической истинностью в рамках системных понятий. Естественная ограниченность логического анализа способствовала в итоге формированию понимания недостаточности каждой в отдельности программы обоснования математики, которая заключается прежде всего в отсутствии рациональных аргументов, строго определяющих границы обосновательных программ. Для философско-методологического синтеза программ обоснования математики нужна более емкая триадическая структура, рассмотренная в работе [2]. Заметим также, что

трехмерность обладает определенным естественнонаучным и фундаментальным преимуществом, поскольку при меньшей размерности не могут возникать достаточно сложные структуры, а при большей размерности не могут существовать устойчивые атомарные и даже планетарные системы.

Знакомство с работами по истории и философии математики не проходит бесследно для понимания эволюции процессов развития математики. Во-первых, стало, наконец, ясно, что со стороны философской деятельности, опирающейся на традиционные подходы к нерешенной проблеме обоснования математики, нет пока оснований ожидать сколько-нибудь существенной помощи. Во-вторых, выяснилось, что философская и методологическая деятельность по обоснованию математики остро нуждается в притоке свежих идей. В-третьих, опираясь на внутреннюю эволюцию математической науки и исходя из систематизации внутренних связей между новыми развивающимися математическими теориями, можно говорить, например, о системном подходе к обоснованию современной математики. Философские представления об единстве математики формируются в ходе исторической эволюции понятий рационализма и реализма. Трудности в классификации концепций и направлений современной философии математики обусловлены неоднозначностью понимания такого термина, как реализм.

Следуя основному допущению реализма, надо признать, что существование первично по отношению к теоретизированию. Реализм имеет много смыслов, поэтому мы ограничиваемся реализмом в онтологии, согласно которому математические объекты существуют независимо от математиков. Математические понятия часто выглядят глубоко реальными, а эта математическая реальность выходит за пределы мыслительных процессов любого математика. Что в такой ситуации должен делать реалист, верящий в математическую истину? Воспринимая ее как некоторое соответствие действительности, он вынужден придерживаться «критического реализма», сочетающего различные критерии и допускающего существование как онтологических, то есть относящихся к характеристикам реальности, так и эпистемологических, то есть относящихся к характеристикам познания, философских уровней.

Способность человека мыслить одновременно понятиями, образами и символами является источником устойчивой системной триады, в которой доминирует аналитическое начало (рацио), качественное начало (эмоцио) и субстанциальное начало (интуицио). Автор тернарной методологии Р.Г. Баранцев, развиваемой им в современных концепциях естествознания в течение последних десятилетий, «Именно такие аспекты проявляются в каждой устойчивой системной триаде. Источник этой закономерности можно видеть в способности человека мыслить одновременно и понятиями, и образами, и символами. Предлагаемая семантическая формула системной триады использует понятия, сложившиеся в диадной парадигме и потому довольно условные» [3, с. 27]. Ее можно графически нелинейно изобразить следующим образом:

Смысловое содержание этой триады по отношению к конкретной области исследования постепенно наполняется в результате исторической эволюции его проявления в такой триадической структуре. Триадой называется совокупность из трех элементов, которые каким-то образом связаны между собой. В связи с этим, следуя Р.Г. Баранцеву, можно различать такие типы триад: во-первых, «линейные», или одномерные, в которых все три элемента расположены на одной оси в семантическом пространстве; во-вторых, «переходные», или гегелевские, характеризующиеся философской формулой «тезис – антитезис – синтез», которые, провозглашая снятие противоречия, не указывают на механизм раскрытия его движущей структуры; в-третьих, «систем-

ные», или целостные, в которых единство создается потенциально равноправными элементами, каждый из которых может подробно объяснить это на примере семантической формулы системной триады.

Философская интерпретация привязки диады к определенной стороне семантического треугольника, позволяет наглядно видеть, в каком проблемном поле следует искать «мерообразующий фактор компромисса» для выбранной оппозиции. В проблеме обоснования современной математики целесообразно говорить о теоретическом синтезе программ обоснования как единстве философско-методологических обосновательных подходов, характеризующем тенденцию к их соединению в рамках общей системы теоретических и прикладных математических знаний. Поскольку любая интерпретация развития математики может в итоге оказаться односторонней и неполной, то, если речь не идет о принципиальных методологических вопросах, следует признавать и альтернативные взгляды. Поскольку формализация целостности программы обоснования современной математики выражается через ее внешние связи, то при ее реализации можно также воспользоваться свойством мягкости триадической структуры.

Современная философия математики по-новому сменила философско-мировоззренческие акценты в программах обоснования математики, поскольку в них наиболее востребованным становится критический рационализм, который допускает существование неразрешимых математических проблем, что уже подтверждено математической практикой. Различие подходов в вопросе об обосновании математики ярко проявляется при рассмотрении философских проблем, связанных с идеей бесконечности. В связи с этим можно отметить, что математика с помощью своих инструментов интеллектуального порядка является формой выражения важнейших закономерностей хорошо развитых научных теорий. Поэтому наибольшая инструментальная ценность математики в развитии познания состоит в том, что на ее абстрактном языке выражается внутренняя организация естественнонаучных знаний, среди которых ведущими являются физические, и проводится теоретический анализ в наиболее развитых областях науки.

Современный этап развития философии математики можно назвать «постгёделевским». В самом названии постгёделевской философии математики еще звучит ориентация на предыдущую эпоху развития математического знания, но по существу уже можно говорить о начале принципиально новых взглядов и подходов в проблеме обоснования математики [4]. Это связано прежде всего со знаменитыми теоремами Гёделя о неполноте. После их философского анализа стало ясно, что полностью формализовать всю математику, оставаясь в рамках заданных систем аксиом, вообще говоря, в принципе невозможно. Уточняя само понятие постгёделевской философии математики, заметим, что математики смотрят на прошлое не как на предпосылку, а как на необходимую составную часть величественного здания современной математики.

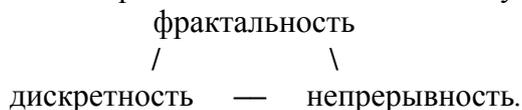
Вопрос о формализации, математической строгости и гильбертовском идеале чистоты методов оказался намного тоньше, чем было принято считать до результатов Гёделя. Они представляют собой исключительно устойчивые результаты, так как любая попытка методологически обойти теорему Гёделя о неполноте, не ослабляя существенно достоинства формализованного языка математики, приводит к тому, что такая попытка дает новый материал для построения примера, где она опять не достигает своей цели. При использовании теоремы Гёделя в качестве философского аргумента в оценке состоятельности программы формализма неизменно привлекается понятие непротиворечивости арифметики. В таком контексте о непротиворечивости математических теорий можно говорить как о следствии правильных рассуждений, о которых мы иногда судим интуитивно, хотя и интуиция бывает бессильной.

Философская нагрузка концептуальных ограничений человеческого понимания связана с тем, что полное объяснение сложного процесса может потребовать различных

точек зрения, которые трудно поддаются единому описанию. Всесторонний анализ обоснования математики может потребовать различных точек зрения по поводу фундаментальных понятий математики. Например, глубокий философско-методологический анализ любого понятия и его непосредственное применение взаимно исключают друг друга. Для теории познания важно осознание того, что по отношению к современной математике дополнительность интуитивного и дедуктивного познания может работать в обе стороны: как для понимания какого-то математического явления, так и для понимания самого познания. С точки зрения философии и методологии современной науки, противоположности – это не противоречия, а дополнения. Общеметодологическая значимость идеи дополнительности для обоснования математики состоит в том, что системный синтез программ обоснования методологически возможен только в форме дополнительности, включающей снятие противоположных подходов в более высоких по уровню обосновательных программах.

Фундаментальная и актуальная тема соотношения дополнительных понятий интуитивного и формального, рационального и иррационального в понятии «бесконечное» берет свое начало в философии древних греков. Неожиданное продолжение их наблюдения получили в новой области математического знания – теории фракталов, которая смещает познавательные установки от строгой рациональности до интуитивно-образного мышления. Фракталами называются объекты дробной размерности, которые обладают свойством масштабной инвариантности, или самоподобия, когда изменение масштаба не меняет их структуры. Фрактальную геометрию можно отнести к постнеклассической математике, возникшей в конце XX века. В истории современной математики, берущей начало в XVII веке, неоднократно менялись представления о фундаментальных теориях математического знания. Например, во фрактальной геометрии в духе платонистской интерпретации есть неизменные идеальные объекты – алгоритм, фрактал, мыслимый как завершенное целое, но основная особенность их в том, что невозможно выделить части, совпадающие с целым.

Поэтому можно предположить, что фрактальная геометрия – это новый взгляд на сущность природы математики с точки зрения неоплатонистской математики. С помощью фрактальных объектов природа на языке математики демонстрирует не просто значительно более высокую степень сложности, соответствующей современному уровню развития науки, а совсем другой уровень постнеклассической сложности. Считая, например, фрактальность, определяемую через новое математическое понятие дробной размерности, фундаментальным свойством материи, известную оппозицию «дискретность – непрерывность» можно переосмыслить в составе следующей триады:

С точки зрения принципа дополнительности, вопросы нельзя ставить в плане логических исключений. И дискретное, и непрерывное в составе триады – это математические модели, не исключают друг друга, а дополняют друг друга, так как обе они являются идеализациями, относящимися к гносеологии. Поэтому развитие проблемы бесконечности в постгёделевской философии математики естественно приводит к синтезирующим триадическим структурам, в которых дополнительность сторон оппозиции способствует формированию условий для обнаружения третьей компоненты, обеспечивающей их целостность. В качестве содержательного примера, подтверждающего эту философскую мысль, можно привести фрактальное множество. Оно не было изобретено американским математиком польского происхождения Бенуа Мандельбротом, а бы-

ло им открыто. Подобно планете Нептун, это множество существовало задолго до того, как его открыли математики и поняли его сущность.

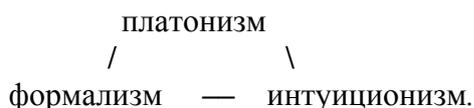
В определенном смысле множество Мандельброта и подобные ему фрактальные множества являются представителями объектов третьего мира Поппера. Строго говоря, их нельзя считать созданием компьютера, так как вычислительный процесс должен продолжаться бесконечно долго, и поэтому эти множества невозможно точно вычислить. Существование, приписанное множеству Мандельброта, можно трактовать как свойство его абсолютной природы. Когда Мандельброт увидел самые первые компьютерные изображения, он счел эти размытые структуры результатом сбоя и только потом убедился в том, что они действительно являются частью строящегося множества. «Более того, – утверждает математик и физик Р. Пенроуз, – сложную структуру множества Мандельброта во всех ее деталях не под силу охватить никому из нас, и ее невозможно полностью отобразить на компьютере» [5, с. 87]. Результатом исследования любого математика, работающего на компьютере, будет приближение к единой фундаментальной математической структуре, которая уже существует где-то вне нас. В этом случае математическая интуиция, возможно, представляет собой всего лишь некоторое знание поведения математических объектов.

Несмотря на философски и методологически оправданное стремление искать «конструктивное» решение проблемы существования математических объектов, интуиционизм в некоторых своих проявлениях излишне радикален. Стремление философов математики онтологизировать математические понятия, чтобы получить содержательные представления о них, обусловлено самой спецификой становления математического метода. Адекватное обоснование эффективности математики может быть системным. Оно исходит из понимания математики как некоторого рода самоорганизующейся системы, исторически приспособляющейся к содержательному знанию как к системе более фундаментальной. Такую аргументацию можно принять в качестве общего методологического подхода к обоснованию абстрактных математических теорий независимо от конкретных философско-математических программ их формирования.

Современные системные идеи позволяют размышлять над проблемами, неподдающимися редуционистскому декартовскому методу в обосновании. Согласно принципу системности, на новые идеи и концепции, появляющиеся в науке, налагается ограничение соответствия некоторой общей парадигме. Хотя становление тринитарной парадигмы связано с психологическими трудностями преодоления «бинаризма», системное обоснование математических теорий, безусловно, более абстрактно и более общезначимо, чем чисто логическое, поскольку все программы строго логического обоснования математики базируются на редукции. Например, в интуиционизме это редукция содержания математики к содержанию арифметики, а в формализме – это редукция проблемы непротиворечивости развитой математической теории к проблеме непротиворечивости содержательной метатеории.

Методологический сдвиг в решении проблемы обоснования зависит не только от достижений в математической логике и соответствующего анализа генезиса аксиоматических систем, а прежде всего от углубленного понимания современных проблем самой философии математики и от расширения допустимых подходов к обоснованию математических теорий. В современной философии и методологии науки осознается недостаточность бинарных структур. Почему мы считаем, что целостному подходу соответствует триада программ обоснования математики? Во-первых, число три обладает высоким интеллектуальным приоритетом, поскольку само триединство удивительным образом сохраняет значение в культуре наших дней. Во-вторых, основное значение триады состоит в том, что она фиксирует начало синтеза, соединяя противоположные начала.

Для обоснования математики триадический подход означает, что никакая часть математики не обладает особыми привилегиями, так как каждая известная программа обоснования математики базируется на поисках той части математики, которая в рамках этой программы имеет особую надежность своих доказательств, свободных от противоречий. В таком контексте все три элемента системной триады гносеологически потенциально равноправны, поскольку суждение о математической истине не опирается непосредственно на некоторую определенную программу обоснования математики. В современной философии математики можно выделить три хорошо работающих программы обоснования математики: формализм, платонизм и интуиционизм, поэтому в качестве одной из формул системной триады можно рассмотреть следующую совокупность программ обоснования математики:

Стремление к целостности неразрывно связано с идеей триадичности, которая позволяет в проблеме обоснования замкнуть бинарную оппозицию «формализм – интуиционизм» в системную триаду, объединяющую три равноправных элемента обоснования современной математики, каждый из которых позволяет участвовать в разрешении гносеологических противоречий как некая «мера компромисса». Платонистская компонента в обосновании математики позволяет снять субъективные сомнения в существовании некоторых «концептуально шатких» определений. Поэтому правильнее говорить не о методологической несовместимости таких подходов в рамках единого описания, а об их дополнительности, когда один из подходов позволяет лучше понять один из фрагментов математического текста, а другой, дополнительный к первому, лучше разъясняет другой фрагмент.

Используя понятие системной триады в обосновании математики, мы опираемся не только на естественный процесс внутреннего вызревания новых математических теорий, но и на качественно новое понимание содержательного математического рассуждения. Если математику нельзя обосновать в самой математике, то это не означает, что ее нельзя обосновать вообще, поскольку при построении абстрактных теорий математики используют не только математические, но также и нематематические аргументы. Мир математики слишком сложен, чтобы можно было примирить между собой все его рациональные и иррациональные убеждения. Поскольку формализация включает и не вполне формализуемые теории, то целостный подход к программам обоснования математики лучше характеризует суть проблемы, хотя в методологическом смысле полнота теории тоже может быть достижима, если ее аксиоматика признана вполне достаточной.

Философско-методологический синтез программ обоснования пытается найти новые пути к единству знания, не устраняющие его разнообразия. Поэтому тринитарная методология не заменяет, а развивает диалектику, раскрывая ее новые возможности, когда от современной математики при сохранении достаточной точности требуется лишь сохранять целостность исследуемых объектов. Источник развития триады обоснования в целом трактуется как самообоснование математической теории в результате единства и борьбы противоположных сторон триады. Понимаемый таким образом философско-методологический синтез является существенной стороной, или аспектом, диалектики. Чтобы не потерять философской перспективы целостного обоснования современной математики, она должна иметь альтернативные подходы к обоснованию в духе разумного методологического компромисса.

Заклучение

Тринитарный подход к программе обоснования математики видоизменяет наши взгляды на проблему целостности обоснования. Если раньше целостные представления о программе обоснования складывались на основе внешних взаимодействий конкурирующих программ обоснования, то современный этап на основе системного подхода дополняет изучение целостности анализом, связанным с проникновением во внутреннее результирующее пересечение действующих программ обоснования математики. В частности, будущее математики, с точки зрения анализа ее исторической эволюции, теперь видится не только в дальнейшем развитии ее классических направлений, составляющих ядро теоретической математики, но и в создании новых математических структур, моделей и конструкций.

Основная трудность всех программ строгого обоснования математики состоит в том, что на методологическом уровне математика отличается от любого естественнонаучного знания более надежным способом обоснования своих теоретических построений, которые стабильны, и в некотором смысле ее доказательства «внеисторичны». Методологическая трудность обоснования современной математики, в основе которой лежит важнейшая проблема непротиворечивости аксиоматической системы, не позволяет выделить какую-либо одну из известных философско-математических программ.

Естественный синтез программ обоснования является результатом тех процессов, которые сами по себе происходят в результате сознательного конструирования абстрактных систем философии и математики. Поэтому сравнение программ обоснования должно исходить как из идеи единства философии, так и из возможности синтеза знаний. Базовой структурой такой методологической целостности может стать системная триада, воплощающая синергетическую методологию, которая позволяет взглянуть на современную математику как на самоорганизующуюся систему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Перминов, В.Я. Философия и основания математики / В.Я. Перминов. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 320 с.
2. Михайлова, Н.В. Системный синтез программ обоснования современной математики : монография / Н.В. Михайлова. – Минск : МГВРК, 2008. – 332 с.
3. Баранцев, Р.Г. Синергетика в современном естествознании / Р.Г. Баранцев. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 144 с.
4. Михайлова, Н.В. Философско-методологические основания постгёделевской математики : монография / Н.В. Михайлова. – Минск : МГВРК, 2009. – 198 с.
5. Пенроуз, Р. Новый ум короля: о компьютерах, мышлении и законах физики / Р. Пенроуз. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 384 с.

Michailova N.V. Trinital Methodology in Philosophical Analysis of the Program of Basing of Mathematics

The importance of the trinital methodology in the theoretical workout of the problem of basing of modern mathematics and its actuality is grounded in this paper. The problem of basing of modern mathematics consists of two interconnected levels – mathematical and philosophical. If the point of the first one is in the usage of the program of basing for a definite theory, which makes up a pure mathematical work, then the point of the second one is that each program of basing needs a philosophical analysis of its correspondence to its initial general philosophical and methodological task. That's why the range of philosophical and methodological questions of basing, which need further study, is also connected with the synthesis of different philosophical-methodological traditions of modern mathematics with the goal of the creation of the same theoretical-methodological program of basing.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 19.05.2010

УДК 1:004.9

Е.Ф. Гонгало

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье рассмотрены и проанализированы современные представления о виртуальной реальности в повседневной практике, естественнонаучном и гуманитарном познании. Акцент сделан на необходимость междисциплинарного исследования виртуальной реальности для экспликации ее содержания как новой универсалии культуры, что предполагает особую роль философского осмысления проблемы.

Введение

В последнее десятилетие словосочетание «виртуальная реальность» и производные от него понятия (виртуальный, виртуальность и т.д.) получили невероятно широкое распространение, что позволяет говорить об их своеобразной экспансии в современной культуре. К примеру, в повседневный обиход прочно вошли такие выражения, как «виртуальная игра», «виртуальный университет», «виртуальные деньги», «виртуальная корпорация» и многие другие. Важно отметить, что «виртуальными» нередко именуются не только новые, но и давно известные феномены в разных сферах жизни. Подобная языковая мода, возможно, свидетельствует о значимости и актуальности данного концепта, однако вместе тем она же может нивелировать его смысл, способствуя выхолащиванию содержания. «Виртуальная реальность» буквально «празднуется» [1] в качестве нового понятия. С одной стороны, «виртуальное» примеряет на себя разные маски на празднике современности, вовлечено в пеструю языковую путаницу повседневности. С другой стороны, это понятие становится «праздношатающимся», ведь если «виртуальным» называть все подряд, то собственный смысл этого слова размывается, становится туманным: оно значит все и ничего.

На сегодняшний день, как многие интенсивно изучаемые явления, виртуальная реальность рассматривается с позиций различных дисциплин и, соответственно, имеет множество ракурсов осмысления. Несмотря на тенденцию все более расширенного толкования, понятие «виртуальная реальность» в обыденном сознании ассоциируется прежде всего с достижениями в области компьютерных технологий, активно внедряющихся во все сферы жизнедеятельности людей. Информационная революция как неотъемлемый элемент развития современной цивилизации связана с возникновением и бурным утверждением в коммуникативной практике компьютерных технологий, Интернета и других глобальных информационных сетей. В настоящее время день происходит интенсивная компьютеризация всех сфер жизнедеятельности, а Интернет, вне всяких сомнений, являет собой эффективный инструмент интерактивной глобальной коммуникации. Количество Интернет-пользователей неуклонно растет: согласно последним данным, этот рост с 2000 по 2009 год составил 362,3% [2]. В среднем каждый четвертый житель нашей планеты является Интернет-пользователем. Глобальная телекоммуникационная сеть информационных и вычислительных ресурсов представляет собой технологическую основу глобализационных процессов современности, объединяя миллионы пользователей компьютеров в едином информационном пространстве.

Научный руководитель – Е.В. Хомич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета

Началом компьютеризации считается 12 августа 1981 года, когда фирма IBM объявила о выпуске первого персонального компьютера [3, с. 8], что стало возможным благодаря бурному развитию микропроцессорной техники. Потребность в хранении большого объема информации и обмене ею между пользователями персональных компьютеров привела к созданию корпоративных компьютерных сетей, а впоследствии и Глобальной телекоммуникационной сети информационных и вычислительных ресурсов (Internet), объединившей миллионы пользователей. Многие теоретики постиндустриального общества отмечали, что наступление информационной эпохи с неизбежностью влечет за собой грандиозные социальные и культурные перемены. Распространение новых средств массовой коммуникации может влиять на жизнь и культуру общества, по сути генерируя специфический тип социокультурной реальности. Расхожей метафорой современного общества стали представления об информационной, «виртуальной цивилизации», когда речь идет не только о распространении технологий виртуальной реальности, но и о виртуальности как новом информационном пространстве человеческого бытия.

Согласно одной из версий, термин «виртуальная реальность» был придуман сотрудниками Массачусетского Технологического Института в 70-х годах XX века для обозначения трехмерных макромоделей реальности, создаваемых средствами компьютерной техники для обеспечения эффекта полного присутствия в них человека. Такие макромодели изначально были призваны служить в качестве тренажеров-симуляторов в военной сфере. Однако стоит обратить внимание на то, что технологии виртуальной реальности зародились несколько раньше, чем появился сам термин, их обозначающий. К примеру, разработка военных тренажеров велась в период между Первой и Второй мировыми войнами. В 1957 году Хэйлигом был запатентован головной дисплей, а впоследствии Иван Сазерленд стал создателем первого стереоскопического головного дисплея. За вклад в развитие компьютерно-графической индустрии этого ученого считают «отцом» виртуальной реальности. Понятием же массовой культуры «виртуальная реальность» стала благодаря главе американской компьютерной фирмы Джарону Ланьеру. Примерно в это же время были предложены и другие схожие по смыслу понятия: киберпространство (У. Гибсон), искусственная реальность (М. Крюгер), фантоматика (С. Лем), однако именно «виртуальной реальности» суждено было стать буквально символом нового информационного континуума. Возможно, это было обусловлено эффективной маркетинговой политикой и ярким необычным сочетанием слов на грани оксюморона.

Компьютерная виртуальная реальность подразумевает интеграцию данных отвечающих разным органам чувств (зрение, слух, осязание), что обуславливает возможность погружения (immersion) человека в воссозданную компьютером среду. Автор книги «Виртуальное общество XXI века. Социальные изменения в дигитальную эпоху» А. Бюль выделяет следующие свойства виртуальной реальности:

- 1) погружение (чувственное погружение в виртуальную среду);
- 2) многомерность (генерирование компьютером двух- трехмерного пространства);
- 3) мультисенсорика (при восприятии данных в компьютерной могут быть задействованы сразу несколько органов чувств);
- 4) реальное время (взаимодействия пользователя и искусственной среды происходит в режиме реального времени, отклик системы виртуальной реальности наступает безотлагательно);
- 5) адекватность (пользователь воспринимает образы динамично развивающейся компьютерной среды, соответствующие своим воздействиям);
- 6) интеракция (пользователь может взаимодействовать со средой);
- 7) проницаемость (пользователь может передвигаться в виртуальном пространстве, переходить на разные его уровни);

8) эффект реальности (компьютерная виртуальная среда способствует возникновению чувства ее реальности);

9) эффект многих пользователей (возможность взаимодействия с другими пользователями) [4, с. 208].

Однако свойства виртуальной реальности, перечисленные американским социологом задают, скорее, некую идеализированную модель как перспективу функционирования данной технологии, нежели отражают реальный уровень современных технических возможностей. В данном случае можно обратиться даже к одной из первых историко-теоретических работ о виртуальной реальности, где Ф. Хэммит, ссылаясь на мнение своего коллеги У. Брикена, прогнозирует, что виртуальная реальность едва ли когда-либо будет сильно походить на действительный мир. Это объясняется изначальной нацеленностью человеческого воображения не воспроизводить мир в своих образах, а восполнять его лакуны [5].

Можно выделить разные подходы к рассмотрению сути компьютерной виртуальной реальности. В разных источниках встречаются разные способы ее определения. «Общим в этих определениях является рассмотрение виртуальной реальности как комплекса методов, принципов и технических средств, обеспечивающих возможность компьютерного моделирования реального мира и интерактивного влияния на него пользователем. Таким образом, виртуальную реальность можно определить как трехмерную интерактивную графику, которая в соединении с техническими средствами реалистического отображения позволяет пользователю в реальном масштабе времени погрузиться в моделируемый на компьютере мир и непосредственно действовать в этом созданном (синтетическом) мире» [6, с. 69]. Таков путь наиболее очевидного социально-технологического ракурса тематизации одного из проявлений виртуальной реальности как продукта развития постиндустриальной цивилизации и результата информационно-компьютерной революции.

В современном дискурсе помимо повседневного словоупотребления термин виртуальная реальность используется в физике, химии, кибернетике, а так же находит свое применение в гуманитарном знании: психологии, социологии, философии. В естественнонаучном познании во второй половине XX века рассматриваемый термин употребляется физиками. В квантовой теории поля утвердилось понятие «виртуальная частица». Виртуальные частицы существуют в промежуточных, имеющих малую длительность состояниях, для которых не выполняется обычное соотношение между энергией, импульсом и массой. Эти короткоживущие частицы являются актуально существующими, но принципиально не регистрируемыми с помощью приборов. К примеру, «виртуальный фотон» в квантовой электродинамике – объект, наделенный всеми теми же характеристиками, что и реальный, «физический» фотон, однако не удовлетворяющий некоторым существенным условиям и ограничениям на эти характеристики: конкретно, его энергия не обязательно является положительной, а его масса не обязательно является нулевой» [7, с. 53]. Стоит отметить, что идея виртуальности оказывается востребованной практически одновременно (но независимо) в сфере естественнонаучного знания и в технико-технологической области.

В современной культуре отсутствует общепринятый способ определения данного понятия не только на уровне повседневного словоупотребления, но и на уровне профессионального гуманитарного дискурса. Подобная ситуация неизбежно ведет к необходимости системного рассмотрения проблемы виртуальной реальности, выявлению инвариантного смысла данного феномена и его мировоззренческого статуса. Это актуализирует важность именно философского осмысления данного феномена.

Многие исследователи виртуальной реальности наделяют эту тему особой значимостью в массиве современного философского знания. Например, Майкл Хейм [8], один из основателей философии киберпространства, считает виртуальную реальность своеобраз-

разной метафизической лабораторией, акцентируя внимание не столько на технической перспективе погружения в виртуальные миры, сколько на возможности более глубокого изучения мира реального. Такая установка связана с признанием фундаментальной взаимосвязи между реальным и виртуальным, когда способ понимания действительности предопределяет онтологический статус виртуальной реальности и наоборот.

Анализ массива современных философских работ, посвященных заявленной проблематике, демонстрирует широкий спектр трактовок и ракурсов рассмотрения виртуальной реальности. В них обсуждаются онтологические, психологические, педагогические, культурологические, экономические, политические, юридические проблемы виртуальной реальности, и при этом преобладают крайне противоречивые интерпретации природы и сущности «виртуального».

Говоря о проблеме виртуальной реальности в философском познании, отдельно стоит отметить работы Центра виртуалистики Института человека РАН. Н.А. Носов [9], основатель Центра виртуалистики был одним из первых отечественных ученых, обратившихся к исконным смыслам, связанных с понятием «виртуальная реальность», и предложивших виртуалистику в качестве типа постнеклассического мировоззрения и парадигмального подхода к изучению виртуальных реальностей. Этот подход основан на признании полионтичности действительности, т.е. одновременном сосуществовании множества онтологически равнозначных реальностей [10]. В рамках этой сложной, многослойной онтологической модели центральной выступает категориальная оппозиция порождающей, т.е. константной, и виртуальной реальности. Важно подчеркнуть отказ от традиционного для философии представления о субстанциальности и, следовательно, иерархии порождающего и порожденного, ведь в системе взаимопорождений одна виртуальная реальность, в свою очередь, может быть константной по отношению к другой, порожденной ею реальности. Таким образом, виртуальная и константная реальности равнозначны, истинны и одинаково действительны.

Н.А. Носов утверждает равноправие физической, социальной, технической, психической, биологической природы происхождения виртуальной реальности. Виртуальной реальности вне зависимости от ее природы приписывается четыре фундаментальных свойства:

«Порожденность. Виртуальная реальность продуцируется активностью какой-либо другой реальности, внешней по отношению к ней.

Актуальность. Виртуальная реальность существует актуально, только «здесь и теперь», только пока активна порождающая реальность.

Автономность. В виртуальной реальности свое время, пространство и законы существования.

Интерактивность. Виртуальная реальность может взаимодействовать со всеми другими реальностями, в том числе и с порождающей, как онтологически независимая от них» [9].

Ключевые положения, изложенные в «Манифесте виртуалистики», очевидным образом свидетельствуют о сопряженности данного подхода с постнеклассическим типом научной рациональности [11]. Предложенная онтологическая модель полионтична, не приемлет редукции одной реальности к другой более высокого или низкого уровня, реальности интерактивны (события одной реальности могут взаимодействовать с событиями другой реальности). Проблематизация в рамках виртуалистики статуса порожденных событий и актуальных состояний позволяет «концептуализировать не только статичные, вечные вещи, но и возникновение и становление», «рассматривать любое событие не как статистически усредненный объект, а как уникальное, существующее в единственном числе» [9]. В пространстве

проблемного поля виртуалистики быть тематизированы такие комплексные феномены, как генезис биологического тела, развитие ребенка, история государства, эволюция вселенной, творческое состояние, поступок, жизнь отдельного человека и т.д. Признание постулата о единстве мира наряду с полионтизмом свидетельствуют о невозможности построить абсолютную, завершенную картину мира.

Однако нельзя не обратить внимания на то, что представители Центра виртуалистики Института человека РАН, сконцентрировали свое внимание на изучении именно психологических виртуальных реальностей и практическом применении этих разработок. Что же касается историко-философской реконструкции генезиса представлений о виртуальной реальности, то авторы большинства диссертационных работ, монографий и статей непосредственно или опосредованно опираются на труды Н.А. Носова.

Заключение

В заключение стоит отметить, что виртуальная реальность может рассматриваться в качестве знакового феномена современности не только в связи с развитием телекоммуникационных технологий и становлением постиндустриального общества. Несомненно, наиболее очевидна версия «виртуализации действительности» в результате осуществлением информационно-компьютерной революции, однако актуализация представлений о «виртуальном» четко просматривается одновременно в разных пластах культуры, в разных «языковых играх» современности. Подобная теоретическая ситуация отражает востребованность категории «виртуальная реальность» в научном дискурсе и современной культуре в целом. Краткое исследование представлений о виртуальной реальности в обыденном, естественнонаучном и гуманитарном познании свидетельствует о многообразии подходов к интерпретации сути данного феномена и его противоречивости. На уровне обыденно-практического мировоззрения виртуальная реальность, как правило, отождествляется с компьютерной виртуальной реальностью. В контексте естественнонаучного познания (квантовая теория поля) виртуальное – это короткоживущие, ненаблюдаемые приборами частицы, существующие по отличным от элементарных частиц правилам. В гуманитарном знании едва ли можно обнаружить некий инвариант осмысления виртуальной реальности. В философии представлен широкий спектр ракурсов тематизации данного феномена: от гиперреальности, созданной медиа, до измененных состояний сознания. Сложность осмысления виртуальной реальности связана с наличием разрозненных подходов к разработке данного понятия. Систематизация представлений о виртуальности предполагает обращение к проблеме в разных семантических топосах и выявление некоего инвариантного содержания понятия, позволяющего рассматривать «виртуальную реальность» не в качестве частнонаучного концепта, а как универсалию культуры. Одним из вариантов целостного осмысления виртуальной реальности выступает виртуалистика – междисциплинарное направление, изучающее комплекс виртуальных явлений в разных сферах. Однако свое мировоззренческое обоснование виртуалистика может найти лишь на уровне философского ракурса осмысления проблемы, ориентированном на концептуализацию сущностных оснований виртуальной реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Таратута, Е.Е. Философия виртуальной реальности / Е.Е. Таратута. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2007. – 145 с.
2. International website of Internet World Stats. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.internetworldstats.com/stats.htm>. – Дата доступа : 12. 09. 2009.

3. Трейстер, Р. Персональный компьютер фирмы ИБМ / Р. Трейстер. – М. : Мир, 1986. – 208 с.
4. Черных, А. Мир современных медиа / А. Черных. – М. : Издат. дом «Территория будущего», 2007. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). – 312 с.
5. Hammet, F. Virtual reality / F. Hammet. – N. Y., 1993. Дайджест подготовил М.А. Дзюбенко // Возможные миры и виртуальные реальности : Исследования по философии современного понимания мира. Выпуск I. Серия : Аналитическая философия в культуре XX века. Сост. В.Я. Друк, В.П. Руднев. – М. : Ин-т сновидений и виртуальных реальностей., 1995. – 250 с.
6. Программный комплекс синтеза и визуализации трехмерных и стереоскопических медицинских изображений как система виртуальной реальности / В.Н. Адров [и др.] // Технологии виртуальной реальности. Состояние и тенденции развития. – М., 1996. – С. 69.
7. Хоружий, С.С. Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности / С.С. Хоружий // Вопросы философии. – № 6. – 1997. – С. 53–68.
8. Heim, M. The Essence of Virtual Reality / M. Heim // The Metaphysics of Virtual Reality / M. Heim. – New York:Oxford University Press, 1993. – Pp. 109–128 – [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://www.stanford.edu/class/history34q/readings/Michael_Heim/HeimEssenceVR.html. – Дата доступа : 12. 01. 2009.
9. Носов, Н.А. Манифест виртуалистики / Н.А. Носов. – М. : Путь, 2001. – 17 с. – (Тр. лаб. виртуалистики. Вып. 15). – [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://www.virtualistika.ru/vip_15.html. – Дата доступа : 12.05.2009.
10. Пронин, М.А. Введение в виртуалистику: учебное пособие / М.А. Пронин ; под ред. М.А. Пронина, А.В. Захряпина, Е.В. Мочалова. – Саранск : «Рузаевский печатник», 2008. – 130 с.
11. Аршинов, В.И. Постнеклассическая рациональность, виртуалистика и информационные технологии / В.И. Аршинов, М.В. Лебедев // Философские науки. – 2007. – № 7. – С. 9–29.

Gongalo H. Virtual Reality as a Subject of Contemporary Interdisciplinary Research

The current understanding of virtual reality in daily practice, scientific knowledge and humanities is considered and analyzed in the article. Emphasis is placed on the need for interdisciplinary study of virtual reality for the explication of its content as a new culture universal. This approach implies a significant role of philosophical investigation of the problem.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 14.06.2010

УДК 1(091)

М.В. Тарасюк

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ ИСТИНЫ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ (Г.В.Ф. ГЕГЕЛЬ, Ж. ДЕЛЁЗ)

В статье производится сравнительный анализ трактовок понятия истины в контексте построения историко-философских моделей на материале работ Г.В.Ф. Гегеля и Ж. Делёза. Интерпретация данного понятия указанными историками философской мысли является одним из ключевых факторов, влияющих на формулировку концептуальных оснований разрабатываемых ими моделей. Ж. Делёз представлен в качестве критика гегелевской концепции истории философии. В статье указывается, что взгляды Ж. Делёза основываются на отрицании гегелевской трактовки понятия истины.

Введение

Одной из важнейших проблем в контексте построения моделей истории философии, начиная с Г.В.Ф. Гегеля, является проблема истины. Однако гегелевский подход к этой проблеме не стал основополагающим для последующего развития историко-философской науки – напротив, его критика имплицитно содержится в историко-философских концепциях XIX–XX вв. В настоящей статье предложена попытка соотнесения взглядов Г.В.Ф. Гегеля и Ж. Делёза как авторов классической и неклассической моделей истории философии.

Гегелевские «Лекции по истории философии» являются работой, безусловно, обладающей эпохальной значимостью в истории теоретического осмысления самих оснований историко-философской процессуальности. В этой работе история философии впервые была структурирована как единая, по выражению Гегеля, «развивающаяся система», противопоставленная эклектизму, свойственному как предшествующим, так и современным Гегелю попыткам изложения истории философии. Кроме того, в «Лекциях по истории философии» впервые был произведен анализ фундаментальных принципов построения истории философии как системы, необходимый для создания подлинно научной картины историко-философского процесса.

Осмысление этих принципов, составляющих основание развития философского мышления, согласно Гегелю, делает историю философии предметом изучения самой философии. В этом отношении гегелевская модель истории философии является органичной частью всей его философской системы в целом. «Лекции по истории философии» приобретают статус классической работы еще и потому, что последующие попытки систематизации историко-философского материала, так или иначе осуществлялись при обязательном соотнесении своих принципов и содержания с моделью, созданной Гегелем.

Однако в конце XIX – начале XX вв. в философии формируются программы, находящиеся «по ту сторону гегельянства», независимые от него построения, обобщенно типологизируемые в качестве неклассических. Сюда относятся, прежде всего, иррационалистические философские концепции Ф. Ницше, С. Кьеркегора, А. Бергсона, в рамках которых возникли существенно отличные от гегелевских интерпретации таких понятий, как субъективность, время, становление и другие. Но эти понятия, являющиеся

Научный руководитель – Т.Г. Румянцева, доктор философских наук, профессор кафедры философии культуры Белорусского государственного университета

наиболее важными для понимания принципов развития философской мысли, не получили в трудах указанных авторов экспликации на область истории философии. Применение ряда принципов иррационалистической философии к сфере историко-философской процессуальности получило наиболее полное осуществление в работах Ж. Делёза, крупнейшего мыслителя второй половины XXв. Именно поэтому в настоящей статье Делёз представлен как автор неклассической историко-философской модели.

Интерпретация понятия истины в историко-философской концепции Гегеля

В «Лекциях по истории философии» Гегеля понятие истины становится тем отправным пунктом, относительно которого структурируется вся историко-философская процессуальность: концепция истины, объединяющей историю и вечность, призвана разрешить современные Гегелю дискуссии о принципах историко-философского исследования. Согласно «профанному», неискушенному взгляду на историю философской мысли, по Гегелю, в самой этой истории содержится явное противоречие: философия, познающая неизменную, вечную истину представляется противоположной в своем предмете истории, исследующей преходящее и исчезающее явление: «Если мы исходим из того, что истина вечна, то она не входит в сферу преходящего и не имеет истории. Если же она имеет историю, то... в ней нельзя найти истину, ибо истина не есть минувшее» [1, с. 74].

Неспособностью разрешить это противоречие характеризуются, согласно Гегелю, практически все современные ему попытки изложения истории философии, однако без разрешения этой «дилеммы» сама история философии утрачивает свой предмет, одновременно дискредитируя понятие истины в философии: «Нет поэтому недостатка в многотомных и, если угодно, ученых историях философии, в которых нет познания самого предмета, на изучения которого положено в них столько труда. Авторы таких историй можно сравнить с животными, прослушавшими все звуки музыкального произведения, но до чувства которых не дошло только одно – гармония этих звуков» [1, с. 67]. Главная черта такого рода изложений истории философии – низведение ее материала до временной последовательности мнений. История философии представляется в этом случае «галерей нелепиц, или, по крайней мере, заблуждений» [1, с. 77]. Гегель требует изгнания мнений из сферы философского мышления, давая следующее определение философии, в основании которого находится понятие истины: «Философия есть объективная наука об истине, наука о ее необходимости, познании посредством понятий, а не мнение и не ткань паутины мнений» [1, с. 78]. Критикуемые Гегелем «истории философии» вообще утрачивают связь с философией как таковой: выступая против истины, они выступают против самой философии.

Возвращая философии через необходимую концептуальную трансформацию ее специфичную историю, отличающуюся от простой хронологической фактографии, Гегель предпринимает попытку создать первую подлинно научную картину историко-философского процесса. Историки, которых критикует Гегель, абсолютизировали понятие различия, не будучи способными обнаружить единый фундамент изучаемых ими философских систем, представляя их в качестве разрозненных мнений. Это являлось причиной подмены идеи развития в истории философии идеей простой хронологической смены «заблуждений» и «нелепиц».

Указанным основанием единого процесса развития философии может являться лишь истина, понимаемая как одновременно статичный и динамичный источник мышления. «Истинное есть движение, процесс, но в этом же движении – покой» [1, с. 89]. Вечная неизменная истина не существует вне процесса своего становления и развития, иначе она оставалась бы, по Гегелю, абстрактной и формальной категорией. Свойства всеобщности, присущего истине, оказывается недостаточно: «Истинное, идея не состо-

ит в пустых общностях, а в некоем всеобщем, которое само в себе есть особенное, определенное» [1, с. 88]. Истина сущностно конкретна: Гегель использует для обозначения истины в ее полноте, включающей необходимое развитие, понятие идеи – «идея есть... истина; ... природа идеи состоит в том, что она развивается и лишь через развитие постигает себя» [1, с. 85]. Идея, как конкретное воплощение истины, внутренне противоречива, «она есть единство различных определений» [1, с. 88]. И это позволяет пересмотреть все представление о различиях и противоречиях систем в истории философии. Их не следует абсолютизировать и рассматривать в качестве мнений – напротив, они являются многообразными проявлениями единой истины, обретающей в них свою историю, а именно саму историю философии.

Интерпретация понятия истины в историко-философской концепции Делёза

Историко-философская концепция Делёза в вопросе об истине является подчеркнута антигегельянской. Для Делёза, как и для Гегеля, исходной установкой является положение о проблематичном статусе истины в истории: «Если мы рассмотрим историю мысли, нам придется констатировать, что время всегда ставило под сомнение понятие истины» [2, с. 438]. Однако если Гегель разрешает это противоречие в пользу утверждения принципиальной необходимости историчности самой истины, то Делёз видит в такой позиции попытку сохранения трансцендентной функции истины в качестве абсолютной инстанции под прикрытием ее диалектической связи с имманентной миру динамичной и множественной событийностью. Необходимо упразднить эту абсолютную составляющую, причем так, чтобы весь историко-философский материал не обратился в вереницу разрозненных мнений.

Согласно Делёзу, Гегелю не удалось представить различные философские построения в ином качестве, нежели как мнения: «Диалектика притязает на открытие собственно философской дискурсивности, но она может это делать лишь путем сочленения мнений. Сколько бы она не преодолевала мнение ради знания, мнение все равно пробивается назад» [6, с. 104–105]. Гегелевская история философии потому остается доксографией, что вместо изучения конкретных проблем, рассматриваемых определенным философом, использует философские построения как иллюстративный материал «для извлечения из них сверхнаучных пропозиций, способных к самодвижению, самосозерцанию, саморефлексии, самокоммуникации в себе самих и в абсолюте» [6, с. 104–105]. Абсолютизация истины, необходимая, по Гегелю, для подлинно научного характера философии, является неприемлемой для Делёза, так как истина не должна быть предзадана философской мыслью: «Такая идея, как истина, является не какой-либо заранее существующей вещью, которую предстоит открыть, но тем, что следует создать для каждой области реальности» [5, с. 164].

Таким образом, здесь проявляется творческий характер философии, и в данном случае история философии имеет дело не с единой и вечной истиной, но с множеством истин, «созданных» различными мыслителями. Множественные истины при этом не должны рассматриваться как мнения, понимаемые в качестве исторически преходящих заблуждений. Философия должна оставаться знанием, создающим истину, однако основанием истины, по Делёзу, неизбежно становится фальсификация: «Производство истины проходит через серию операций, заключающихся в том, чтобы работать над определенной серией фальсификаций» [5, с. 164]. Истина изготавливается философом, так же как и вся совокупность компонентов философского мышления (концепты, план имманенции, концептуальные персонажи).

Отличие этого вида творческой деятельности от производства мнения, по Делёзу, состоит еще и в том, что понятие мнения обозначает некую ошибочную теорию, род заблуждения. Делёз считает философское творчество, даже в наихудших своих прояв-

лениях, никак не связанным с возможностью заблуждения или ошибки: «О многих книгах по философии следовало бы сказать, что они не ложны (ибо это значит ничего не сказать), а незначительны и неинтересны, – именно потому, что они не творят концептов, не привносят нового образа мысли, не порождают мало-мальски стоящего персонажа» [6, с. 108]. По отношению к философии неприменимо представление об истинном в контексте его логической противопоставленности ложному: логический анализ, по Делёзу, неприменим к философским проблемам, разрешение которых не может являться истинным или ложным – вместо этого оно должно иметь смысл: «Место истины как категории в ситуации, когда истина и ложь относятся к проблеме, а не к соответствующим ей предложениям, заменяет именно категория смысла» [3, с. 167].

Делёз указывает на Ф. Ницше как непосредственного родоначальника этого «нового облика мысли», определяющего началом мысли не истину, а смысл и ценность. Множественные истины утверждаются различными силами, которые завладевают мыслью. В ницшеанской типологии эти силы делились на активные и реактивные, соответственно порождая разные виды истин: «Есть истины низости, истины раба» [4, с. 218].

Упраздняя понимание истины как предзаданной и универсальной, как того, что необходимо должно быть разыскиваемо философом, Делёз снимает противоположность истинного и ложного в философии, которая есть фальсификаторская деятельность, в которой истина становится высшей формой проявления лжи: «Высочайшие наши мысли причастны ложному; более того, они всегда готовы возвести ложное в высшую степень, степень утвердительную и художественную, становления – истиной» [4, с. 218].

Заключение

История философии Гегеля представляет собой типичную модель, основанную на репрезентативности: вечная истина отражается в той или иной мере в выстроенных в единую последовательность различных философских системах. Согласно Делёзу, эта схема восходит к принципам селекции претендентов на обладание истиной в диалектике платоновских диалогов. В рамках этой репрезентативной модели существуют сама истина, истинный претендент на нее и множество ложных претендентов – симулякров. Делёз, критикуя эту модель, свою собственную программу в философии обозначает как «низвержение платонизма» [3, с. 329]. В отношении вопроса об истине этот лозунг призван упразднить отношения истины как самотождественной инстанции и ее подобий в пользу утверждения симулякров как «высшей власти лжи» [3, с. 342]. В противовес произведенной Гегелем систематизации философских систем, Делёз наделяет значимостью симулякр, который «делает невозможной никакую упорядоченную сопричастность, никакое четкое распределение, никакую устойчивую иерархию» [4, с. 218].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по истории философии : в 3 т. / Г.В.Ф. Гегель. – СПб. : Наука, 1993. – 1994. – Т. 1 – 350 с.
2. Делёз, Ж. Кино. / Ж. Делёз. – М. : Ad Marginem, 2004. – 624 с.
3. Делёз, Ж. Логика смысла. / Ж. Делёз. – М. : Раритет, Екатеринбург : Деловая Книга, 1998. – 480 с.
4. Делёз, Ж. Ницше и философия. / Ж. Делёз. – М. : Ad Marginem, 2003. – 390 с.
5. Делёз, Ж. Переговоры. / Ж. Делёз. – СПб. : Наука, 2004. – 235 с.
6. Делёз, Ж. Что такое философия? / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. – СПб. : Алетейя, 1998. – 288 с.

Tarasiuk M.V. Interpretation of Notion of Truth as the Methodological Basis of Conception of History of Philosophy (G. W. F. Hegel, G. Deleuze)

The comparative analysis of treatments of concept of truth in the context of G. W. F. Hegel's and G. Deleuze's models of history of philosophy is made in the article. Interpretation of this concept by the the given historians of philosophical thought is one of the key factors influencing the formulation of the conceptual bases of models developed by them. G. Deleuze is presented as the critic of Hegel's conception of history of philosophy. The fact that one of the basic principles in Deleuze's critic is the negation of Hegel's treatment of the concept of truth is underlined in the article.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 11.03.2010

УДК 141.32

Н.В. Бедрицкая

МЕСТО И РОЛЬ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ В РАМКАХ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Статья посвящена определению понятия «экзистенциальная феноменология». При этом экзистенциальная феноменология, первоначально оформившаяся в Германии в первой половине XX века (М. Хайдеггер, Х. Аренд и др.), рассматривается автором в качестве одного из наиболее значимых и популярных направлений в рамках феноменологического движения. Основное внимание в статье уделено рассмотрению соотношения трансцендентальной конститутивной феноменологии Э. Гуссерля и экзистенциальной и реалистической версий феноменологии. Это позволяет выявить содержательное и методологическое своеобразие каждого из указанных направлений.

Введение

Несмотря на то, что различные энциклопедические и словарные дефиниции в большинстве случаев солидарны в отношении содержательного наполнения понятия феноменологии, его реальное употребление в философском и околофилософском дискурсе сложно назвать однозначным. Даже принимая во внимание тот факт, что на сегодняшний момент маркирование собственных исследований в качестве «феноменологических» перестало быть своеобразной «модой», речь в ряде случаев продолжает идти о не критичном понимании и употреблении данного понятия. Поэтому разработанность экзистенциальной проблематики в современных «феноменологиях» в равной степени рассматривается и как последовательное и перспективное развитие изначальных интенций феноменологии, и как серьезное искажение свойственного ей подхода и образа мысли. Тем не менее такое настойчивое проецирование феноменологии на области, касающиеся «болевых точек» человеческого существования представляется нам в высшей степени симптоматичным. В связи с этим целью данной статьи является рассмотрение процесса становления экзистенциальной феноменологии, который приходится на начальную (немецкую) фазу феноменологического движения, с тем чтобы обнаружить, в какой мере обращение к экзистенциальной проблематике соответствовало внутренней логике развития феноменологии и представляло собой претворение в жизнь ее глубинных возможностей. Для реализации обозначенной цели необходимо решить несколько задач: определить значение понятия «экзистенциальная феноменология»; осуществить компаративный анализ экзистенциальной версии феноменологии и иных ее версий, наиболее популярных в XX веке; выявить специфику вышеуказанного направления, его место и роль в рамках феноменологического движения.

Понятие экзистенциальной феноменологии

Как было отмечено выше, основное внимание в данной статье сосредоточено на рассмотрении начальной фазы развития феноменологического движения, т.е. немецкой феноменологии первой половины XX века, представленной в работах Э. Гуссерля, А. Райнаха, М. Хайдеггера, М. Шелера и др. Однако даже в случае обращения к раннему периоду развития феноменологии речь не идет о содержательном и методологическом единообразии исследуемого «материала», что связано не с

Научный руководитель – И.М. Наливайко, кандидат философских наук, доцент кафедры философии культуры Белорусского государственного университета

деформацией, но с самим существом философской программы феноменологии. П. Рикер иронично замечает, что феноменология – «это в лучшем случае история гуссерлевских ересей» [1, с. 8]; с ним солидарен Г. Шпигельберг, по мнению которого, «для ортодоксии гуссерлевского или другого варианта в подлинной феноменологии нет места» [2, с. 124]. Однако если перейти от ироничных замечаний к рассмотрению существа вопроса, то следует констатировать существование двух альтернативных точек зрения. Приверженцы первой склонны признавать лишь номинальный характер так называемой «феноменологической традиции» ввиду отсутствия в ее рамках согласия относительно метода и общей исследовательской программы и даже утверждать, что «Гуссерль был не только основателем феноменологии, но и единственным, кто действительно занимался ей постоянно» [3, с. 661]. Сторонники второй приписывают феноменологии значение одной из доминирующих или даже основной традиции в современной философии, апеллируя к общности обсуждаемых тем и проблем и рассматривая существующие различия как имманентную критику феноменологии, хотя и обусловленную подчас непониманием философских замыслов друг друга, но весьма плодотворную. При этом, на наш взгляд, в рамках феноменологического движения может быть выделен ряд направлений, которые оформились на начальном этапе развития феноменологии и представляют собой продуктивное развитие (а не искажение, возникшее под влиянием активного взаимодействия феноменологии с другими дисциплинами) основных интенций исходной философской программы феноменологии и которые, кроме того, оказались наиболее востребованы в связи с философской и социокультурной ситуацией XX века и, таким образом, являются доминирующими с историко-философской точки зрения. В качестве одного из таких наиболее значимых направлений следует рассматривать *экзистенциальную феноменологию*.

Понятие «*экзистенциальная феноменология*» начинает фигурировать в философских исследованиях Западной Европы и США в 50–60 годы XX века. Его содержание окончательно оформляется после выхода книги У. Луижпена (Luijpen) и Г. Корена «Первое введение в экзистенциальную феноменологию» [4]. Однако разработка тем и проблем, которые составляют основу экзистенциальной феноменологии, приходится на первую половину XX века. Ее наиболее ярким представителем, на которого указывают все исследователи, является М. Хайдеггер. Также в определенной степени к данному направлению философской мысли причастны работы Х. Аренд, Г. Райнера, М. Шелера. Зародившись изначально в Германии, впоследствии экзистенциальная феноменология оказалась широко востребована в других странах – прежде всего, во Франции и США. Хотя, как справедливо отмечает М. Рэтхол (M. Wrathall), «никто из представителей данного направления не называл собственные исследования «экзистенциальной феноменологией»... все равно, есть основания для того, чтобы поместить работы этих философов под рубрикой «экзистенциальная феноменология» [5, с. 31]. Основанием для рубрицирования в данном случае выступает общность в понимании явлений, на рассмотрении которых сосредоточиваются так называемые «экзистенциальные феноменологи», и феноменологический метод, который они используют, чтобы рассматривать такие явления.

Основной тезис данной статьи состоит в том, что, на наш взгляд, экзистенциальная феноменология наряду с *реалистической феноменологией* и *трансцендентальной (конститутивной) феноменологией* Э. Гуссерля образуют основное содержание феноменологического движения. Иными словами, та версия феноменологии, которая была впоследствии разработана самим основателем феноменологического движения, представляет собой лишь одно из возможных направлений развития исходной философской программы феноменологии, одну из возможных форм реализации изначального замыс-

ла феноменологии. В этом смысле при оценке места и роли экзистенциальной версии феноменологии (равно как и версии, представленной в так называемой «реалистической феноменологии») не правомерно ориентироваться на высказывания самого Э. Гуссерля, который не всегда объективно оценивал характер работ своих учеников, выбравших свой вариант реализации феноменологического метода и подхода с позиции их верности «духу и букве» феноменологии [2, с. 122; 3, с. 688].

Для подтверждения данного тезиса мы апеллируем как к высказываниям тех исследователей, которые практически с самого начала принимали активное участие в феноменологическом движении, так и к позиции, которая является общепринятой в рамках современных, прежде всего, зарубежных, исследований, касающихся рассмотрения существа философской программы феноменологии и действительного многообразия феноменологических концепций.

В своей статье «Трансцендентальная и онтологическая феноменология» Х. Конрад-Мартиус, принадлежащая к одному из первых поколений феноменологов, подчеркивает, что «мы имеем дело с тремя течениями, которые, имея один и тот же корень, представляют все-таки различные, замкнутые в себе и в своем роде замечательные общеполитические концепции. Я имею в виду три известных направления, возникших на основе идей Гуссерля» [6, с. 321]. Эти три направления Х. Конрад-Мартиус обозначает как «трансцендентально-философское», «геттингенско-мюнхенская школа» и «философия существования». Тем не менее в соответствии с принятой в настоящее время терминологией эти три течения, учитывая включаемые в них персоналии и определенное направление спецификации общеполитических идей и положений, следует обозначить как трансцендентальная конститутивная феноменология (Э. Гуссерль, Е. Финк, Л. Ландгребе), реалистическая феноменология (А. Райнах, А. Пфендер, М. Шелер, М. Гейгер, Х. Конрад-Мартиус, Д. фон Гильдебранд, Э. Штайн, Р. Ингарден) и экзистенциальная феноменология (М. Хайдеггер, Х. Арндт).

В целом современное видение облика феноменологии также дает импульс к выделению экзистенциальной феноменологии в качестве внутрифеноменологического направления, характеризующегося вполне определенной спецификой. Например, Д.В. Смит в своей статье в «Стенфордской энциклопедии философии» констатирует «разнообразие *традиционной* (курсив наш – Н.Б.) феноменологии», ссылаясь на представленность в «Энциклопедии феноменологии» 1997 г. семи ее типов, среди которых указана и экзистенциальная феноменология, которая «изучает конкретное человеческое существование, включая наш опыт свободы выбора или действия в конкретных ситуациях» [7].

Действительно, статья в «Энциклопедии феноменологии» под названием «Феноменология» содержит отсылку к семи следующим ее типам: 1) трансцендентальная конститутивная феноменология, 2) натуралистическая конститутивная феноменология, 3) экзистенциальная феноменология, 4) генеративная историческая феноменология, 5) генетическая феноменология, 6) герменевтическая феноменология, 7) реалистическая феноменология. Подобная типологизация, на наш взгляд, не связана необходимым образом с проблемным полем немецкой феноменологии, поэтому речь о «традиционности» в ней может идти только весьма условно. Более того, в своем «Введении» к выше-названному изданию Л. Эмбри ведет речь лишь о «четырех последовательно доминирующих и иногда накладывающихся друг на друга тенденциях» [8, с. 2], которые он обозначает в качестве реалистической, конститутивной¹, экзистенциальной и герменевтической феноменологии. При этом выделение последней представляется весьма спор-

¹ Имеется в виду преимущественно вариант феноменологии Э. Гуссерля, который более привычно именуется «трансцендентальной конститутивной феноменологией».

ным, поскольку речь идет не столько о развитии феноменологии, сколько о дополнении ее герменевтикой.

Трансцендентальная, экзистенциальная и реалистическая версии феноменологии: соотношение и специфика

Соотношение между трансцендентальной, экзистенциальной и реалистической феноменологией можно охарактеризовать следующим образом.

Обозначая разрабатываемую им на определенном этапе версию феноменологии в качестве трансцендентальной, Э. Гуссерль практически отождествляет ее с эгологией, т.е. учением о «чистом Эго», о чистом (абсолютном) сознании. Следует согласиться с теми исследователями, которые отмечают, что непризнанный многими учениками и коллегами Э. Гуссерля «трансцендентальный поворот» в значительной степени был своего рода «жестом отчаяния», очередной попыткой найти прочный фундамент для построения целостной системы знания и реализации тем самым эпистемологической задачи феноменологии, поскольку прежнее понимание сознания в духе «потока сознания» ставило философа в позицию «вечно начинающего с начала». По остроумному замечанию Р. Сафрански, «Гуссерль попытался выпутаться из головоломной ситуации, решив, что если сознание невозможно описать и проанализировать до конца, то надо просто «завязать мешок с другой стороны», то есть начать не с конца, а с начала. В результате этого произошедшего у него в голове короткого замыкания родилась идея «трансцендентального эго» – регулятивной структуры, которая отвечает за всю работу и все операции сознания; которая есть исток потока сознания» [9, с. 122]. Однако этот «трансцендентальный поворот», заявленный и реализованный Э. Гуссерлем приблизительно в 1913 г., не был принят большинством феноменологов, что и послужило основанием для выделения различных направлений в рамках феноменологического движения.

Позиционировавшие свои воззрения в качестве альтернативы трансцендентальной конститутивной феноменологии Э. Гуссерля представители экзистенциальной и реалистической феноменологии разделяют ряд базовых идей, касающихся прежде всего статуса «вещей», т.е. реального бытия человека и мира. Действительная *специфика* каждого из двух выше названных направлений, т.е. экзистенциальной и реалистической версии, проявляется в *расстановке акцентов в содержательном и методологическом плане*. Если в экзистенциальной версии речь идет преимущественным образом о *тематическом ограничении* феноменологии, когда феноменологический метод применяется исключительно для анализа многообразных аспектов человеческого существования, то разногласия между трансцендентальной конститутивной феноменологией Э. Гуссерля и реалистической феноменологией изначально касаются именно специфики и *содержания самого феноменологического метода*.

Представители экзистенциальной феноменологии солидарны с Э. Гуссерлем в признании смыслоконституирующей (*sinngebend*) деятельности сознания. Однако теперь смысл рассматривается в качестве структурного момента самой экзистенции, поскольку данное понятие напрямую связывается с вопросом о смысле и бессмысленности (а значит, в конечном итоге, с вопросом о подлинности) человеческого существования [9, с. 359–360]. Таким образом, в целом экзистенциальной феноменологией оказывается востребована гуссерлевская интерпретация сознания, однако «замысел экзистенциальной феноменологии состоит в том, чтобы выявить априорные структуры не познающего, а экзистирующего сознания» [11, с. 43]. В связи с этим необходимо выделить два момента.

С одной стороны, экзистенциальная феноменология остается *трансцендентальной феноменологией*, и в этом состоит ее сущностное отличие от философии экзистен-

циализма. Иными словами, она продолжает со всей строгостью философского исследования заниматься исследованием условий возможности опыта, раскрытия феноменов и конституирования смыслов.

С другой стороны, ее представителями делается акцент на слое дорационального и интересубъективного, что впоследствии повлечет за собой активное исследование телесности. Д. Захави резюмирует, что трансцендентальная феноменология, которая серьезно относится к интересубъективности, также серьезно должна отнестись к телесности (*embodiment*) и тем самым к фактичности. «Интерсубъективность подразумевает отношение между существами, обладающими телесностью» [3, с. 681]. Если для Э. Гуссерля главным, с чем он боролся, являлась объективистская установка, согласно которой «все духовное казалось приложенным к физическим телам» [12, с. 112], то в рамках экзистенциальной феноменологии окончательно преодолевается декартовский дуализм духа (сознания) и тела. При этом тело рассматривается в его тесной двусторонней связи с миром, с познанием мира: наше знание мира базируется на исходном телесном опыте, но и само тело раскрывается только в познании мира.

В результате круг феноменов, которые интересуют представителей экзистенциальной феноменологии, не ограничивается более сферой чистого (абсолютного) сознания, а существенно расширяется. По этой причине М. Рэтхолл (M. Wrathall) предлагает даже ввести понятие *экзистенциального феномена*, отличительной чертой которого является то, что он «существует в раскрытии к нам» [5, с. 35]. Иными словами, речь идет о защите в определенном смысле парадоксального утверждения, что нечто, существующее независимо от нас (в этом экзистенциальная феноменология солидаризируется с феноменологией реалистической), обретает смысл в зависимости от нашего способа бытия-в-мире, от того, насколько близким оно нам является, поскольку существует множество способов данности.

Представители и апологеты реалистической феноменологии полагают, что разрабатываемая ими философия «в действительно строгой форме следует гуссерлевской максиме возвращения к самим вещам» [13, с. 23–24]. Предпосылкой разработки данной версии является тезис о слишком узком понимании феноменологического метода в работах Э. Гуссерля после 1913 г., что в свою очередь обусловлено осуществленным им трансцендентальным, субъективистским поворотом и, как следствие, «чистым эссенциализмом» философии Э. Гуссерля [13, с. 10–11]. Реалистическая феноменология в свою очередь развивает феноменологический метод таким образом, чтобы он сделал возможным осуществить «полноценное обращение феноменологии к сущности и значимости реальной, живой личности вместо абстрактного трансцендентального Ego» [13, с. 11] и «признание неконституированной реальности *другого лица*» [13, с. 18]. Тем самым, по мнению ее представителей, преодолевается первый из обозначенных «недостатков» феноменологического метода Э. Гуссерля, а именно имманентизм и субъективизм. Преодоление же второго «недостатка», а именно «чистого эссенциализма», достигалось посредством обращения к существованию и самому бытию, что позволяет оценивать данное направление «в качестве «экзистенциального дополнения» и поворота в феноменологии» [13, с. 43].

Основой критики трансцендентального поворота Э. Гуссерля в рамках экзистенциальной феноменологии выступает *влияние*, испытанное ее представителями со стороны *философии жизни* и *экзистенциальной философии*. Как отмечает Р. Сафрански, «Хайдеггеру, разделявшему взгляды Дильтея, казалась подозрительной любая философия, которая запутывалась в собственных противоречиях, пытаясь обеспечить себе некое надежное укрытие по ту сторону истории. Гуссерлианская концепция «трансцендентального его» как раз и была такой беспомощной попыткой сконструировать своего рода «потусторонний мир» внутри человеческого сознания. Во-вторых, отказаться от

идеи имманентности сознания, которую отстаивал Гуссерль, Хайдеггеру помогло изучение работ Кьеркегора» [9, с. 126]

Завершая рассмотрение вопроса о соотношении трансцендентальной конститутивной феноменологии Э. Гуссерля, экзистенциальной и реалистической феноменологии, мы хотим подчеркнуть, что *все три указанные версии закономерно следуют из исходной философской программы*, представленной Э. Гуссерлем на начальном этапе развития феноменологии. Как отмечает М. Мерло-Понти, «все контрасты могут быть найдены внутри мышления Гуссерля. Кроме того, что более важно, мы имеем дело не с истинными контрастами или альтернативами, а скорее с взаимодополняющими аспектами, которые феноменология должна включать в себя и принимать во внимание» [3, с. 664].

На наш взгляд, аналогичную точку зрения высказывают современные зарубежные исследователи, утверждая определенное своеобразие гуссерлевского трансцендентализма. Как отмечает в своей работе Д. Захави, «феноменология является одним из видов трансцендентальной философии, но этот вид довольно сильно отличается от других, более традиционных видов трансцендентальной философии (например, трансцендентальной философии в духе И. Канта), как минимум, за счет акцентирования природы субъективности как неразрывно связанной с телесностью и интерсубъективностью» [3, с. 663]. По этой причине данный исследователь обосновывает точку зрения, согласно которой некорректным и неправомерным является рассмотрение трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля и экзистенциальной феноменологии М. Хайдеггера и М. Мерло-Понти в качестве взаимоисключающих альтернатив. Собственно, сама Х. Конрад-Мартиус, указывая на различия между тремя обозначенными феноменологическими течениями, завершает свое размышление выводом об отсутствии между ними «радикального противоречия» [6, с. 327].

Заключение

Обращение к начальной фазе феноменологического движения позволяет выделить три направления, наиболее значимые с историко-философской точки зрения и наиболее популярные в XX веке. Как высказывания непосредственных участников феноменологического движения, так и авторов современных исследований в области феноменологии свидетельствуют, что осуществленная Э. Гуссерлем разработка трансцендентальной конститутивной феноменологии является реализацией лишь определенных возможностей философской программы данного направления и ни в коей мере не должна рассматриваться в качестве исчерпывающей все ее содержание. В таком случае в число доминирующих направлений наряду с гуссерлевским вариантом феноменологии, который был развит им после так называемого «трансцендентального поворота», должны быть включены также экзистенциальная феноменология и феноменология реалистическая.

Хотя в качестве наиболее яркого примера синтеза феноменологического и экзистенциального подхода, как правило, рассматривается французская философия, на наш взгляд, именно в Германии в первой половине XX века происходит становление экзистенциальной феноменологии, что связано с деятельностью таких философов, как М. Хайдеггер, Х. Аренд, М. Шелер. Экзистенциальная феноменология остается трансцендентальной в том смысле, что тематизирует вопросы, касающиеся условий возможности опыта, раскрытия феноменов и конституирования смыслов, однако ее представители не принимают свойственной Э. Гуссерлю концентрации на исследовании чистого (абсолютного) сознания в его оторванности от «мира», предпочитая обращаться к рассмотрению «экзистирующего сознания». С другой стороны, в отличие от представителей реалистической феноменологии, для которых исходным выступает несогласие с осуществленным Э. Гуссерлем «поворотом» в сторону «имманентизма», «субъекти-

визма» и «чистого эссенциализма» и последовавшими за этим трансформациями феноменологического метода, для так называемых «экзистенциальных феноменологов» гораздо более значим акцент на исследовании одной из возможных тематических областей феноменологии, на специфике исследуемых феноменов, что, соответственно, обусловливает необходимость корректировки феноменологического метода.

Несмотря на очевидные различия между тремя указанными направлениями, они не являются принципиально несовместимыми ввиду наличия общих моментов, унаследованных от исходной философской программы феноменологии, и, следовательно, концепции, разработанные их представителями, должны рассматриваться не как альтернативные, но, скорее, как взаимодополняющие, позволяющие в полной мере оценить масштаб феноменологического движения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вдовина, И.С. Феноменология во Франции / И.С. Вдовина. – М. : Канон : Реабилитация, 2009. – 400 с.
2. Михайлов, И.А. Ранний Хайдеггер / И.А. Михайлов. – М. : Прогресс-Традиция : Дом интеллектуал. кн., 1999. – 283 с.
3. Zahavi, D. Phenomenology / D. Zahavi // The Routledge companion to twentieth-century philosophy / Moran D. (ed.). – London : Routledge, 2008. – P. 661–692.
4. Luijpen, A.W. A First Introduction to Existential Phenomenology / A.W. Luijpen, H.J. Koren. – Pittsburg : Duquesne University Press, 1969. – 242 p.
5. Wrathall, M.A. Existential Phenomenology / M.A. Wrathall // A companion to Phenomenology and Existentialism / H.L. Dreyfus, M.A. Wrathall (eds.). – Oxford : Blackwell Publishing, 2009. – P. 31–48.
6. Конрад-Мартиус, Х. Трансцендентальная и онтологическая феноменология / Х. Конрад-Мартиус // Проблемы онтологии в современной буржуазной философии : сб. ст. / АН Латв. ССР, Ин-т философии и права ; редкол. Т.А. Кузьмина (отв. ред.) [и др.]. – Рига : Зинатне, 1988. – С. 321–328.
7. Smith, D.W. Phenomenology / D.W. Smith // Stanford Encyclopedia of Philosophy [Electronic resource]. – Stanford, 2008. – Mode of access : <http://plato.stanford.edu/entries/phenomenology>. – Date of access : 18.01.2010.
8. Embree, L. Introduction / L. Embree // Encyclopedia of Phenomenology / L. Embree (ed.). – Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 1997. – P. 1–11.
9. Сафрански, Р. Германский мастер и его время / Р. Сафрански ; пер. Т.Л. Баскаковой, В.А. Брун-Цеховского, вступ. ст. В.В. Бибихина. – Изд-е 2-е. – М. : Молодая гвардия, 2005. – 612 с.
10. Черняков, А.Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера / А.Г. Черняков. – СПб. : Высшая религиозно-философская школа, 2001. – 460 с.
11. Богомолов, А.С. Феноменология, экзистенциализм и экзистенциальная феноменология / А.С. Богомолов, С.В. Степура // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – № 4. – 1997. – С. 36–44.
12. Гуссерль, Э. Кризис европейского человечества и философия / Э. Гуссерль // Вопросы философии. – № 3. – 1986. – С. 101–116.
13. Зайферт, Й. Введение / Й. Зайферт // Антология реалистической феноменологии / Междунар. филос. Академия в княжестве Лихтенштейн ; под ред. Д. Атласа, В. Куренного ; предисл. Й. Зайферта. – М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. – С. 9–54.

Bedritskaya N.V. Role of the Existential Phenomenology in the Phenomenological Movement

The article deals with the concept definition of the «existential phenomenology». Author considers this school of thought, which took shape in Germany in the first half of the twentieth century, as one of the most important and most popular tendencies in the Phenomenological Movement. Much attention is given by the article to problem of the relationship of transcendental constitutive Husserl's phenomenology and existential and realistic phenomenology. This makes it possible to show specificity of these tendencies.

Рукопис паступіў у рэдкалегію 11.03.2010

УДК 31.001:001

Ю.П. Бондарь, С.В. Решетников

КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ

Актуальное научно-практическое значение для переходных обществ имеет обобщение и объективный критический анализ исследователями накопленного опыта *политической социализации* как процесса усвоения личностью социально-политических знаний, ценностей и традиций, образцов и норм поведения, необходимых для сознательного, добровольного и эффективного участия в управлении обществом. Результаты этого многогранного и противоречивого процесса материализуются в политической культуре индивидов, социальных групп, государственных и общественных институтов, взаимодействии граждан с политической системой.

Объект исследования – процесс профессионального становления, статусного самоопределения и легитимизации политической науки в новых суверенных государствах, ее взаимодействие с практической политикой.

Цели статьи – обосновать и классифицировать тенденции, закономерности, проблемы и противоречия в развитии национальной политической науки; раскрыть механизм политической социализации студентов национальных вузов и разработать инновационную модель его концептуально-методического обеспечения.

Как свидетельствует опыт переходных обществ, приобщение гражданина к демократическим ценностям, их адаптация к запросам трансформирующейся политической системы является определяющим условием прогрессивных политических изменений, устойчивого цивилизационного развития, сохранения преемственности поколений в политике.

Недооценка механизмов политической социализации на каком-либо ее уровне или стадии, негативного влияния на личность политических и неполитических факторов, игнорирование возрастных изменений, специфики освоения социально-политических ролей неизбежно оборачивается издержками в сознании и поведении главного субъекта качественных перемен – человека. Возможны и глубокие деформации массового сознания и поведения, кризисы в духовно-идеологической сфере. Поэтому политическая социализация граждан переходных обществ, в том числе и студентов вузов, механизмы, стадии и факторы этого процесса требуют пристального внимания государственных и общественных институтов, анализа и концептуально-методического обоснования исследователями, компетентного регулирования и контроля. Между тем данный аспект диссертационной темы еще не являлся предметом научного осмысления учеными Беларуси и России, что и побудило к его системному познанию.

Содержание и результаты политической социализации студентов детерминированы социальной средой, характером политической системы, а также *специальными механизмами*, корректирующими и регулируемыми усвоение студентами ценностей политики. К таким традиционно-универсальным механизмам относятся политическое образование и воспитание, осуществляемое в процессе *изучения студентами политической науки*. Владение достижениями политической науки, как убеждает мировой опыт, ускоряет включение индивида в политическую систему, позволяет эффективно нейтрализовать стихийные негативные влияния на его сознание и поведение социальной среды, модифицировать взаимоотношения личности с государством и обществом, целенаправленно корректировать ее политические ориентации. Качественное, концептуально и методически обоснованное политическое образование студентов способству-

ет росту их политической информированности и активности, предупреждает отчуждение от практической политики и власти, формирует потребность в самостоятельном и ответственном участии в управлении государственными и общественными делами.

В начале 1990-х гг. не было ясности в стратегии и тактике, методах и механизмах политической социализации студентов, в том числе и в сфере и политического образования. Советская эпоха оставила в наследство рудименты негативного отношения к политическому просвещению и воспитанию как инструментам манипулирования массовым сознанием и поведением. Она выработала у людей устойчивый иммунитет к политическому информированию, инициативам ученых-обществоведов, государственному регулированию духовно-нравственной сферы. Как следствие, значение политической социализации после распада СССР недооценивалось многими управленцами, включая и руководителей учебных заведений. Несмотря на то, что старая система преподавания социально-гуманитарных дисциплин в вузах себя дискредитировала и была разрушена, новая создавалась медленно и неумело, в острых дискуссиях, в атмосфере пассивно-пессимистического отношения значительной части интеллектуалов к культурно-идеологическим факторам модернизации. И это в то время, когда общество ощущало дефицит демократических ценностных установок, гражданственности, понимания социальных проблем и приоритетов, культуры политического сознания и компетентных действий по созданию цивилизованных институтов и реформированию всех сфер своей жизни [1, с. 42–51].

Реалии переходного периода обусловили особую актуальность системного концептуально-методического обеспечения политической социализации, обоснования назревших потребностей «смены парадигм» в практике приобщения студентов к политике, активного внедрения интерактивных методов в их политическое образование и воспитание.

В таких условиях политология как учебная дисциплина утверждалась в России и Беларуси после провозглашения суверенитета, радикальной реконструкции национальной государственности. Организационно-методические усилия научно-педагогической корпорации были подчинены поиску, теоретическому обоснованию и реализации оптимальной модели политической социализации студентов, изучению зарубежного опыта, осмыслению тенденций и кризисных проявлений в институционализации политологии в отечественных вузах, разработке и апробации инновационных технологий приобщения молодежи к демократической политической культуре в переходный период.

«Рождение» политологии как учебной дисциплины в вузах Беларуси и России относится к началу 1990-х гг. Постепенно налаживалось ее преподавание студентам, в университетах создавались кафедры политологии, формировался национальный профессорско-преподавательский корпус посредством «переквалификации» советских обществоведов, преподававших ранее научный коммунизм, историю КПСС, социологию, марксистско-ленинскую философию. Появились первые учебные программы и пособия.

Прошедшее пятнадцатилетие – это начальный, болезненный период становления и «легитимации» политологии в новых независимых государствах и студенческой среде. Он был сопряжен с преодолением сложных проблем ее статусного положения: роли в системе социально-гуманитарных знаний как обязательной или факультативной дисциплины; кадрового обеспечения; самоопределения педагогов в содержании, методологии и методах политического образования и гражданского воспитания молодежи.

Рождение новой дисциплины в начале 1990-х гг. обусловило актуальность концептуально-методического обеспечения политической социализации студентов, поиска инновационных методов их включения в политическую систему. Ситуация в переходных обществах требовала решения сложных и масштабных задач:

- разработки стратегии и методов политического образования; отражения в учебных программах и планах социальных запросов, эпохи информатизации и перспектив интеграции в мировое образовательное пространство;
- соотнесения содержания национальной политологии с достижениями мировой политической науки;
- преодоления рецидивов «советского традиционализма» в воспитании личности;
- предупреждения упрощенчества и гносеологического провинциализма в формировании политической культуры гражданина.

И в России, и в Беларуси процесс институционализации политологии в столичных и региональных вузах протекал неравномерно и противоречиво. Преподаватели перманентно сталкивались с «технократическими препонами», ограничением объема аудиторных часов, непризнанием статуса политологии как автономной и профессиональной науки, попытками вытеснения ее на периферию гуманитарного образования.

В этих условиях внимание научного сообщества и руководства вузов фокусировалось на *насуточных теоретических и методических проблемах*:

- внедрении образовательных стандартов по политологии и другим социально-гуманитарным дисциплинам как стратегических нормативно-ценностных ориентиров в преподавании;
- «легитимации» верифицированных учебных программ, задающих алгоритм базовому политическому образованию и гражданскому воспитанию студентов, созвучный достижениям политической науки, запросам эпохи и реформируемого общества;
- укреплении «социализирующего» потенциала учебной литературы;
- разработке инновационных технологий политического образования и формирования личности с демократическим менталитетом.

Эмпирическим базисом исследования уровня концептуально-методического обеспечения политической социализации студентов послужили государственные образовательные стандарты Беларуси и России, опубликованные в форме брошюр, научные статьи и дискуссии, учебные программы вузов. Авторы проанализировали более 200 учебников и учебных пособий, 125 тематических сборников, журнальных статей и полемических материалов. Изучили направления деятельности специализированных и «интегрированных» кафедр белорусских и российских вузов (по выступлениям их представителей на конференциях, совещаниях, конгрессах, в периодических изданиях). Изучена практика (по публикациям) подготовки профессиональных политологов на отделении юридического факультета БГУ, факультетов политологии МГИМО (У) МИД России, РАГС при Правительстве Российской Федерации. Осмыслено влияние на преподавание политологии Российской ассоциации политической науки и Белорусской ассоциации политических наук, Академии политической науки России и Академии политических наук Беларуси. В органическом единстве применялись методы количественного и качественного политологического анализа, институциональный, системный, сравнительный, нормативно-ценностный, социологический, психологический.

Опыт преподавания политологии (и других общественных наук) вызвал потребность в *государственном регулировании* этого процесса посредством легитимных норм. Обнаружились несоответствия и негативные тенденции в содержании социально-гуманитарного образования, формировании мировоззрения, ценностных установок, гражданской позиции студентов.

Система общественных наук оказались в состоянии кризиса: искусственное видоизменение прежних и спонтанное введение новых учебных курсов; поспешное заим-

ствование западных образовательных стандартов, теорий и концепций; недоверие к гуманитариям со стороны представителей естественных и технических наук; произвольное сокращение руководством вузов и факультетов объема часов на изучение наук об обществе и человеке. Политология преподавалась на факультативных началах. Преподаватели дисциплины руководствовались различными по структуре, проблематике и качеству учебными программами, что нередко оборачивалось упрощенчеством, мировоззренческой размытостью содержания обучения, «марксистско-ленинскими рецидивами» в методике, недовольством студентов. Ощущался острый дефицит в учебной литературе, отвечающей запросам времени и переходного общества и соответствующий достижениям политической науки.

Обострились проблемы междисциплинарного и методологического характера. Демократизация общества, устранение цензуры и «идеологических запретов» по-разному сказывались на профессиональной свободе и ответственности политологов – бывших советских обществоведов. Часть их плодотворно занималась переквалификацией, политическим самообразованием, творческим усвоением теоретического наследия европейской науки о политике, поиском инновационных методов демократического обучения и воспитания личности в реформируемом обществе. Другая же часть кадров неохотно «расставалась» с советскими принципами, догмами и стереотипами, не проявляла инициативы в освоении новых курсов, что *тормозило процесс становления политологии*, не способствовало укреплению авторитета научных знаний о политике в общественном сознании и властных структурах.

Указанные обстоятельства побудили институты государственной власти Беларуси и исследователей к разработке и реализации *неотложных мер* по повышению роли общественных наук в условиях социально-политической модернизации. Проблемы и задачи в этой сфере обсуждались на республиканском совещании ученых-обществоведов 20 ноября 1998 г. с участием Главы государства [2, с. 174].

Совещание ускорило концептуально-методическую разработку государственных стандартов (норм) по циклу социально-гуманитарных дисциплин, идея которых продолжительное время дискутировалась и нединамично претворялась в жизнь.

В 1998 г. Республиканский институт высшей школы Белорусского государственного университета завершил подготовку проектной версии стандарта и осуществил ее экспертную апробацию. Каждый заинтересованный имел возможность внести научно обоснованные предложения по совершенствованию предложенных рабочей группой нормативных требований по циклу социально-гуманитарных дисциплин, включая и политологию [3, с. 20].

Проект был доработан с учетом замечаний, предложений и пожеланий научно-педагогической общественности, утвержден и введен в действие в качестве руководящего документа Республики Беларусь 6 июля 1999 г. [4, с. 28].

Стандарт регламентировал объем, состав, структуру и обязательный минимум содержания цикла социально-гуманитарных дисциплин, требования к знаниям и умениям выпускников высших учебных заведений.

Минимум содержания образовательных программ в настоящее время определяется верифицированными «индикаторами» стандарта – дидактическими единицами: *ключевыми разделами, темами, понятиями, теоретическими и прикладными проблемами науки*. В нормативном документе они сгруппированы в концептуально-логические блоки, которые взаимосвязаны и предусматривают возможность свободной корректировки преподавателем содержания образовательного процесса при условии, если она не нарушает структурно-логических алгоритмов, предусмотренных для специальности соответствующего профиля.

Такой минимум определен стандартом и для политологии. Он ограничен рамка-

ми пяти концептуально-логических блоков-разделов: политология как наука и учебная дисциплина; политическая система и институты власти; политические процессы; политическая культура и идеология; международные отношения и внешняя политика [4, с. 21].

Политология включена в «блок» социально-гуманитарных дисциплин, обязательных для изучения студентами всех вузов страны. Предусмотрено ее преподавание в объеме 70 аудиторных часов [4, с. 4]. Стандарт содержит ответы на вопросы: Что студент обязан знать? Какие явления и процессы должен уметь анализировать и самостоятельно оценивать? Какие навыки надлежит приобрести выпускнику вуза, независимо от профиля его специальности? [4, с. 9, 10].

Введение в действие стандарта оценивается нами как *принципиально-конструктивный акт, благоприятствующий политической социализации студентов, становлению и развитию политологии в качестве автономной, самодостаточной, профессиональной дисциплины в структуре социально-гуманитарных наук, изучаемых в высшей школе.*

На основе концептуально-методических критериев стандарта 24 января 2000 г. была утверждена Министерством образования *базовая учебная программа* по политологии для вузов [5, с. 24]. Она явилась итогом достигнутого консенсуса, интенсивных дискуссий творческого коллектива ведущих политологов страны и качественно отличалась от программы 1995 г. [6, с. 34].

Введение в действие учебной программы, разработанной в соответствии с государственным стандартом, внесло инновационные начала в политическую социализацию студентов, *«прервало» кризисные тенденции в становлении политологии как учебной дисциплины.*

Нормативный документ заострил внимание преподавателей-политологов на концептуально-методическом переосмыслении вузовских учебных программ, содержания лекций и семинаров, мировоззренческих параметров познавательного-воспитательного процесса, на преодолении явлений субъективизма и упрощенчества в образовательной практике. Документ послужил методологическим «импульсом» к подготовке учебников и учебных пособий «новой волны».

В этом убеждает сравнительный анализ учебных программ вузов, составленных в 1990-х г. и скорректированных после введения в действие образовательного стандарта. Их теоретический, методологический и методический уровень заметно повысился, что позитивно отразилось на познавательном-воспитательном потенциале преподавания политологии.

Так, программа по политологии для студентов Белорусского государственного университета культуры [7, с. 25] была утверждена Учебно-методическим советом вуза 27 октября 1999 г., т.е. раньше «легитимации» базовой учебной программы. Но ее содержание не только не противоречит программе, утвержденной Министерством образования 24 января 2000 г., но и гармонично согласуется с ее концепцией. Это говорит о продуманности и регулятивной значимости государственного образовательного стандарта как нормативного документа для вузов страны.

В качестве эмпирической иллюстрации (а возможно, и образца, заслуживающего популяризации и подражания) можно привести также *Рабочую программу по политологии*, регламентирующую образовательно-воспитательную деятельность в частном образовательном учреждении – Минском институте управления. Ее составители, по мнению исследователя, профессионально воспользовались возможностью свободной и рациональной корректировки концептуально-логических блоков дисциплины, не нарушив закрепленных государственным стандартом норм [8, с. 115].

Задача государственной стандартизации социально-гуманитарного и политического образования была и остается актуальной и для вузов России [8, с. 115]. Между

тем идея стандартов воспринималась в среде ученых-гуманитариев *неоднозначно*. Одни идентифицировали ее с «идеологизацией» советской эпохи, авторитарным управлением образованием. Другие ратовали за компромиссные ценностные критерии относительно структуры, содержания, проблематики, методики преподавания политологии, общих требований к знаниям, умениям и практическим навыкам студентов.

Зарождающиеся структуры гражданского общества своевременно обнаружили негативные тенденции и предприняли полезные шаги по их нейтрализации и преодолению, сплочению корпорации политологов. В этом смысле показательны инициативы редакции журнала «Полис». На его страницах регулярно стали помещаться публикации, адресованные профессионалам. Был создан общественный совет «Центра содействия развитию политической науки». Вошли в практику заочные «круглые столы», анкетирование гуманитариев, конференции, дискуссии, семинары по конкретным концептуально-методическим вопросам. Редакция организовала выпуск альманаха «Космополис», а в 1999 г. выпустила содержательный тематический сборник «Университетская политология России» [9, с. 215].

Неудовлетворительное качество, аморфность методологического потенциала отечественной политологии, отождествляемое интеллектуалами-пессимистами с «катастрофой» для политической социализации студентов в переходном обществе, вызвало потребность в коллективном обсуждении необходимости и содержания государственного образовательного стандарта по социально-гуманитарным дисциплинам [10, с. 138–140].

Государственный стандарт начал поэтапно вводиться в России в начале 1990-х г. Он предусматривал *обязательное* изучение политологии в комплексе с другими социально-гуманитарными дисциплинами. Минимум содержания образовательной программы регламентировался ключевыми разделами, темами, проблемами, понятиями. Но эти «дидактические единицы» не были объединены в концептуально-логические, взаимосвязанные, взаимодействующие блоки [11, с. 199–206].

По мере накопления опыта осуществлялась корректировка стандарта по политологии. В 2000 г. по инициативе Министерства образования принята к руководству его обновленная версия. Преподаватели выявили *существенную негативную сторону* обновленного документа. Суть ее в том, что стандарт рекомендует изучение в университетах и институтах лишь трех-четырех общественных дисциплин, а остальные, в том числе и политология, переведены в разряд предметов «факультативных».

Новая концептуально-методическая версия стандарта, как показало изучение мнения российских политологов, не разрешила «старых» проблем: дискомфорта и скепсиса в преподавательской среде. Политология попала в перечень социально-гуманитарных дисциплин «по выбору» со всеми вытекающими последствиями [12, с. 127, 134–140].

В свою очередь, государственный стандарт профессионального образования по политологии (1994–1995 гг.) и его обновленная версия 2000 г. создали условия для качественного преподавания и усвоения студентами политической науки [13, с. 52].

Политическое образование студенческой молодежи разворачивалось в условиях *неудовлетворенного спроса на учебную литературу*. Ощущался острый дефицит изданий, отвечающих запросам своей структурой, содержанием, методологией, доступностью изложения, что свидетельствовало о негативных тенденциях в политической социализации студентов. Этот нелюбимый вывод озвучивали участники дискуссий и семинаров по проблемам преподавания политических наук в России. Их мнение о неадекватном теоретико-методологическом уровне учебной литературы «первой волны» (1990-е гг.) не вызывает сомнений. Отмеченные недостатки, как мы полагаем, явились неизбежными на исходном рубеже противоречивого процесса самоутверждения политологии в России и других переходных обществах.

Именно на этом этапе российскими издательствами были выпущены около 50 учебников и сотни учебных пособий [14, с. 172–178], не отличающихся профессионально выверенной рефлексией по вопросам структуризации и методологии политологического знания, популяризации западных концепций, теорий, парадигм и методик.

К 1997 г. положение с литературой улучшилось, но по-прежнему оставалось невысоким ее качество. С учетом этого обстоятельства редакция журнала «Полис» по заказу Института «Открытое общество» провела социологическое исследование теоретических и методических проблем политологической социализации студентов вузов.

В анкетном опросе участвовало 157 преподавателей и научных руководителей аспирантов. Им было предложено оценить популярность 16 книг по трем сравнительным критериям: соответствие проблематики достижениям мировой науки; продуктивность используемой авторами методологии интерпретации явлений и процессов; полезность для студентов и преподавателей. Обработку эмпирических данных осуществили социологи МГУ [15, с. 168].

Пособие В.П. Пугачева и А.И. Соловьева заняло первое место [15, с. 178]. Книга выдержала к тому времени два издания. Ее охотно использовали и преподаватели Беларуси [16, с. 66–102]. Однако в целом же учебная литература 1990-х гг. не отличалась желаемыми теоретико-методологическими достоинствами. Обнаружив это явление, редакция журнала «Полис» создала группу библиографических обзоров. В нее вошли профессор М.В. Ильин, А.И. Соловьев, А.Ю. Мельвиль, М.М. Лебедева, доцент А.А. Дегтярев, шеф-редактор «Полиса» Т.В. Шмачкова [14, с. 168]. Эксперты пришли к выводу, что развитие отечественной политологии сдерживается книгами низкого качества, а литература хорошего уровня нередко «дискриминируется» мизерными тиражами и неумелой рекламой.

Эксперты указали на типичные недостатки пособий, в том числе и тех, которые заняли стабильную «нишу» на читательском рынке. Особо подчеркивалась мысль: пособия не отличаются тонкой рефлексией в вопросах структуризации политологического знания, методологических (парадигматических) подходов, строгого отделения собственно политической науки от других дисциплин общественного цикла [14, с. 169].

Мнение экспертов о качестве учебной литературы «первой волны» (1990-е гг.) не вызывает сомнений. Отмеченные недостатки, как мы полагаем, *явились неизбежными на исходном рубеже противоречивого процесса самоутверждения политологии в России, Беларуси и других переходных обществах*. Авторы изданий ускоренными темпами осмысливали опыт мировой политической науки (поскольку советская правящая элита препятствовала его усвоению профессионалами) и стремились донести его студенческой молодежи. Это был *закономерный* этап «самообразования политических коммуникаторов», их профессионального становления и самостоятельного преодоления «болезней роста». Его «издержки» – нетворческое заимствование западных концепций и стандартов, комплиментарные оценки сочинений европейских и американских политологов и представление их идей в качестве «истины в последней инстанции», «наследственная» зависимость от коммунистических идеологий и штампов. Его стратегия состояла в *форсированном* овладении достижениями мировой политической теории и практики, решении неотложных «просветительских» задач, направленных на формирование демократической культуры студенческой молодежи.

Свой вклад в удовлетворение спроса студентов на учебную литературу по политологии внесли ученые Беларуси. В 1995 г. был издан курс лекций преподавателей Белорусского государственного экономического университета [17, с. 352]. Его авторы предприняли попытку систематизированного изложения предмета политологии, ее разделов, тем и проблем, некоторых концепций и теорий.

В 1996 г. вышел в свет учебник профессора В.А. Мельника, удостоенный грифа

Министерства образования и науки [18, с. 479]. Он выдержал четыре издания и до настоящего времени не претерпел качественной трансформации. Поэтому его структура и содержание, теоретический и методический уровень позволяют оценить опыт преподавания учебной дисциплины не только на исходной стадии ее становления в вузах, но и в 1990-е гг., вплоть до утверждения государственного образовательного стандарта и «базовой» учебной программы.

В политической социализации студентов используются оперативно издаваемые в вузах Беларуси и России индивидуальные и коллективные методические пособия. В условиях неудовлетворенного спроса на политическую литературу в первой половине 1990-х гг. их разработки явились важным подспорьем в политическом образовании и воспитании, хотя и несли на себе «печать» неуверенного профессионального становления и освоения мировой политической науки.

Примерно с 2000 г. в России появляется учебная литература «второй волны», отличающаяся более взвешенным и основательным «проникновением» в общетеоретические и прикладные аспекты политики, достижения мировой науки о политике.

В этом большом массиве литературы выделяются издания, адресованные студентам всех юридических, экономических, технических вузов, обучающимся по специальности «Политология». Они существенно различаются как структурой, так и содержанием, видением и интерпретацией актуальных политологических проблем, междисциплинарных взаимосвязей в социально-гуманитарных науках. Их анализ свидетельствует о том, что российское политологическое сообщество все еще *не самоопределилось* в вопросах «чему учить» и «как обучать», неоднозначно воспринимает требования Государственного образовательного стандарта 2000 г. [13, с. 52]. Стало быть, есть необходимость в более четкой стандартизации, структуризации преподавания базового курса политологии в вузах различного профиля.

Из предисловий абсолютного большинства российских учебников неясно, в каком объеме преподается курс политологии, является он обязательным или факультативным, какой учебной программой руководствуются авторы и насколько она отвечает концептуально-дидактическим единицам государственного стандарта, какие методы применяются на занятиях и как контролируется самостоятельное политическое образование студентов. Исключение, пожалуй, составляют два учебника, подготовленные коллективом политологов МГИМО–Университета МИД России под руководством профессора А.Ю. Мельвиля.

К литературе «второй волны» в Беларуси следует отнести учебники и учебные пособия с государственным грифом. Их отличие от других изданий – строгое соответствие структуры и содержания образовательному стандарту и базовой учебной программе по политологии.

Более шести лет используется студентами учебник по политологии, подготовленный коллективом преподавателей Белорусского государственного университета под руководством профессора С.В. Решетникова. Его отличие от изданий 1990-х гг. в том, что авторы, следуя установленным «правилам игры» (стандарту), впервые предложили студенту четко структурированный лекционный курс. Разделы учебника содержат многословную, доступную для восприятия информацию теоретико-методологического и эмпирического характера. Его проблемно-тематический диапазон ограничен приемлемым для студента объемом лекций, согласован с «базовой» учебной программой, хотя в методическом плане нуждается в дополнениях и изменениях.

К литературе «второй» волны, бесспорно, относятся учебно-методические комплексы по политологии. Экспериментальный опыт позволяет утверждать, что инновационный ресурс, материализованный в таких комплексах, стимулирует процесс политической социализации студентов, формирует творческую, благоприятную для диалога

и коллективного поиска истины образовательную среду, обогащает ценностное содержание усваиваемой студентами политической культуры, указывает перспективы развития политической дидактики в начале наступившего века. По нашему убеждению, профессионально разработанный комплекс представляет собой ничем не заменимый *интерактивный механизм политической социализации студентов, демократического контроля процесса усвоения политических знаний, умений и навыков*.

В 2003 г. издательство «Аверсэв» выпустило учебно-методический комплекс, апробированный в Белорусском государственном университете культуры и Минском институте управления [19, с. 463]. Он получил положительную оценку в педагогической и студенческой среде. Его новизна заключается в том, что в нем представлены авторские лекции в конспективном, тезисном изложении по всем разделам и темам базовой учебной программы, а также методические, информационно-аналитические, справочные, наглядно-графические материалы, стимулирующие творческое усвоение демократической политической культуры.

Концептуально-методическое значение для политической социализации студентов имеет учебная литература по *сравнительной политологии*. В настоящее время учебные курсы по этой дисциплине преподаются на политологических факультетах российских вузов. Первая кафедра сравнительной политологии возникла в МГИМО–Университете МИД России в 1998 г.

В конце 1990-х г. в вузах России введен обязательный для студентов, обучающихся по специальности «Политология», курс *политической психологии*. Но процесс ее становления как дисциплины продолжается. И хотя еще не «стабилизировалась» ее проблематика (преподаватели руководствуются примерным учебным планом), уже появилась литература, адресованная студентам. В числе авторов – Г.Г. Дилигенский, Д.Я. Райгородский, А.М. Юрьев, Л.Я. Гозман, Е.Б. Шестопап.

Автор первого учебника с грифом Министерства образования Российской Федерации – профессор Е.Б. Шестопап [20, с. 448].

В некоторых вузах России студенты изучают курс политического менеджмента. Учебные пособия, подготовленные с учетом опыта преподавания, пока что не отличаются должной теоретической и методической обстоятельностью, лаконичностью и академической ясностью изложения материала, что негативно отражается на политической социализации студентов.

Подводя итог образу концептуально-методического обеспечения политической социализации студентов посредством учебной литературы по политологии, уместно сформулировать некоторые выводы общего характера.

Проблема обогащения «методологических ресурсов» и содержания учебников, пособий, справочников, словарей остается актуальной и требует решения. Контент-анализ более 100 учебников и учебных пособий, изданных в России и Беларуси в 1991–2005 гг., а также изучение публикаций, материалов бесед и дискуссий о проблемах преподавания политологии в редколлегии «журнала Полис» дают основание сформулировать *обобщающие выводы методологического и методического характера*.

Стиль изложения материала (логика, язык, аргументация, композиция) некоторых учебных изданий не отвечает запросам студентов. Им свойствен эклектизм, противоречивость и фрагментарность оценок действительности, расплывчатость понятий. Превалирует увлеченность авторов *теоретическими вопросами* и *недооценка прикладных политологических проблем*, что не позволяет уяснить практический смысл знаний о политике, их актуальность для переходного общества. Существенные недостатки абстрактность, логическая незавершенность, чрезмерная увлеченность устаревшими, сомнительными или дискуссионными концептами, методическое несоответствие, отсут-

стве новизны, дефицит эмпирической информации и профессиональных суждений о реальных политических процессах переходного периода.

Разноплановая архитектура и содержание учебных изданий, которые представлены авторами в библиографическом списке. По-своему истолковывая требования государственного стандарта, многие авторы произвольно структурируют учебный курс (определяют разделы, темы, проблемы, понятия, персоналии), что нарушает его целостность и подрывает интерес к нему студентов.

В предисловии отдельных изданий нет вразумительных объяснений, какой конкретно аудитории адресуется курс, в каком объеме преподается, какие методы занятий используются, не приводится учебная программа, не указывается новизна, отсутствуют другие принципиально важные с методической точки зрения сведения.

Методическое «наполнение» учебников и пособий, как правило, ограничено изложением вопросов для самоконтроля, тематики рефератов и рекомендуемой к изучению литературы. В них нет обстоятельных методических разработок и приложений, остро необходимых для качественного политического образования студентов, организации самостоятельной работы и рациональной подготовки к аттестации. Такая литература не стимулирует продуктивной политической социализации личности.

Слабое методологическое «звено» – категории науки, рекомендуемые к усвоению. Их «набор», не регулируемый государственным стандартом, определяется авторами «по личному усмотрению». Оборачивается это тем, что в одних изданиях приводится краткий политологический словарь, в других его нет. Понятия в текстах лекций формулируются нечетко, нетщательно выверяются достижениям политологии. Этот *нонсенс политической социализации* резко снижает научно-познавательный потенциал изданий и научной дисциплины. Нет также ясности в трактовках методологии политической науки: концепций, теорий, парадигм.

Почему-то не принято авторами за правило сопровождать лекции краткими «вставками» о генезисе категорий, ярких явлениях политической истории, сведениями о зарубежных и отечественных политологах, их конкретном вкладе в развитие теоретических и прикладных знаний о политике. Исключение составляют единичные издания.

Примечательно, что этот недостаток замечен авторитетными профессионалами и, надеемся, будет устранен в литературе нового поколения. Представляет интерес в этой связи инициатива коллектива авторов, подготовившего учебники *«Категории политической науки»* и *«Мир политической науки»*. В тексте лекций содержатся информационно-аналитические «вставки». Они объясняют смысл категорий, их происхождение, интерпретируют и комментируют сложные для понимания положения и выводы политической теории. Полагаем, что этот инновационный опыт заслуживает популяризации и активного применения.

В текстах лекций и приложениях к ним редко встречаются наглядно-графические материалы, а представленные в «автономных» изданиях практически не используются студентами, потому что не отличаются точностью и ясностью структуризации, громоздки, негармонично согласуются с концептуально-дидактическими единицами государственных стандартов.

Не все опубликованные тексты лекций отличаются обстоятельностью, творческой скрупулезностью. Они не свободны от поверхностных оценок достижений и проблем *современной политической науки*, действительности в переходных и европейских обществах. В них не просматривается авторская критически-творческая позиция по отношению к упоминаемым и пропагандируемым теориям и концепциям. Это не на пользу учебно-воспитательному процессу в вузе, не укрепляет доверие к содержанию и методологии политической науки.

Преобразования в России и Беларуси являются сегодня объектом все более пристального внимания политологов, государственных и независимых исследовательских структур. Однако в учебниках и пособиях, предлагаемых студентам гуманитарных, естественнонаучных, технических вузов, недостаточно информации из области прикладного политического анализа, оценок преимуществ и особенностей прогрессивных политических технологий, современных компаративистских исследований. Это искусственно сужает «горизонты» политической социализации студентов, познания политики как «инструмента» рационализации, качественного переустройства общественных отношений на демократических принципах.

Несмело и неполно используются в практике преподавания *тесты* различных уровней сложности, отражающие динамизм теоретических положений и выводов политологии, ее категорий и закономерностей, плюрализм мнений о политике, множественность возможных вариантов ответов на сложные и дискуссионные вопросы науки. Иногда тесты отождествляются с традиционными контрольными вопросами. В разработке тестов по всем разделам и темам дисциплины сделаны лишь первые шаги. Системную их версию впервые представил белорусский профессор П.И. Бондарь в издании 2001 г. [21, с. 176].

Однозначно перспективным, *качественно новым* начинанием с точки зрения политической социализации студентов является, по нашему мнению, ориентация Министерства образования Республики Беларусь на разработку и внедрение *учебно-методических комплексов* по циклу преподаваемых в вузах социально-гуманитарных дисциплин.

Авторы считают необходимым изложить свое видение *концептуально-методической составляющей комплекса по политологии*, сформулировать общезначимые выводы относительно его целей, задач, принципов, структуры и содержания.

Ключевыми звеньями *инновационной концепции* (интерактивной модели) научно-методического обеспечения политологического образования в вузе, как убеждает в этом практика социализации студентов, являются:

- 1) подготовка и издание авторских тезисов лекций по всем темам и разделам курса в соответствии с новейшими достижениями политической науки, требованиями общественной практики, государственных стандартов и базовой учебной программы;
- 2) разработка авторского пакета информационно-аналитических материалов (политологического словаря, кратких сведений о творчестве авторитетных мыслителей прошлого и современных политологов, исходной информации для дискуссий и др.);
- 3) составление авторского политологического практикума для закрепления знаний, навыков и умений по всем разделам дисциплины, а также методических рекомендаций студенту по организации политического самообразования;
- 4) производство и непрерывное обновление тестов (разнообразных по структуре, содержанию, сложности) для оценки качества политического образования и воспитания студентов (приемлемых для устного, письменного и компьютерного опроса);
- 5) четкое определение «категориального поля» дисциплины и профессиональная интерпретация понятий, гарантирующая усвоение их смысла студентами;
- 6) внедрение индивидуальных заданий для промежуточного зачета, «универсализацию» и непрерывное обновление с учетом новейших достижений политической науки контрольных вопросов к экзамену и тематики контрольных работ;
- 7) планомерное ознакомление студентов дневной формы обучения с методами прикладного политического анализа, целенаправленное приобщение их к самостоятельному познанию политических явлений и процессов;

8) расширение границ самостоятельного изучения студентами классических произведений, публикаций современных отечественных и европейских политологов, периодических изданий и нормативных правовых актов;

9) участие каждого преподавателя политологии в проектах и программах исследований политических процессов в «переходных» обществах и целенаправленное использование их результатов в учебно-воспитательной деятельности;

10) систематическое использование на лекциях и семинарах авторского пакета наглядно-графических и видеоматериалов, компьютерных технологий; представление студентам логически взаимосвязанной текстовой и мультимедийной информации;

11) регулярная индивидуальная помощь студентам в овладении современными методами организации самостоятельной политико-познавательной деятельности, анализа политической действительности.

Механизм реализации предложенной модели – учебно-методические комплексы по политологии. Их можно назвать универсальным инструментом регулирования и контроля результатов политической социализации студентов каждого вуза.

Создание и применение комплексов – веление времени. Они открывают новую страницу в концептуально-методическом обеспечении политической социализации личности в высшем учебном заведении. Экспериментальный опыт позволяет утверждать, что инновационный ресурс, материализованный в комплексах, формирует творческую, благоприятную для диалога и коллективного поиска истины образовательную среду, обогащает ценностное содержание усваиваемой студентами политической культуры, указывает перспективы политической социализации личности в переходном обществе. По нашему убеждению, профессионально разработанный комплекс представляет собой ничем не заменимый *интерактивный механизм* повышения качества усвоения личностью политической науки, демократического контроля содержания знаний, умений и навыков. Его главная особенность – *системное* сочетание и взаимодействие в образовательном процессе традиционных и инновационных методов обучения, обеспечивающих свободные, мобильные и устойчивые «обратные связи» между педагогом и учащимся, творческое, продуктивное влияние на сознание и поведение студента.

Критерии полноценного учебно-методического комплекса:

1) строгое соответствие структуры и содержания требованиям государственного образовательного стандарта и базовой (утвержденной Министерством образования) учебной программы по политологии;

2) новизна и экспериментальная проверка предлагаемых методов обучения;

3) демократический образовательный и воспитательный потенциал;

4) наличие совокупности (ансамбля) научно-методических материалов: тезисов авторских лекций по всем разделам и темам образовательной программы; методических, информационно-аналитических, справочных, наглядно-графических разработок и др.;

5) адекватность теоретико-методологического уровня и проблематики достижениям мировой политической науки;

6) потенциальная возможность использования в учебном процессе информационно-коммуникативных технологий.

Сердцевину комплекса должен составлять *научно-методический компонент*, разработанный преподавателем на основе инноваций в области информационно-коммуникативных технологий и политической дидактики, включающий лекции (в развернутом, конспективном, тезисном изложении), программу учебного курса и семинарских занятий, политологический практикум по каждому разделу дисциплины, теоретические и прикладные проблемы для дискуссии; совокупность тестов различных уровней сложности, политологический словарь, интерпретации и комментарии, аналитическую информацию о персоналиях науки, наглядно-графические материалы, индивиду-

альные задания для промежуточного зачета, контрольные вопросы к экзамену, тексты политических источников (хрестоматия), методические рекомендации (приложения) преподавателю.

Неотъемлемой составляющей комплекса является *идейно-воспитательный, мировоззренческий* компонент. Он коренится в интерактивной парадигме преподавания политологии, укрепляющей статус общественного, гражданского воспитания в вузе. Новизна парадигмы заключена:

- в ценностной ориентации на формирование демократической политической культуры личности;
- в системе инновационных методов, стимулирующих развитие политико-нравственных качеств и творческого потенциала выпускника вуза;
- в демократическом стиле организации и регулирования учебно-воспитательного процесса, отношений между педагогами и учащимися;
- в личностной, индивидуальной направленности политической дидактики;
- в повышении профессиональной и моральной ответственности педагогов за политико-образовательные результаты и воспитательные последствия обучения.

Органичная составляющая комплекса и неременное условие его эффективного использования – *научно-исследовательский компонент как имманентное начало политической социализации студентов*.

Комплекс должен содержать в себе новейшие достижения мировой науки и свидетельствовать о критически-творческом отношении к ним преподавателя, его профессиональном мастерстве и научном, потенциале вдумчивого, скрупулезного, не ангажированного исследователя.

Преподавание политологии, чтобы быть успешным, с необходимостью предполагает развитие творческого мышления студентов независимо от специализации, привитие им навыков и умений свободной мировоззренческой ориентации в расширяющемся информационном пространстве политики, самостоятельного поиска истины, критического анализа социально-политических реалий. «Инструменты» решения этой задачи – разработка и применение инновационных методов, развивающих творческие способности личности, качественное обучение, предполагающее активное вовлечение каждого субъекта политического образования в исследовательский процесс.

В ходе подготовки, обсуждения, рецензирования, верификации и внедрения комплекса по политологии (и это подтверждает проведенный нами эксперимент) нельзя недооценивать значения *организационно-методического компонента*.

Не последнюю роль здесь играет атмосфера, в которой осуществляется инновационный проект. Ее негативное состояние может быть обусловлено дефицитом творчества и неприятием нововведений в среде политологов.

К организационно-методическому компоненту комплекса по политологии следует отнести и реальные возможности осуществления инновационных идей и экспериментов с помощью *современных информационно-коммуникативных технологий*.

С организационно-методической и моральной точки зрения, недопустимо жесткое, *авторитарное регулирование творческого процесса* [22, с. 55] по подготовке индивидуальных и коллективных комплексов, воплощающих в себе новейшие достижения политической науки и педагогической практики.

Наши концептуальные представления о *целях, задачах, критериях полезности и ценностных компонентах* учебно-методического комплекса по политологии как механизма политической социализации студентов будут незавершенными, если мы не дополним их теоретическими выводами и положениями о *структуре и содержании нововведения*, еще не подвергавшегося научному анализу.

Каков оптимальный вариант комплекса по базовому курсу политологии в структурном и содержательном измерении?

На поставленный вопрос нет однозначного ответа в среде политологов Беларуси и России. Мы не располагаем научными публикациями, материалами дискуссий, которые были посвящены исключительно актуальной проблеме, волнующей профессионалов. Дефицит эмпирической информации вынуждает опираться на личный опыт подготовки и апробации комплекса с грифом Министерства образования, изданного издательством «Аверсэв» в 2003 г. тиражом шесть тысяч экземпляров. По этой причине наши *теоретические, концептуальные* суждения и выводы не претендуют на «абсолютную истину» и «универсальность». Они могут быть уточнены, обогащены или опровергнуты специалистами.

Вывод первый. Комплекс радикально отличается своей архитектурой (структурой и содержанием) от традиционных учебников и пособий. Потребность в таких изданиях назрела: студенты заинтересованы в системных, компактных (небольших по объему), емких по содержанию и методической оснащенности изданиях.

Вывод второй. Авторские лекции желательно представлять в тезисной, конспективной форме.

Один из ключевых показателей научной и практической актуальности лекций – свободный системный анализ трансформационных процессов в Беларуси и России на основе методологии политической науки.

Каждая лекция предполагает использование инновационных методов и приемов «преподнесения» аудитории положений и идей политической науки. Без этого невозможны убедительность аргументации, доступность интерпретаций, структурированность, информативность, четкость выводов и рассуждений лектора, «обратные взаимосвязи», практически-прикладная направленность знаний и другие показатели качества и эффективности преподавания. Лектор не вправе «уходить» от объяснения «неудобных», сложных, недостаточно изученных или дискуссионных вопросов теоретического, методологического и прикладного характера.

Научная, педагогическая и гражданская позиция преподавателя неизбежно проявляется и в отношении к идеологии современного национального государства. Проблемы взаимосвязей политической науки и идеологии требуют компетентной, неангажированной интерпретации, убедительного разъяснения в разделах, посвященных государственному строительству, политическим институтам, политической элите, избирательной системе, средствам массовой коммуникации, политической модернизации, социализации и культуре, приоритетам внешней политики.

Вывод третий. Задача комплекса – ориентация студентов на использование в политико-образовательном процессе совокупности интерактивных методов, развивающих критически-творческое мышление, укрепляющих инновационный потенциал лекций и семинарских занятий, самостоятельной учебно-познавательной деятельности, политической социализации.

Вывод четвертый. Творческое усвоение студентами политических знаний, навыков и умений немислимо без целенаправленного самообразования под руководством преподавателя. С учетом этого обстоятельства целесообразно использовать преимущества политологического практикума (системы упражнений) для закрепления знаний по каждому разделу изучаемого курса.

Вывод пятый. Неотъемлемая составляющая инновационных технологий – тестирование. Дидактически верно составленные тесты, различные по сложности, содержанию и структуре, позволяют оценить качество политического образования и воспитания по взаимодополняемым показателям (индикаторам):

а) уровень усвоения предмета и категорий политологии как науки и учебной дисциплины, демократических политических ценностей;

б) степень понимания закономерностей, конкретных фактов, теорий, концепций и процедур, изучаемых политологией, а также ключевых проблем современной политической жизни;

в) умение объяснять политическую действительность, характеризовать и оценивать интересы, отношения, цели и действия субъектов политики, используя совокупность научных аргументов, положений и выводов;

г) способность применять политологические знания, навыки и умения, приобретенные в процессе изучения учебного курса политологии, в профессиональной деятельности, конкретных жизненных условиях и ситуациях.

Тесты, адресованные студентам, должны являть собой методический инструмент определения качества знаний, навыков и умений на трех уровнях: запоминание и воспроизведение политической информации; интерпретация, систематизация и анализ политических фактов, теорий, концепций, событий и процессов; практическое применение, творческое использование усвоенных ценностей политического образования [23, с. 7–9].

Непременное условие успешной политической социализации студентов, усвоения достижений политической науки – включение в их структуру упражнений на закрепление ключевых категорий (понятий).

Вывод шестой. Комплекс как механизм политической социализации студентов предполагает нетрадиционные подходы к выбору проблем для дискуссий, тематики исследований, наглядно-графическому, хрестоматийному компоненту, информационно-аналитическим «вставкам», интерпретациям, указателю имен, афоризмам и крылатыми изречениям, политологическому словарю, практикуму, контрольным вопросам и другим составляющим его элементам.

Подводя итог нашего исследования, еще раз подчеркнем: *учебно-методические комплексы по политологии – это тип учебной литературы нового поколения, обладающей неоспоримыми достоинствами, обогащающей процесс политической социализации студентов интерактивными методами регулятивного влияния на их сознание и поведение.*

Наши выводы и рекомендации, отражающие назревшую потребность в учебной литературе нового поколения, разумеется, не охватывают *всех проблем*, связанных с политической социализацией студентов. Изучение материалов упомянутых выше обсуждений и дискуссий, личных наблюдений, мнений белорусских и российских преподавателей высветило и другие направления творческого поиска *инновационных методов*. К ним следует отнести:

- 1) методы анализа качества преподавания;
- 2) методы создания дифференцированных политико-образовательных программ для гуманитарных, естественнонаучных и технических вузов;
- 3) методы разработки программ по профилирующим дисциплинам на факультетах и отделениях политологии;
- 4) методы упорядочения обучения, позволяющие студентам последовательно наращивать и синтезировать знания, развивать критическое мышление и исследовательские навыки, свободно аргументировать и компетентно защищать свои взгляды и убеждения;
- 5) методы контроля процессов в политико-образовательной среде;
- 6) методы системного применения в учебно-воспитательном процессе современных информационно-коммуникативных технологий и разработки соответствующего инструментария;
- 7) методы подготовки и повышения квалификации университетских преподавателей;

8) методы гражданского воспитания, стимулирования политической социализации на занятиях по политологии.

Нынешнее состояние политической социализации студентов далеко не в полной мере отвечает вызовам времени и запросам общественной трансформации. Ее исследование и концептуально-методическое обоснование является актуальной научной задачей. Авторы осознали эту закономерность и сочли уместным изложить своего верифицированную концепцию, а также указать направления дополнительных исследований в этой области познания, понимая их значимость для успешного завершения институционализации политологии в переходных обществах.

Анализ концептуально-методического компонента политической социализации студентов вузов убедил соискателей в происходящих качественных изменениях в этой области жизни переходных обществ.

Суть их выражается в совокупности индикаторов:

1) учебная дисциплина, несмотря на свой «отроческий возраст», утвердилась, стала неотъемлемым, относительно автономным элементом структуры общественных наук, изучаемых студентами гуманитарных, естественнонаучных и технических вузов;

2) в России функционирует разветвленная сеть специализированных институтов (кафедр, отделений, факультетов, ассоциаций, научных центров, фондов, семинаров и др.), активно воздействующих на политическую социализацию, реализацию исследовательских программ и проектов;

3) «конституированы» (узаконены властными органами государства) нормы (стандарты), регулирующие политико-образовательный процесс;

4) разработаны и верифицированы учебные планы и программы высших учебных заведений, задающие алгоритм политической социализации студентов;

5) подготовлены сотни учебников и учебно-методических пособий, свидетельствующих о профессиональном росте научно-педагогического сообщества и достигнутом уровне концептуально-методического обеспечения политического образования и воспитания студентов;

6) экспериментально апробируется механизм подготовки специалистов с высшим образованием в области политологии;

7) укрепляется привлекательный имидж политологии как научной и учебной дисциплины в студенческом сознании.

Негативные тенденции в политической социализации студентов проявляются в несовершенстве организационных форм, информационно-аналитического, методического и технического обеспечения, дефиците кадров с базовым политологическим образованием, учеными степенями и званиями, финансовых ресурсов для качественной подготовки и издания учебной литературы, разработки и внедрения новых технологий социализации личности. Этот вывод уместно дополнить и выявленными авторами *противоречиями*:

1) между объективной потребностью переходных обществ в демократической культуре и недооценкой властными институтами роли политологии и профессиональных политологов в социализации граждан;

2) между объективной заинтересованностью политологического сообщества в повышении своего статуса, профессиональной идентичности и реальными результатами в политической социализации: производством уникальных учебников, новаторских исследований в области методики преподавания дисциплины, приобщения молодежи к политическим ценностям.

Политология как инструмент политической социализации личности преодолела трудности первоначального этапа становления, недоверие к себе в условиях кризиса обществоведения в 1990-е гг. Ее нынешний теоретико-методологический, информационно-

аналитический и преобразовательный, воспитательно-мировоззренческий потенциал является важной предпосылкой дальнейшего динамичного развития и органичной интеграции в мировую политическую науку, успешной модернизации переходных обществ.

Ученые Беларуси и России постепенно *накапливают методологический опыт* познания политической действительности. Этот опыт пока небогат. Ощущается некритическое заимствование западных концепций, теорий и парадигм, дефицит фундаментальных, комплексных исследований политической жизни переходных обществ. Нет обобщающих работ, посвященных нынешнему состоянию методологии политического анализа, системной оценке ее достижений, недостатков, ключевых направлений и перспектив. Плюралистические мнения ученых России не сопровождаются «кристаллизацией» методологических подходов, конкретизирующих, обогащающих политическую теорию выводами и идеями универсального характера. В среде политологов *слабая методологическая рефлексия, не проявляется должный интерес к самостоятельной концептуализации* «переходных» политических явлений и процессов.

Фактически отсутствуют исследования, посвященные выявлению, обоснованию и описанию *закономерностей* трансформации политических систем и институтов переходного общества. По мнению авторов, это стимулирует всякого рода политические спекуляции по поводу характера преобразований в Беларуси, творческого поиска властными структурами Беларуси и России альтернативных моделей общественного устройства, отвечающих национальным интересам, принципам социальной справедливости [24, с. 38].

Произошли определенные качественные перемены в концептуально-методическом обеспечении политической социализации студентов вузов:

- 1) организована подготовка профессиональных политологов (преподавателей, исследователей, технологов, менеджеров);
- 2) введены в действие государственные образовательные стандарты по политологии;
- 3) разработаны, апробированы и утверждены «базовые» учебные программы, задающие алгоритм политической социализации личности;
- 4) создана и издана массовыми тиражами учебная литература;
- 5) началась апробация инновационных технологий формирования политической культуры студентов.

Наряду с этими успехами (позитивными тенденциями) авторами и негативные явления. Их совокупность послужила эмпирической основой обоснования *противоречия* в институционализации политологии как фактора политической социализации. Оно выражается в возрастающих потребностях реформируемого общества в полноценной социализации личности, демократической политической культуре студенческой молодежи и неадекватным их удовлетворением исследовательскими и педагогическими коллективами.

Корни противоречия – в деятельности агентов политической социализации, включая и органы государственного управления Беларуси и России. Невысок уровень информационно-методического и технического обеспечения социализации студентов. Ощущается дефицит *качественной* учебной литературы, несмотря на ее количественное «перепроизводство». Медленно внедряются в практику политического образования *инновационные методики*, современные информационно-коммуникативные технологии. В России базовый курс политологии преподается на факультативных началах.

В процессе исследования установлено, что мировоззренческий и воспитательный потенциал политической социализации студентов *несоответствен* с запросам и переходного общества и личности. Чтобы устранить это несоответствие, предстоит разрешить «проблемы эволюции» научно-педагогической корпорации и «проблемы властно-

регулятивные».

На преодоление «проблем эволюции» нацелена *инновационная концепция (модель)*, разработанная и апробированная авторами. Как показала верификация, модель способствует обновлению, повышению качества научно-методического обеспечения политической социализации в отечественных вузах.

Авторами предложен верифицированный *механизм* реализации предложенной концепции – *учебно-методические комплексы* по политологии.

Поворот отечественной политологии к назревшим задачам аналитического, информационно-методического обеспечения социализации студенческой молодежи *представляется знаменательным*, открывающим широкие перспективы более целеустремленного переустройства политических систем и общественных отношений в Беларуси и России на гуманистических началах.

«Проблемы властно-регулятивные» обусловлены недостаточно пристальным вниманием государственной власти к институционализации национальной политической науки, ее влиянию на формирование политической культуры граждан и специалистов с высшим образованием. В России политология преподается в вузах как факультативная дисциплина. Тенденция к «свертыванию» политического образования студентов обозначилась и в Беларуси. Только в трех государственных вузах функционируют *специализированные* кафедры политологии. Ни в одном вузе *нет* факультетов по подготовке преподавателей политологии, политологов-аналитиков и политтехнологов. Не гарантировано властью трудоустройство профессиональных политологов. Неприемлема существующая практика материального и морального *стимулирования* авторов инновационных научно-методических разработок. Задуманная в министерских кабинетах «реформа» социально-гуманитарных дисциплин фактически девальвирует нынешний статус политологии, может обернуться ликвидацией ее профессиональной автономии, «откатом» отечественного обществоведения к кризисному состоянию в начале 1990-х гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарь, П.И. Стать другими, не уходя от себя: «Новая» мифологизация сознания, или «Противоядие» духовной деградации / П.И. Бондарь, В.П. Величко // Беларусь. думка. – 1996. – № 11. – С. 42–51.
2. О развитии гуманитарных наук и повышении их роли в государственном строительстве. Материалы совещания в Нац. акад. наук Беларуси с ведущими учеными и преподавателями-обществоведами 20 ноября 1998 г. – Минск : Б. и., 1999. – 174 с.
3. Нормативные требования (стандарт) по циклу социально-гуманитарных дисциплин в системе высшего образования Республики Беларусь. – Минск : РИВШ БГУ, 1998. – 20 с.
4. Руководящий документ Республики Беларусь. Образовательный стандарт. Высшее образование. Цикл социально-гуманитарных дисциплин. – Минск : М-во образования Респ. Беларусь, 1999. – 28 с.
5. Политология : Учеб. программа для высш. учеб. завед. / А.В. Макаров [др.] – Минск : РИВШ БГУ, 2000. – 24 с.
6. Политология : Программа курса для студ. высш. учеб. завед. / А.В. Макаров, [др.] / М-во образования Респ. Беларусь. – Минск, 1995. – 34 с.
7. Политология : Программа для студ. / П.И. Бондарь, С.В. Решетников / Бел. ун-т культуры. – Минск, 1999. – 25 с.

8. Проблемы преподавания политических наук («круглый стол» СО АПН и НП «Редакция журнала «Полис» в Новосибирске) // Полис. – 1997. – №6. – С. 115–142.
9. Университетская политология России / Отв. ред. Л.А. Галкина, Т.В. Шмачкова. – М. : Полис, 1999. – 215 с.
10. Ирхин, Ю.В. Роль и место образовательных стандартов в совершенствовании преподавания политологии в современной России / Ю.В. Ирхин // Полис. – 2001. – № 5. – С. 138–140.
11. Макаров, А.В. Стандартизация социально-гуманитарного образования: сравнительный анализ (Беларусь – Россия) / А.В. Макаров // Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 1. – С. 198–206.
12. Современные проблемы преподавания политической науки в высшей школе : Материалы международной конференции // Полис. – 2001. – № 5. – С. 123–153.
13. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Специальность 020200 – Политология / М-во образования Российской Федерации. – М., 2000. – 52 с.
14. Учебники по политологии – старые недуги // Полис. – 1999. – № 2. – С. 168–178.
15. Шестопал, Е.Б., Некоторые проблемы политологического образования в высшей школе России / Е.Б. Шестопал, И.А. Климов, С.В. Нестерова // Полис. – 1997. – № 1. – С. 167–181.
16. Пугачев, В.П. Технологии скрытого управления в современной российской политике / В.П. Пугачев // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. – 2004. – № 3. – С. 66–102.
17. Политология : Курс лекций / В.А. Бобков, И.Н. Браим, А.Н. Егоров. – Минск : Интерпре, 2003. – 352 с.
18. Мельник, В.А. Политология : Учеб. для студентов вузов / В.А. Мельник. – 4-е изд., перераб. и доп. – Минск : Выш. школа, 2002. – 479 с.
19. Бондарь, П.И. Политология : учеб.-метод. комплекс / П.И. Бондарь, Ю.П. Бондарь. – Минск : Авэрсэв, 2003. – 463 с.
20. Шестопал, Е.Б. Политическая психология как область современного политологического знания: перспективы и векторы развития / Е.Б. Шестопал // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. – 2005. – № 1. – С. 49–58.
21. Бондарь, П.И. Тесты по политологии : Учеб. пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Ред. жур. «Адукацыя і выхаванне», 2001. – 176 с.
22. Учебно-методический комплекс дисциплины. Стандарт предприятия СТП МИУ 2.0.06-03. – Минск : Изд-во МИУ, 2003. – 55 с.
23. Ледаев, В.Г. О сущности оспариваемости политических понятий / В.Г. Ледаев // Полис. – 2003. – № 2. – С. 86–95.
24. Дербишайр, Д. Политические системы мира : В 2 т. / Д. Дербишайр, Я. Дербишайр. – Т. 1. – М. : Рипол Классик, 2004. – 512 с.

Bondar Y.P., Reshetnikov S.V. Political Socialization of the Students Conceptual Ensure

The article is devoted to the analysis of political socialization as the process by which students come to think. What they think about politics.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 06.05.2010

УДК 321(4-672ЕС) (043.3)

П.А. Морозов

ПОНЯТИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ НА ГОСУДАРСТВЕННОМ И НАДГОСУДАРСТВЕННОМ УРОВНЯХ (НА ПРИМЕРЕ ЕС)

В статье показаны различные подходы к понятию «эффективность» применительно к процессам управления на государственном и надгосударственном уровне. Предпринята попытка дать самостоятельное определение данному термину. Рассмотрены различные концепции определения эффективности межгосударственных организаций с точки зрения концепции политических сетей и теории организации. Проанализированы критерии, необходимые для принятия решения об эффективности институциональной системы Европейского союза. В качестве рекомендации выдвинуто предложение о необходимости выработки критериев определения эффективности деятельности системы государственного управления Республики Беларусь.

Введение

Проблема эффективности управления является одной из наиболее актуальных в политической науке. Развитие теории государственного управления и публичной политики привело к тому, что процессы управления стали все более активно исследоваться политологами с целью совершенствования управленческих процессов в интересах общественного блага. Ускорение темпов научно-технического развития, высокие социальные риски и социальная мобильность, нестабильность социальных связей, острая конкуренция как на внешнем, так и на внутреннем рынках, глобализация, постоянно растущая потребность в инновациях, являющиеся характерными чертами развития постиндустриального общества, существенно усиливают актуальность исследования проблемы эффективности.

Цель данной статьи – рассмотреть различные аспекты понимания проблематики эффективности государственного управления на государственном и надгосударственном уровнях.

В политологической науке термин «эффективность» используется широко: говорят об эффективности государственного управления, эффективности менеджмента, эффективном управлении. В последнее время стало почти обязательным при рассмотрении управленческой деятельности, государственной службы уделять внимание их эффективности. Вместе с тем, несмотря на масштабное изучение проблем управления, понятие эффективности управленческих процессов остается слабо проработанным теоретически. Термин эффективность происходит от латинского «effectus» – действие результат чего-либо), а также «effectivus» – производительный, действенный. В экономике же данное понятие и получило четкое смысловое воплощение, ведь его определение во много зависит от экономических показателей, выраженных, как правило, в цифровом значении.

В политологии предметно и полно проблема эффективности изучается западной наукой. Первоначально в зарубежной научной литературе изучение процессов управления и их эффективности началось с производственных процессов. С поисков производственных эффектов зарождалось становление науки управления, которая связывается с именами А. Файоля, Г. Эмерсона, Ф. Тейлора, Г. Форда, Д. Уальдо. Приверженцы «классической школы» трактовали эффективность как достижение формальных целей

Научный руководитель – Н.А. Антанович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии Белорусского государственного университета

заранее установленными методами в конкретные сроки. Применительно к деятельности государственного сектора в классической парадигме эффективность рассматривалась исключительно в контексте эффективной работы аппарата государственного управления. Прикладной аспект исследований «классиков» привел к тому, что и на современном этапе основное внимание уделяется эффективности управления в контексте реализации той или иной государственной политики, деятельности конкретных государственных органов на различных уровнях управления.

Среди современных работ, посвященных проблематике эффективности в государственном управлении, следует выделить работы Ф. Томпсона, Р. Родеса, Дж. Стиглица, Г. Саймона, П. Богесона, Л. О'Тула, Т. Берцель, Б. Милворда, К. Провала.

На современном этапе развития политической науки существует множество подходов к проблематике эффективности, обусловленное необходимостью в сравнении с классической механистической концепцией учета новых дополнительных факторов управленческой деятельности. Эффективность стала трактоваться как сложное, комплексное явление, определяемое множеством критериев.

В англоязычной литературе принято разделять понятия Efficiency, Effectiveness и Productivity [1, с. 28]. Как правило, в теории государственного управления они используются с целью оценки деятельности государственных структур, предоставляющих услуги населению, т.е. государственный коммерческий сектор. Поэтому при анализе эффективности подобных организаций используются в основном экономические показатели, в частности производительность, затраты на единицу продукции. Кроме того, в последние годы наряду с этими терминами широко используется понятие performance, переводимое как *степень эффективности функционирования* и позволяющее ввести в определение эффективности работы организаций качественный аспект.

Специфика определения понятия «эффективность» связана с приверженностью различным концепциям государственного управления (концепция нового государственного менеджмента, новая институциональная теория, теории политических сетей, синергетический подход), с особенностями политологической школы конкретной страны.

Российская политическая наука в вопросах эффективности управления представлена в первую очередь трудами таких ученых, как Л.В. Сморгун, Г.В. Атаманчук. По мнению Г.В. Атаманчука, эффективность связана не только с производством необходимых обществу материальных, социальных, духовных и даже политических продуктов (обобщающее понятие), но и с их потреблением. В эффективности акцент делается на то, что производит продукт при его потреблении, какую он принесет пользу. Эффект есть разница между результатами и затратами, свидетельствующая о положительном сальдо, т.е. о пользе, принесенной человеческими усилиями, плюс способности пользы удовлетворять реальные жизненные потребности общества, людей [2, с. 391].

В тесной взаимосвязи с понятием «эффективность», согласно Г.В. Атаманчуку, находятся понятия «производительность» и «результативность». Результативность представляет собой итог какой-либо человеческой деятельности, который получает определенные характеристики, отражающие его значение для людей. Для многих результатов установлены достаточно понятные количественные и качественные параметры. В понятии «производительность» фиксируется способность изделия, механизма, технологии, человеческого труда создавать при использовании измеряемых ресурсов необходимые обществу потребительские ценности. При таком понимании эффективность управленческого или административного труда оценивается путем определения соотношения между полученным результатом и затраченными ресурсами. Однако производительность ничего не говорит о качестве. По мнению Г.В. Атаманчука, явления «производительность», «результат» и «качество» взаимосвязаны и взаимообусловлены и по-

зволяют подойти к вопросу об эффективности, но сами они еще эффективности не отражают [2, с. 391].

Л.В. Сморгунув полагает необходимым при определении эффективности помимо экономического и социального эффекта учитывать также исторические, психологические (мотивационные) и структурно-коммуникативные составляющие. Ключевое значение для определения эффективности той или иной модели государственного управления имеет социальная составляющая, важность которой в постиндустриальном обществе возрастает. Изменение акцентов в административно-государственном управлении с процесса и правил на качественное удовлетворение потребностей клиентов повлекло за собой введение новых индикаторов эффективности административно-государственного управления: уровня удовлетворения граждан предоставляемыми услугами, уровня доверия к центральному правительству и местной администрации, степени вовлечения в процесс принятия решений и т.д. Это, в свою очередь, потребовало изменений управленческой культуры и формирования нового стиля работы [3, с. 120].

В Беларуси пристальное внимание данной проблематике начало уделяться относительно недавно. Первые труды появились в начале 2000 гг. и связаны были с потребностью государства в более активном исследовании данной проблематики в контексте деbüroкратизации и совершенствования деятельности государственных органов и руководящих кадров. Можно выделить таких авторов, как Н.А. Антанович, Г.А. Василевич, В.В. Герменчук, М.В. Ильин.

Итак, понятие «эффективность» имеет множество трактовок и толкований, выбор которых для анализа системы государственного управления зависит от целей конкретного анализа, уровня этого анализа и избранной методологии. В то же время, несмотря на вариативность оценок и определений государственного управления, большинство авторов в обязательном порядке включает в понятие «эффективность» экономическую составляющую, т.е. соотношение объемов предоставленных «услуг» к стоимости ресурсов, затраченных на их «производство»; социальную составляющую, т.е. степень удовлетворенности общества предоставляемыми государством благами; техническую (или организационную составляющую), т.е. соответствие управленческой организации внешним условиям.

С точки зрения Н.А. Антанович, эффективность государственного управления следует оценивать по таким показателям, как подотчетность власти населению, политическая стабильность, верховенство закона, качество услуг, предоставляемых населению, качество государственного регулирования, контроль над коррупцией [4, с. 8–14].

Таким образом, опираясь на указанные факторы, мы можем дать определение эффективности государственного управления на уровне отдельного государства. *Эффективность государственного управления* – это интегрированный показатель, отражающий степень социальной удовлетворенности общества избранной моделью управления, способность данной модели удовлетворять экономические потребности населения и адаптироваться к любым внешним и внутренним изменениям без потери работоспособности и снижения уровня экономического и социального обеспечения. Эффективность должна содержаться в системе «субъект управления – взаимодействия – управляемые объекты» и измеряться и оцениваться по состоянию и производительности, результатам и качеству функционирования последних, по структуре, объему и актуальности производимых и потребляемых ими материальных, социальных и духовных продуктов.

Глобализация и интенсификация межгосударственных отношений приводят к усилению интеграционных тенденций и появлению новых форм межгосударственных объединений, отношения в которых, с одной стороны, уже вышли за пределы простых интеграционных организаций, как правило, экономической направленности, а с другой – пока не привели к формированию нового государства в классическом его понимании. В данном контексте можно привести пример Европейского союза. Простой пе-

ренос понятия эффективность в его «государственном» понимании представляется не совсем верным для определения понятия эффективности системы управления Европейского союза как надгосударственного образования.

В силу специфики ЕС и разделения полномочий между государствами – членами и евроструктурами деятельность последних в области единой социальной политики Европы незначительна. Основная компетенция по осуществлению мер социальной направленности, а также иных политик, в той или иной мере влияющих на уровень социальной защищенности европейских граждан, сосредоточена в Евросоюзе на уровне государств – членов, а нередко и на уровне местных органов власти. В связи с этим говорить о «пользе» произведенных Евросоюзом социально значимых «материальных, социальных и духовных продуктов» некорректно, а социальная составляющая эффективности системы управления может быть выражена лишь в форме поддержке деятельности евроструктур населением. Отсутствие такой поддержки (что, например, выразилось в виде отказа граждан Франции и Нидерландов поддержать на референдуме принятие Конституции ЕС) может стать одним из факторов, свидетельствующим о низкой эффективности системы управления ЕС.

Гораздо корректнее оценивать *экономическую эффективность системы* управления ЕС, выражающуюся в общем экономическом росте и иных позитивных эффектах от передачи полномочий в экономической сфере на общеевропейский уровень. При этом их измерение и сопоставление с затратами, которые несет общество на организацию и функционирование общеевропейских субъектов управления, поддается простому исчислению с использованием ряда экономических и финансовых индикаторов.

Существенный интерес применительно к ЕС может представлять *организационная эффективность* субъектов управления, их иерархическое построение, соотношение в них связей координации и субординации, комбинация используемых методов, действие формальных и неформальных отношений, реализация организационного потенциала, управленческая отдача от организационных мероприятий и т.д. Здесь прежде всего имеется ввиду соответствие управленческой (институциональной) структуры тем задачам, которые стоят перед Евросоюзом. Немаловажным аспектом является и характер взаимосвязей внутри управленческой структуры, которые позволяют ей эффективно функционировать.

Представляется, что применительно к ЕС верным будет отталкиваться именно от организационного аспекта эффективности, который показывает «добавленную стоимость» институциональной структуры ЕС в процессе управления в качестве его нового элемента.

В данном контексте необходимо отметить, что Евросоюз рассматривается многими авторами в качестве *сетевой структуры управления*. Одна из приверженцев данного подхода М. Стрежнева указывает, что ЕС представляет собой «политическую сеть», на которой встречаются и договариваются между собой интеграционные институты, национальные правительства, представители различных групп интересов [5].

Схожее определение дают и разработчики теории многоуровневого управления, представляющей частный случай теории политических сетей применительно к ЕС, Л. Хуг и Г. Маркс. Последний в своей работе «Structural policy and Multi-level governance in the EU» дал одно из первых определений понятию «многоуровневое управление»: «Это система постоянных переговоров между связанными друг с другом правительствами на различных территориальных уровнях» [6].

В теории политических сетей проблема эффективности управления рассматривается не в аспекте отношения «цели – средства», а в аспекте отношения «цели – процесс». *Эффективность политических сетей* достигается внутренними условиями взаимодействия их членов. Применительно к Европейскому союзу Б. Милворд и К. Прован выделили следующие условия эффективности управления в ЕС:

а) высокая интегрированность и централизация вокруг ключевой властной структуры, которая облегчает как интеграцию, так и координацию и является относительно действенной;

б) прямые механизмы финансового контроля;

в) богатое ресурсами окружение, которое, однако, только при его наличии не создаст эффективную сеть;

г) общая сетевая стабильность [7].

Теории организации предлагают свои методы исследования эффективности. Существует несколько моделей: целевая, системно-ресурсная, модель с точки зрения внутриорганизационных процессов, модель всех экономически заинтересованных сторон, а также модель конкурирующих управленческих целей [8]. Из всех выше описанных моделей применительно к данному исследованию рассмотрим лишь две модели. Подход с точки зрения внутриорганизационных процессов сосредоточен на внутриорганизационной деятельности и определяет организационную эффективность на основе ее внутреннего социального климата («внутреннего здоровья») и экономической рентабельности (производительности) [8].

Подход с точки зрения всех экономически заинтересованных сторон делает основной акцент на любой группе как внутри организации, так и за ее пределами, которая так или иначе связана с данной организацией и заинтересована в обеспечении ее нормального функционирования. Это и кредиторы, и поставщики, и сотрудники, и собственники – все они являются заинтересованными сторонами. С точки зрения данного подхода (его также называют подходом «избирательных кругов»), показателем общеорганизационной эффективности служит степень удовлетворения запросов всех заинтересованных лиц (групп лиц), т.е. тех, у кого есть свой интерес к данной организации. У каждой такой заинтересованной стороны будет свой собственный (отличный от других) критерий организационной эффективности, в основе которого будет лежать отличающий именно данную группу лиц (или лицо) личный интерес к организации [8].

Оценка общей организационной эффективности будет складываться из оценок каждой заинтересованной группы лиц. Несмотря на то, что данные модели рассматривают организацию прежде всего как экономическую структуру, можно, изменяя переменные, применить их к анализу эффективности системы управления Евросоюза. В первой модели вместо внутриорганизационных процессов используем понятие взаимодействия между основными акторами системы: Комиссией, Советом и Европарламентом. Соотношения полномочий, сферы компетенции, формы и методы этих структур будут определять их взаимодействия, т.е. «внутриорганизационные процессы». В качестве «рентабельности» можно использовать результаты взаимодействий, а именно: разнообразные программы, политические, экономические и социальные направления политики, законодательство. Преимуществом такой модели является то, что при анализе ее эффективности как используются «результаты» деятельности организации, так и учитываются процессы и взаимодействия, посредством которых достигаются такие результаты.

В модели всех заинтересованных сторон можно выделить следующие переменные: 1) граждане-«потребители» и третий сектор; 2) национальные правительства; 3) наднациональные управленческие структуры ЕС; 4) частный сектор и транснациональные корпорации; 5) другие государства и международные организации. В качестве критериев можно выделить следующие: уровень легитимации организации, степень участия в деятельности организации, вовлеченность в процесс принятия решений, поддержка, удовлетворенность населения, степень взаимоотношений с другими государствами, международными организациями и др. Сильной стороной такого подхода является то, что он отражает взгляд на организационную эффективность с разных сторон с учетом как внешних, так и внутренних факторов ее развития. Однако слабым моментом

является то, что эффективность управления такой организацией анализируется посредством косвенных факторов, например, удовлетворенностью общества.

Предполагается целесообразным объединить обе модели и взять за основу анализа как косвенные критерии, так и непосредственно критерии эффективности внутри-организационных процессов управления. Таким образом, определение эффективности управления ЕС можно свести к необходимости, с одной стороны, соблюдения условий, определенных Б. Милвордом и К. Провалом, а с другой – к определению критериев и их значений, в качестве которых могут выступать:

- 1) время от выдвижения инициативы до ее принятия и осуществления;
- 2) время реагирования на внешние действия и степень воздействия на международные отношения;
- 3) время, затрачиваемое на исполнение решений и претворение в жизнь принятых законов и политик;
- 4) степень исполняемости принятых решений и вовлеченности всех субъектов Евросоюза;
- 5) сферы полномочий, компетенция органов, их соотношение;
- 6) степень влияния внешних и внутренних факторов;
- 7) легитимность со стороны населения и третьего сектора;
- 8) поддержка со стороны национальных правительств;
- 9) характер и принципы взаимодействий между основными акторами.

Таким образом, в результате изучения проблемы эффективности на государственном и надгосударственном уровнях мы пришли к следующим выводам. На государственном уровне понятие «эффективность управления» означает степень социальной удовлетворенности общества избранной моделью управления, способность данной модели удовлетворять экономические потребности населения и адаптироваться к любым внешним и внутренним изменениям без потери работоспособности и снижения уровня экономического и социального обеспечения.

На надгосударственном уровне эффективность управления необходимо рассматривать исключительно через призму ее организационной составляющей, показывающей «добавленную стоимость» надгосударственной институциональной структуры в процессе управления в качестве его нового элемента. При этом ключевыми факторами, оказывающими влияние на эффективность, являются интегрированность межгосударственной организации, характер связей управленческих субъектов, уровень взаимодействия между ними в процессе реализации поставленной перед интеграционным объединением задач. Важной проблемой определения эффективности на надгосударственном уровне выступает выработка ее критериев, при этом основная сложность состоит не столько в определении областей, в которых необходимо вычленение данных критериев (например, поддержка населения или законодательная деятельность), сколько определение конкретных параметров, в соответствии с которыми управленческая система будет признана эффективной (какой должен быть уровень поддержки, сколько времени должно пройти от разработки законопроекта до его имплементации). В данном контексте усилия ученых в области политической и управленческой науки в Республике Беларусь должны быть направлены на разработку оптимальных критериев и их параметров, определяющих эффективность системы государственного (надгосударственного) управления в целом и деятельности конкретных управленческих структур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эффективность государственного управления / Под общ. ред. С.А. Батчикова, С.Ю. Глазьева. – М. : Изд-во фонда «За экономическую грамотность», 1998. – 842 с.

2. Атаманчук, Г.В. Управление: сущность, ценность, эффективность / Г.В. Атаманчук. – М. : Изд-во «Академический Проект»; Культура, 2006. – 544 с.
3. Государственное управление и политика / Л.В. Сморгун [и др.]; под общ. ред. Л.В. Сморгунова. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002. – 564 с.
4. Антанович, Н.А. Эффективность государственного управления: проблема критериев оценки / Н.А. Антанович // Научные труды Респ ин-та высшей школы. Философско-гуманитарные науки : сб. науч. ст. Вып. 7 (12) / под ред. В.Ф. Беркова. – Минск : РИВШ, 2009. – С. 8–14.
5. Стрежнева, М.В. Управление без... правительства / М.В.Стрежнева // Европа. Журнал Европейского Союза. – № 1(24), январь, 2003 [Электронный ресурс]. – 2003. – Режим доступа : http://www.delrus.ec.europa.eu/em/28/aeu24_14.htm. – Дата доступа : 23.11.2009.
6. Бовдунов, А. Евросоюз: многоуровневое управление и региональная интеграция / А. Бовдунов // Центр консервативных исследований [Электронный ресурс]. – 2009. Режим доступа : <http://konservatism.org/konservatism/sociology/050909095544.xhtml>. – Дата доступа : 23.11.2009.
7. Milward, B. Principles for Controlling Agents: The political Economy of Network Structure / B. Milward, K. Provan // Bush School of Government [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа : <http://bush.tamu.edu/pa-archive/JPART8-2.203-221.pdf>. – Дата доступа : 23.11.2009.
8. Рудаков, М.Н., Акулов, В.Б. Теория организации как наука / М.Н. Рудаков, В.Б.Акулов // Карелия-медиа [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа : http://media.karelia.ru/~resource/econ/Teor_org/. – Дата доступа : 12.03.2009.

Morozov P.A. The Effectiveness of Public Administration on State and Above-state Level (on an example of EU)

The article deals with various approaches to the concept of “efficiency” with reference to managerial processes on a state and above-state level. The attempt has been undertaken to make independent definition of the given term. Various concepts of the definition of efficiency of interstate organizations on the example of the European Union from the point of view of the concept of political networks and the organization theory are considered. The criteria necessary for the decision-making in efficiency institutional system of the European Union are analyzed. The suggestion of the necessity of criteria development of the definition of activity efficiency of state management system of the Republic of Belarus is given as a recommendation.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 26.05.2010

УДК 32.001(476)

С.А. Козлова

СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье проведен сравнительный анализ тенденций развития политической науки, систем присуждения степеней и званий, курсов, преподаваемых в университетах, тематики исследовательских работ и форм профессиональной коммуникации в Республике Беларусь и таких западноевропейских странах, как Австрия, Бельгия, Великобритания, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Кипр, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Финляндия, Франция, Швеция, Швейцария. Отдельное внимание уделено процессам институционализации политической науки в Республике Беларусь. Автор выделяет основные проблемы, к которым обращаются отечественные исследователи на различных этапах институционализации политической науки, приводит статистику защит кандидатских и докторских диссертаций по данным ВАК за период с 1991 по 2008 гг. На основании проделанного анализа сформулирован вывод о том, что политическая наука в Беларуси развивается быстрыми темпами, которые и по скорости развития, и по содержанию соответствуют основным параметрам развития политической науки в Западной Европе.

Введение

Каждая научная дисциплина нуждается в регулярном осмыслении достигнутых результатов. Обращение к прошлому, анализ истоков политической науки, изучение ее дискурса, направлений, теорий и методов помогают понять ее настоящее и предвидеть будущее. Самые недавние попытки критически оценить итоги развития политологии включают такие проекты, как восьмитомная *Handbook of Political Science* (Greenstein & Polsby, 1975) и книга «Политическая наука: новые направления» (Гудин и Клингеманн, 1996). Есть также и специализированные труды, посвященные состоянию политической науки в отдельных странах или регионах. Описывая развитие политической науки в Западной Европе, хотелось бы остановиться на последнем, посвященном этой теме, издании «Политическая наука в Западной Европе» под ред. Х.-Д. Клингеманна (2007). Авторы описывают развитие политической науки в восемнадцати западноевропейских странах (Австрии, Бельгии, Великобритании, Германии, Греции, Дании, Исландии, Испании, Ирландии, Италии, Кипре, Нидерландах, Норвегии, Португалии, Финляндии, Франции, Швейцарии и Швеции) по следующим позициям:

1. Институты высшего образования, преподающие политическую науку. Сюда включены данные по количеству университетов и структурных подразделений (факультетов, отделений, институтов или кафедр, учебные программы которых включают политологию). Базу данных авторы ограничили только государственными университетами и исследовательскими институтами университетского типа. Собраны данные о числе штатных профессоров и доцентов. Сознательно исключены даже о других группах преподавательского состава таких как ассистенты и аспиранты, которые в различных странах имеют принципиальные различия, что не позволяет провести корректное сравнение.

Научный руководитель – Н.А. Антанович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии Белорусского государственного университета

2. Система научных степеней и области преподавания. Здесь речь идет о таких степенях высшего образования, как бакалавр и магистр, о продолжительности обучения в высшем учебном заведении для получения той или иной степени, рассматривается перечень учебных дисциплин, необходимых для изучения студентами-политологами.

3. Области исследования: данные по тематике исследовательских программ и тематике защищенных диссертаций.

4. Профессиональная коммуникация: данные о профессиональных ассоциациях политологов в этих странах.

Цель данной статьи – провести сравнительный анализ состояния и тенденций развития политической науки в странах Западной Европы и Республике Беларусь по перечисленным выше четырем позициям.

Институты высшего образования, преподающие политическую науку

Сравним количество университетов и число преподавателей и студентов в них. В 18 странах Западной Европы политическую науку преподают в 307 государственных университетах, где работают 1526 штатных профессоров и доцентов-политологов на 347 подразделениях (факультетах, отделениях, институтах и других структурных подразделениях) [1, с. 22]. Политическую науку в Республике Беларусь преподают во всех без исключения высших учебных заведениях. А подготовку специалистов в области политических наук ведут Белорусский государственный университет (специальность «Политика и государственное управление»), Академия управления при Президенте Республики Беларусь (специальность «Государственное управление и право») и Белорусский государственный экономический университет, который в 2009 году провел первый набор студентов на отделение «Политический менеджмент». Таким образом, специалистов-политологов в Республике Беларусь обучают в 3 государственных высших учебных заведениях, где работают 38 штатных профессоров и доцентов на 3 подразделениях (кафедрах). Для наглядности сравним количество государственных университетов, подразделений в них и количество работающих штатных профессоров и доцентов в странах, численность населения в которых близка к 10 миллионам, как в Республике Беларусь. Так, например, в Австрии с численностью населения 8,1 миллиона человек в 3 государственных университетах работают 29 профессоров и доцентов в 4 подразделениях; в Бельгии с численностью населения 10,4 миллиона человек в 9 университетах работают 66 профессоров и доцентов в 9 подразделениях; в Греции с численностью населения 11 миллионов человек в 5 университетах работают 67 профессоров и доцентов в 5 подразделениях; в Португалии с численностью населения 10,5 миллиона человек в 11 университетах работают 40 профессоров и доцентов в 14 подразделениях; в Швеции с численностью населения 9 миллионов человек в 12 университетах работают 42 профессора и доцента в 12 подразделениях [1, с. 23]. Беларусь не отстает от западноевропейских стран по количеству профессоров и доцентов, работающих в одном университете.

Говоря о политической науке с точки зрения спроса на выпускников по специальности «Политология», попытаемся подсчитать приблизительную численность студентов-политологов в Западной Европе. Следуя определенным методам подсчета, приходим к общей цифре 154 000. Столько студентов-политологов в Западной Европе по состоянию на 2005 год. Эти данные включают магистрантов, бакалавров и соискателей степени доктора. Точное число варьируется от 129 в Кипре до 33 000 в Соединенном Королевстве. Для наглядности приведем данные о количестве студентов в странах, где численность населения близка к численности населения в Республике Беларусь: так, в Австрии количество студентов-политологов равно 4 434, в Бельгии – 2 652, в Греции – 10 927, в Португалии – 2 118, в Швеции – 11 220 [1, с. 28]. В Республике Беларусь ко-

личество студентов-политологов по состоянию на 2009 год составляло 750 человек. Такое отставание связано с поздней институционализацией политической науки во всех постсоветских странах, а в связи с этим и меньшей востребованностью профессиональных политологов в органах государственной власти и управления. Эта цифра может измениться, если к числу студентов добавить еще 453 студента отделения международных отношений, которые обучаются на факультете международных отношений Белгосуниверситета.

Система научных степеней и области преподавания

Описывая систему степеней и области преподавания, нельзя не отметить, что Болонский процесс, начавшийся в Париже в мае 1998 года подписанием Сорбонской декларации, стал процессом гармонизации высшего образования в Европе. Шесть принципов были приняты 29 министрами образования на конференции в Болонье в целях повышения конкурентоспособности, мобильности и трудоустройства на глобальном уровне. Эти принципы в настоящее время реализуются в большинстве европейских стран и уже наложили серьезный отпечаток на политологию как учебную дисциплину. С формальной точки зрения, этот процесс идет успешно: в 15 из 18 стран уже осуществлен переход на трехлетний бакалавриат, а в Испании, Греции и в Кипре сохраняются четырехлетние программы подготовки бакалавров [1, с. 31]. Жаркие споры развернулись и по вопросу продолжительности обучения в магистратуре (второй цикл). Двенадцать стран ведут магистерскую подготовку политолога в течение двух лет, а шесть стран предоставляет возможность получить степень магистра за один год. Республика Беларусь в конце 1990-х годов также активно включилась в Болонский процесс, и уже в 2004 году в Белгосуниверситете были введены степени бакалавра (срок обучения 4 года), специалиста (1 год обучения) и магистра (1 год обучения). Однако практика показала, что выпускники со степенью бакалавра не могли трудоустроиться, поэтому было принято решение в 2008 году о присвоении следующих степеней: специалиста (5 лет обучения) и магистра (1 год обучения), но, при желании, студент может закончить обучение за 4 года и получить степень бакалавра.

Большее единодушие европейское политологическое сообщество проявляет по отношению к программам аспирантского (докторского уровня). Признается, что аспиранты не должны ограничиваться проведением индивидуальных исследований в контакте только лишь с научным руководителем, их подготовка должна быть более структурированной. В Беларуси программа обучения в аспирантуре предполагает усвоение ряда учебных дисциплин с традиционной сдачей зачетов и экзаменов и составляет 3 года при очной форме обучения и 4 года при заочном обучении.

Отвечая на вызовы Болонского процесса, европейские политологи, проведя широкую дискуссию в рамках профессиональных сообществ, сформулировали предложения, вынесенные на Берлинскую конференцию 2003 года. Предложение предусматривает освоение студентами западноевропейских стран следующих политологических курсов:

- политическая теория, история политических идей;
- методология (включая статистику);
- политическая система собственной страны и Европейского Союза;
- сравнительная политология;
- международные отношения;
- государственное управление и политический анализ;
- политическая экономия и политическая социология.

Учебная программа для отделения политологии Белгосуниверситета предусматривает преподавание по пяти основным разделам политической науки:

- политическая теория;

- сравнительная политика;
- управление и администрация;
- методология и методы политической науки;
- международные отношения.

В русле этих направлений для студентов читаются следующие курсы: «Введение в политическую теорию»; «Политическая идеология»; «Теория государственного управления»; «Политические партии и партийные системы»; «Методология политической науки»; «Сравнительная политика»; «Политические проблемы современной глобалистики»; «Организация избирательных кампаний»; «Права человека»; «Теория политики»; «Политическая культура»; «Теория принятия политических решений»; «Политическая психология»; «Теория политических систем»; «Теория и практика оценки публичной политики»; «Геополитические проблемы в современном мире»; «Местное самоуправление в Республике Беларусь»; «Правила парламентской процедуры»; «Этнополитика»; «Конфессиональная политика в Республике Беларусь»; «Общественная политика» [2, с. 9].

Сравнивая системы ученых степеней в западноевропейских странах и Беларуси, можно отметить, что для получения степени магистра необходимо 5 лет. Это *идентично срокам обучения в таких странах*, как Кипр, Греция и Испания, где для получения степени магистра необходимо пройти обучение в течение 6 лет, как и в Республике Беларусь. Такое сходство системы степеней и учебных программ поможет Беларуси войти в европейскую систему высшего образования, сделает возможным сопоставление и признание дипломов о высшем образовании, расширит возможности сотрудничества с учеными и исследовательскими центрами западноевропейских стран.

Области исследования

Исследовательские программы имеют тенденцию к большей специализации, нежели учебные программы. Большинство исследовательских программ в странах Западной Европы направлено на изучение политических систем в собственных странах и в Европейском Союзе. Международные отношения, политический анализ, государственное управление, политическая социология, политическая экономия занимают второстепенное положение, за ними следует политическая теория, история политических учений. Отмечается и низкий интерес к методологии как вспомогательной области исследования [1, с. 35].

Динамику исследовательской проблематики в Республике Беларусь отражает подготовка кадров высшей квалификации в сфере политических наук. На сегодняшний день докторантура и аспирантура по политическим наукам существуют в Белгосуниверситете, Академии управления при Президенте Республики Беларусь, БГПУ им. М. Танка, Республиканском институте высшей школы. Подготовка аспирантов и докторантов ведется по специальностям следующим 23.00.01 – теория политики, история и методология политической науки; 23.00.02 – политические институты и процессы, политическая конфликтология, политические технологии; 23.00.04 – политические проблемы международных отношений и глобального развития. На 25.01.2009 г. в Республике Беларусь защищено 50 диссертаций по политическим наукам, из них десять – докторские.

Исходя из того, что ключевым фактором развития политического знания является становление государственности независимой Беларуси, Н.А. Антанович, С.В. Решетников, Н.В. Ляхович-Петракова выделяют следующие этапы институционализации политической науки в Республике Беларусь: 1) становление белорусской политологии как учебной дисциплины в начальный период суверенной государственности (1990–1996 гг.); 2) развитие политологии как *научной* дисциплины (1997–2001 гг.);

3) формирование политического знания, ориентированного на практическое использование (с 2002 г. по настоящее время) [3, с. 65].

В период 1991–1996 гг. становление государственности независимой Беларуси положило начало самостоятельному политическому процессу. С 1991 по 1996 гг. тематика диссертационных исследований была представлена следующей проблематикой: политические партии, группы интересов, политический процесс, политическая система в процессе трансформации, проблемы политической культуры и воспитания молодежи, политической идеологии в период перестройки и переходный период.

К концу XX в. белорусская политология оформилась как самостоятельная отрасль научного исследования. В этот период развитие политического знания определялось скорее внутринаучными процессами и потребностями, нежели социальным заказом. Исследовательская проблематика слабо была связана с потребностями органов государственной власти. В числе научных публикаций наиболее активно развивалась тематика специальностей 23.00.01 и 23.00.02, в рамках которых анализировались различные аспекты политики в переходных обществах, политическое сознание студенческой молодежи, социальные и политические преобразования в Беларуси в постсоветский период, государственно-конфессиональные отношения, электоральное поведение, лидерство, элиту, политическую символику. Для диссертаций по специальности 23.00.02 была характерна теоретическая ориентация и относительно невысокий практический выход результатов исследования. В тематике диссертаций и научных публикаций по специальности 23.00.04 затрагивались проблемы белорусско-российских отношений, анализ политических процессов в странах СНГ, европейская проблематика.

В третий период развития политической науки, начиная с 2002 года, складывается тенденция устойчивой прикладной ориентации политических исследований. В тематике диссертационных исследований начинает преобладать белорусская проблематика. Особенно заметно увеличение прикладной ориентации для специальности 23.00.02. В 2002–2008 гг. по этой специальности защищены работы по проблемам национальной безопасности, кадровому резерву, государственной молодежной политики, избирательным технологиям и избирательному процессу, политике Республики Беларусь в сфере информатизации. Исследования этого периода приобрели технологическую ориентацию: все они направлены на анализ конкретных проблем, их результаты могут быть использованы для разработки методов направленного воздействия на политические процессы.

В тематике научных публикаций по направлению 23.00.02 преобладают проблемы, востребованные органами государственной власти и управления: вопросы идеологии белорусского государства, национальной безопасности, технологий государственного и политического управления. Государственное управление как направление научных исследований активно развивается в Академии управления и в Белгосуниверситете. В Республике Беларусь сложились две основные научные школы исследования проблематики политического управления: политико-управленческая школа (Академия управления) и политологическая школа (БГУ).

По специальности 23.00.04 за третий период развития политического знания представлены диссертации по проблемам глобализации, вопросам национально-государственных интересов Республики Беларусь. На современном этапе наиболее активно развивающейся отраслью является практически ориентированное направление, соответствующее специальности 22.00.02 – политические институты и процессы, политические технологии.

Динамика защит диссертаций по политологическим специальностям с 1991 по 2008 гг. представлена в таблице.

Таблица – Динамика защит диссертаций по политологическим специальностям

	1990-е гг.									2000-е гг.									итого
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0	1	2	3	4	5	6	7	8	
23.00.01	–	1	–	1	1	–	–	1	1	–	3	1	1	2	1	2	1	–	16
23.00.02	–	2	2	3	2	–	1	–	1	3	1	–	3	1	1	1	2	–	23
23.00.03	1	2	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	5
23.00.04	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	1	2	–	–	2	–	–	–	6
всего	1	5	4	4	3	–	1	2	2	3	5	3	4	3	4	3	3	–	50

Профессиональная коммуникация

Профессиональная коммуникация имеет существенное значение для прогресса науки. Критическое обсуждение новых тем необходимо. Обеспечение инфраструктуры для этого дискурса – одна из основных функций ассоциаций политической науки.

Во всех исследуемых западноевропейских странах есть профессиональные ассоциации политологов. Исключением является Кипр, однако делаются определенные шаги по созданию политологической ассоциации и в этой стране. Общее число членов национальных ассоциаций политологов – 10000 в 2005 году. Количество членов варьируется от 130 в Португалии до 1650 в ассоциации Великобритании [1, с. 37]. В Республике Беларусь в 1993 году было создано общественное объединение «Белорусская ассоциация политических наук», а с 1998 года действует Белорусская академия политических наук, членами которых являются ученые, преподаватели и должностные лица из различных городов республики. Высокая научная квалификация членов академии позволяет им осуществлять мониторинг и прогноз политической ситуации в республике, экспертизу важнейших политических решений, политическое просвещение населения. Но так как большинство членов этих организаций является преподавателями высших учебных заведений, то в настоящий момент они в основном сосредоточены на индивидуальной исследовательской работе. Вместе с тем хотелось бы отметить, что все преподаватели кафедры политологии Белгосуниверситета являются членами Российской ассоциации политической науки, что помогает развивать сотрудничество ученых двух стран.

Заключение

За 20 лет, с 1989 года по настоящее время, политическая наука в Беларуси прошла сложный путь от становления к устойчивому развитию. Сравняя развитие политологии в нашей стране с общеевропейскими тенденциями, можно сделать вывод, что наука развивается быстрыми темпами, которые и по скорости развития, и по содержанию соответствуют основным параметрам развития политической науки в Западной Европе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клингеманн, Х.-Д. Сравнительный анализ развития политической науки в Западной Европе на 2005 г. / Х.-Д. Клингеманн // Политическая наука в Западной Европе ; под ред. Х.-Д. Клингеманна; пер. М. Гурвица и [др.] ; под. ред. Е.Б. Шестопаля. – М. : Аспект Пресс, 2009. – 487 с.
2. Решетников, С.В. Политическая наука в БГУ: теоретико-методологические и прикладные аспекты / С.В. Решетников. – Минск : БГУ, 2009. – 175 с.

3. Решетников, С.В. Политическая наука в Республике Беларусь: традиции и новации / С.В. Решетников, Н.А. Антанович // Проблемы управления. – 2008. – № 4 (29). – С. 64–68.

Kozlova S.A. State and Tendencies of the Development of Political Science in the Countries of Western Europe and the Republic of Belarus

The article is focused on the condition of political science as a curriculum study. The comparative analysis of tendencies of the development of political science in the Republic of Belarus and such countries as Austria, Belgian, Great Britain, Denmark, Ireland, Spain, Italy, Cyprian, Netherland, Norwegian, Portugal, Finland, France, Sweden, and Switzerland is made. The author analyzes the most important researches in the given countries, paying special attention to the systems of getting science degrees and different classes the universities have, topics of scientific investigations and professional communication.

The author also studies the process of initialization of political science in the Republic of Belarus and sorts out the main problems of Belarusian scientists on different stages. The author analyzes the statistics of getting scientific degrees on the base of Qualification Commission from 2001 to 2008. On the base of this analysis the author comes to the conclusion that political science in Belarus develops rather quickly and corresponds to the basic parameters of the development of political science in Western Europe.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 31.03.2010

УДК 342.5

Р.Л. Орлов

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИИ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ ГРАЖДАН РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье предпринимается попытка определить роль религии в формировании политических предпочтений белорусов. Анализируются традиционные для Беларуси конфессии: православие, католицизм, протестантство. В исследовании констатируются определенные различия в политических ориентациях граждан анализируемых конфессий. Однако разрыв между декларированием и повседневной практической религиозностью приводит к выводу о том, что религиозность в республике чаще всего носит вербальный характер. Вследствие этого религия оказывает определенное влияние на политические ориентации граждан, но не настолько сильное, чтобы в корне преобразовать социально-политическую деятельность.

Введение

Беларусь отличается сложной поликонфессиональной структурой. На протяжении веков на наших землях проживают представители различных конфессий, оказывающих существенное влияние на специфику национального характера, в котором находят отражение и православная соборность, и динамизм католицизма, и протестантский индивидуализм. Представляется интересным выявить зависимость политических предпочтений граждан республики от их религиозной принадлежности.

Доминирующими в Республике Беларусь являются три христианские конфессии: православие, католицизм, протестантство. Стоит отметить, что такие религиозные нехристианские общины, как мусульманские и иудейские, которые также являются традиционными для Беларуси, оказывают существенное влияние на своих последователей. Однако их количество в республике незначительно. Так, по данным республиканского социологического мониторинга, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в ноябре 2004 г., к мусульманам себя отнесли 0,16%, а к иудеям – 0,1% от общего количества опрошенных [1, с. 147]. Поэтому целесообразно обратиться к анализу доминирующих христианских конфессий.

Русская Православная церковь имеет наибольшее количество приверженцев в Республике Беларусь (68,8% от общего числа верующих страны). Она объединяет 11 епархий, 1498 православных приходов, 5 духовных учебных заведений, 31 монастырь, 14 братств, 9 сестричеств. Действуют 1274 православных храма, еще 152 строятся. В приходах служат 1499 священнослужителей [2]. Стоит отметить, что среди православных самый большой процент пассивных верующих, людей, признавая свою принадлежность к определенной конфессии, практически не участвуют в религиозной жизни. Так, количество православных верующих, никогда не посещавших церковь, составляет 19,2%, а к числу глубоко религиозных людей причисляют себя лишь 4,2% [1, с. 147].

Последователями католицизма, второй по численности конфессии, являются практически 8% верующих. Католическая церковь объединяет четыре епархии, которые насчитывают 470 общин. За последние 20 лет количество римско-католических приходов увеличилось в 4 раза. В республике действуют 9 миссий и 9 монастырей. Общины располагают 451 костелом, 35 строятся [2].

Научный руководитель – Н.П. Денисюк, кандидат философских наук, доцент кафедры политологии Белорусского государственного университета

Католики отличаются более активным участием в религиозной жизни, чем православные. Среди них в три раза больше тех, кто регулярно посещает костел (43,0%), а 10,2% считают себя глубоко верующими людьми [1, с. 147]. Католичество часто связывают с польской нацией и стремлением полонизации Беларуси, что вызывает негативную реакцию у части населения. Стоит отметить, что среди белорусских католиков 41,6% являются этническими поляками. Из 407 католических священнослужителей насчитывается 168 иностранных граждан. Католическая церковь в нашей стране активно пользуется помощью польского католического епископата. Однако наблюдается и другая тенденция: в настоящий момент последовательно и целенаправленно разворачивается процесс формирования Белорусского костела с употреблением белорусского языка в богослужении, подготовкой национального клира. Стоит отметить, что именно католики стояли у истоков белорусского возрождения XIX века [3, с. 84–85].

Протестантские религиозные организации представлены 996 религиозными общинами, 22 объединениями, 22 миссиями и 5 духовными учебными заведениями 14-ти направлений. Исторически традиционным на территории республики является лютеранство, которое насчитывает 27 общин. Наиболее многочисленными среди протестантских направлений являются объединения христиан веры евангельской (501 община), евангельских христиан баптистов (271 община), адвентистов седьмого дня (72 общины). Протестантские общины, как правило, немногочисленны (20–25 человек), исключения составляют общины в крупных населенных пунктах [2].

Модернизация догматики, обрядности способствует широкому восприятию идей протестантизма как современной идеологии. Протестанты наиболее ответственно относятся к своим религиозным обязанностям: регулярно посещают богослужения 93,6%, участвуют в обрядах – 87,3%, не участвуют – 3,5%. За последние несколько лет количество протестантских течений в республике увеличилось в пять раз, число общин – почти в три раза. Это связано с более высокой активностью и целенаправленностью деятельности протестантских организаций в сравнении с традиционными христианскими общинами. Поэтому можно с уверенностью говорить о том, что для протестантизма существует перспектива упрочить свое положение в стране.

Исследования, проведенные социологами БГУ по изучению политических предпочтений различных конфессиональных общин республики, свидетельствуют о том, что наибольшее стремление к преобразованиям в обществе выражают протестанты, которые хотели бы видеть Беларусь социально ориентированным государством с рыночной экономикой и демократическим политическим режимом. Самой консервативной частью верующих являются православные. Они склоняются к государственно регулируемой экономике и авторитарным методам правления. Поддержка деятельности Президента в оценке православных, особенно пенсионного возраста, значительно выше, чем представителей других конфессий. Католики занимают промежуточное положение между двумя полюсами: в экономических вопросах их позиция близка к протестантам, а по политической ориентации они ближе к православным. Во взаимоотношениях республики с другими странами православные более других ориентированы на тесное сотрудничество с Россией. Такая ориентация чаще всего связана с тем, что в массовом сознании глубоко утвердилось представление о тождественности национальной и конфессиональной принадлежности народов Беларуси и России [1, с. 149].

Интересным представляются и исследования протестных настроений в конфессиональных общинах. Так, готовность принять участие в несанкционированной демонстрации обозначили 8,6% католиков и 4,1% православных; в забастовке – соответственно 13,6% и 7,1%; в митинге протеста – 13,6% и 9,8%. В ситуации президентских выборов против всех проголосовали бы 28,2% протестантов, 27,2% католиков и 23,8% православных.

Важнейшую роль здесь играют догматические особенности той или иной конфессии. Протестантизм с самого начала формируется как идеология зарождающейся буржуазии, как реакция на изжившие себя феодальные отношения. Провозгласив коммерческий успех и материальное благополучие условием спасения, а этику труда – этикой жизни, протестантизм создал идеальную для капитализма систему социализации. Антропологический поворот в католицизме, курс на обновление церкви и ее осовременивание начался в середине XX века. По сути с этого времени идет модернизация католицизма в соответствии с изменившимися в мире условиями, создана социально ориентированная доктрина. Православная церковь до сих пор не преодолела традиционного консерватизма. В рамках православия так и не возникла почва для формирования предпринимательской этики протестантского образца. Главное, на что обращается внимание в православии, – это поиск смысла жизни и внутренне преобразование личности. Поэтому вероучительная линия православия сегодня зачастую запаздывает в осмыслении основных направлений современного общественного развития.

Однако различия в политических ориентирах вызваны не только догматическими особенностями. Нельзя забывать и о социально-демографических характеристиках той или иной конфессии. Так, православные и католики – это преимущественно женщины, лица среднего и старшего возраста. Православные чаще с низким уровнем образования, плохо обеспечены материально. Наибольшее количество молодых верующих среди протестантов (30,1%), в их общинах также наиболее высокий уровень образованности среди последователей, верующие являются людьми более обеспеченными материально в сравнении с католиками и православными [1, с. 148].

Наблюдается весьма существенный разрыв между декларированием себя верующими людьми и повседневной практической религиозностью. Среди тех, кто причисляет себя к верующим, значительное число тех, кто верит не в персонифицированного христианского Бога, а в некую безличную сверхъестественную силу, управляющую развитием мира и судьбами людей. Подлинно воцерковленными (т.е. одновременно религиозными и церковными) можно признать только 6,8% от общего количества опрошенных. Почти 50%, признающих себя верующими, можно отнести к числу религиозных, но не церковных, поскольку они крайне редко посещают церковь, причем не по убеждениям, а в силу случайных обстоятельств. А 7,7% населения относится к группе лиц нерелигиозных и не церковных, поскольку в Бога не верит и не считает себя верующими людьми.

Строго говоря, подлинно верующим может считаться лишь человек, обнаруживающий единство веры, культового поведения и конфессиональной идентификации, т.е. тот, чья вера институциализирована. Однако результаты исследований постсоветского периода показывают, что «религиозный бум» 90-х годов XX в. представлял собой процесс не только массового отказа от атеизма и возрождения традиционной религиозности, но и, в большей мере, распространения форм аморфного, эклектического сознания с размытыми границами и неопределенными верованиями. Поэтому так называемое «религиозное возрождение» осуществлялось в весьма своеобразной форме поисков себя скорее не в Церкви, а рядом с Церковью, в силу чего у многих «нововерующих» (особенно православных) вера остается слабоинституциализированной и не проявляется в устойчивом культовом поведении [4, с. 6]. По мнению Фукуямы, в условиях формализации социальных связей и отношений, увеличения свободы выбора люди обращаются к определенному вероисповеданию не потому, что они стали искренне верующими, а потому, что это самый удобный источник правил, порядка и общения [5, с. 327].

В свете сказанного можно предположить, что современное церковное руководство стоит перед весьма непростой проблемой выбора. С одной стороны, если допустить, что тождество «церковности» и «религиозности» не является абсолютной нормой религиозного поведения, то тем самым будет невольно дана санкция на ослабление ре-

лигиозной дисциплины верующим, которые не мыслят свое религиозное бытие вне конкретной церкви. С другой стороны, настаивать на полном тождестве обоих понятий, значит возводить стену между церковным вероучением и теми внеконфессиональными группами граждан, которые интересуются проблемами религии, а также образованными верующими, ищущими рафинированных религиозно-философских – знаний [6, с. 29]. Следовательно, необходимо продумывание более «демократичных» критериев идентификации с той или иной церковью. В свою очередь это требует нетрадиционной трактовки понятия церкви, которая бы допускала более терпимое отношение к внецерковному.

В целом вера для католиков важна не столько с ее содержательной точки зрения, сколько как форма групповой интеграции. Но на индивидуальном уровне она воспринимается ими скорее как традиционно-привычная часть частной жизни и ровно столько для них и значит. А более и менее регулярное участие в обрядах и ритуалах, ощущение сопричастности к Костелу служит подтверждением этой традиции. Для значительной части православных верующих вера остается социальной декларацией, которая не влечет за собой ни строгого соблюдения норм церковной дисциплины, ни вообще какой бы то ни было реальной деятельности по воплощению христианских идеалов в жизнь. Православная вера имеет для них, с одной стороны, скорее психологическое значение, успокаивая в мыслях и не накладывая собственно религиозных обязательств, а с другой – позволяет на символическом уровне ощутить свою принадлежность к определенной исторической культуре.

Совершенно иную позицию занимают протестанты. Исключительная концентрация их сознания на религиозной вере, которую можно исповедовать только посредством регулярной коммуникации в общине с единоверцами и дома в семье, при отсутствии значимых ориентаций на «классические» протестантские ценности, позволяет сделать вывод о том, что в Беларуси протестантизм как религиозное течение образует маргинальную групповую субкультуру (в силу замкнутости и малочисленности) сектантского типа, для носителей которой вера выступает смыслообразующим фактором и высшей ценностью жизни [7, с. 152–153]. Следует помнить, что к протестантам себя относит менее 1% населения [8, с. 142].

Заключение

Таким образом, религиозность в нашей стране чаще всего носит вербальный характер. Вследствие этого религия оказывает определенное влияние на трансформацию образа жизни наших граждан и их политические ориентации, но не настолько чтобы в корне преобразовать социально-политическую реальность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабосов, Е.М. Структурная трансформация образа жизни населения Беларуси в конце XX – начале XXI века / Е.М. Бабосов. – Минск : Право и экономика, 2005. – 230 с.
2. Религия // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.president.gov.by/press23736.html>. – Дата доступа : 20.08.2010.
3. Конан, У. Ксёндз Адам Станкевіч і каталіцкае Адраджэнне ў Беларусі / У. Конан. – Мінск, 2003. – 127 с.
4. Динамика уровня и характера религиозности населения Республики Беларусь : научный отчет / Л.Г. Новикова и [др.] ; НАН Беларуси, Ин-т социологии. – Минск : НАН Беларуси: Беларуская наука, 2005. – 26 с.
5. Фукуяма, Ф. Великий разрыв / Ф. Фукуяма. – М. : ООО «Изд-во АСТ», 2001.

6. Религия в условиях социальных перемен в Беларуси : Метод. пособие / М.Т. Асиевич, Л.Е. Земляков, П.Н. Савостенюк. / Мин-во образования Респ. Беларусь. Академия последипломного образования. – Минск, 1999. – 59 с.
7. Беларусь и Россия: социальная сфера и социокультурная динамика : сб. научн. тр. / Под общ. ред. О.В. Пролесковского, Г.В. Осипова. – Минск : ИАЦ, 2008. – 384 с.
8. Новикова, Л.Г. О специфике религиозного поведения верующих основных христианских конфессий в современной Беларуси / Л.Г. Новикова, Е.А. Белая // Социология. – 2007. – № 4. – С. 140–150.

Orlov R.L. The influence of Religion on Political Aims of Citizens of the Republic of Belarus

In the article the author tries to define the role of religion in the Belorussians' political view formation.

The Author analyses traditional religion in Belarus: Orthodoxy, Catholicism and Protestantism. Political orientation differ according to : attitude to political cours, to methods of government, society transformation and protest behaviour are discovered in the research. Author concludes that religiosity with its verbal nature doesn't impact a lot on Belorussians' political preferences.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 05.03.2010

УДК 316.752

Л.Г. Титаренко

ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ МНОГОВЕКТОРНОСТИ ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ

В статье дается анализ процессов современного развития белорусской идентичности. Рассмотрены типы идентичности, внутренние и внешние факторы, которые влияют на идентичность. Выявлены закономерности развития данного процесса: его диалектический характер, плюрализм современного состояния процесса, постепенного становления гражданской идентичности при сохранении значимости таких типов идентичности, как этнонациональная, религиозная, территориальная, локальная. Особое внимание уделено развитию европейской идентичности белорусов. Делается вывод, при каких условиях гражданская идентичность получит более быстрое развитие.

Актуальность исследования современных путей и моделей развития национальной идентичности в Республике Беларусь связана с необходимостью укрепления белорусской государственности. Последнее предполагает выявление, учет и целенаправленное воздействие на многообразные внутренние и внешние факторы, влияющие на формирование национального сознания и самосознания населения. Динамические изменения в развитии идентичности граждан нашего государства связаны не только с продолжающейся трансформацией белорусского общества и базовых ценностей населения, но и постепенным «включением» этого общества в глобальную систему связей. Это означает, в свою очередь, неизбежное влияние на белорусов мировых кризисных процессов, глобальных СМИ, проникновение чуждых нашему обществу ценностей с последующей их адаптацией либо отторжением, конструированием новых «культурных маркеров» идентичности [1, с. 4]. Эмпирические исследования развития белорусской идентичности зафиксировали и некоторые непредвиденные результаты достаточно длительной политической изоляции Беларуси: среди населения существенно упала европейская самоидентификация, снизился интерес к либеральным ценностям (данный результат подтверждает валидность мертоновского анализа явных и латентных функций социальных феноменов) [2, с. 158]. В целом исследование закономерностей процесса развития белорусской идентичности, анализ внешних и внутренних (глобальных, региональных, локальных) факторов, воздействующих на этот процесс, представляет чрезвычайную актуальность в современных условиях. Целью данной статьи и является анализ указанных проблем.

В области прогнозирования моделей развития национальной идентичности населения Беларуси степень неопределенности возрастает не только по причине внутренних тенденций белорусского общества (естественная смена поколений и этнического состава, рост уровня образованности населения), но и в связи с изменчивостью глобальных трендов, геополитической ситуации в мире, степени выраженности публичного интереса к проблемам идентичности и точности замеров самоидентификации населения посредством социологических опросов. Современная эпоха отбросила многие прежние прогнозы, предвещавшие гибель национальных государств и наций как субъектов социального действия на мировой арене. В условиях глобализации и интеграции мирового сообщества в социальных науках возрождается интерес к национальному государству как субъекту социального развития и национальной идентичности и как предмету научного исследования. Нацио-

нальное государство не исчерпало своего потенциала: так, на постсоветском пространстве везде отмечается рост интереса к национальным проблемам.

Укажем основные внешние факторы, которые воздействуют (причем неоднозначно) на функционирование и изменение белорусской идентичности. Прежде всего, это глобальные СМИ и Интернет. Хотя число белорусских пользователей Интернета уступает западноевропейским странам, в глобальную паутину подключены более половины представителей городской молодежи, интересы и запросы которой, удовлетворяемые Интернетом, в принципе невозможно поставить под контроль. Электронные СМИ делают государственные границы проницаемыми повсюду в мире.

Влияние Интернета на идентичность опосредовано изменением в базовых ценностях и ориентациях молодежи: за постсоветский период значительно возросла ценность досуга, мотивация на высокий заработок и снизились ориентации на содержание труда, коллектив, политическую активность [3, с. 106]. Среднее и старшее поколения находятся под меньшим воздействием данного фактора: для этих групп более значимую роль играют СМИ: телевидение, газеты, из которых черпается основная информация о политических и социально-экономических процессах, идущих на пространстве СНГ и Евросоюза. Если фактор миграции не столь существенен для Беларуси по сравнению с Украиной или Молдовой, то международный туризм стал типичной формой проведения отпуска для значительной части белорусов: ежегодно из страны выезжает намного больше людей, чем въезжает с теми же целями. Вместе с сувенирами, белорусы привозят новые впечатления, информацию о зарубежье, что влияет на их самооценку, мировоззрение. Комплексное воздействие внешних факторов можно анализировать не по отдельности, а лишь по общим результатам – динамике базовых социокультурных ценностей, а через них – и динамике основных типов идентичности населения.

Среди внутренних факторов в условиях Беларуси ведущую роль играют не те, которые фигурируют в классических теориях формирования национальной идентичности: этнос, национальность, язык титульной нации. В силу известных условий исторического развития Беларуси эти факторы не только не доминируют, но практически вообще мало влияют на современные идентификационные процессы, что вызывает много споров и недоумения у зарубежных исследователей, пытающихся приложить к Беларуси те же модели идентичности, которые «работают» в России или Украине [4]. Русский язык остается самым используемым языком повседневного общения среди граждан Беларуси [5]. Поскольку Республика Беларусь выстраивает свою политику гражданства не на основе «крови», а по критерию проживания на ее территории, постольку гражданами являются все население, независимо от этнического происхождения или владения языком титульной нации. Данный территориальный принцип, лежащий в основе политики гражданства и ряда западных стран (напр., Франции), позволяет всем жителям Беларуси пользоваться равными правами и идентифицировать себя белорусами не по крови и языку, а по принадлежности к белорусскому государству. Признание равными двух государственных языков «размывает» примордиальные критерии современной национальной идентичности и одновременно лишает оснований раскола белорусского общества по принципу выделения титульной нации и меньшинств – одного из четырех базисных принципов идентификации, выделяемых в США [6].

Религиозный критерий национальной идентичности также не «работает» в современной Беларуси, несмотря на его существенную значимость в прошлом, когда (напр., в XIX в.) этничность населения определялась его религиозной принадлежностью: православный – белорус, католик – поляк. Во-первых, лишь около половины населения определяется сегодня в связи с религиозными конфессиями. Во-вторых, для большинства тех, кто считает себя православными (а таких около 80%), это, скорее, социокультурная, а не религиозная идентичность: белорусское население (как, впрочем, и

российское, и украинское) в массе не знает религиозных догматов, не посещает церковь регулярно, не отправляет обрядов [7, с. 241–258]. Представители других конфессий несколько более втянуты в формальную религиозную жизнь, но их меньшинство, поэтому на уровне национальной идентичности эти группы мало заметны. Поэтому для современных белорусов национальная идентичность есть прежде всего их социокультурная «мы»-группа (несколько таких групп) вне религиозных и этнических различий (хотя последние и не отменяются).

Большую роль в современной множественной идентичности населения играют такие социокультурные критерии, как образование, принадлежность к профессиональной группе, следование определенному образу жизни, нравственным принципам. Эти критерии связаны с социальным положением людей, доходом: для поддержания того или иного образа жизни, получения образования нужны средства. Поэтому социально-классовое разделение общества (кстати, тоже выделяемое в книге Липсета и Роккана в числе основ идентификации населения современного общества) остается актуальным. Сегодня среди социальных вариаций самоидентификации, по данным мониторингов Института социологии НАН Беларуси, 20–25% населения «часто» выбирает свою «мы»-группу по достатку, статусу, т.е. по критериям социальной дифференциации. Эти эмпирические данные свидетельствуют о более высоком расслоении белорусского постсоветского общества (и наличии социального неравенства в нем), чем при советской власти. Вряд ли можно считать этот рост результатом глобальных влияний на Беларусь. Скорее это результат продолжающихся рыночных реформ в белорусском обществе. Данный тренд показывает, что главная социальная ценность, выбираемая как важная большим числом постсоветских граждан, – социальное равенство – становится скорее абстрактным принципом, чем воплощенной реальностью.

Среди других ценностей, разделяемых абсолютным большинством, выделяются семья и друзья, т.е. малые группы: они на порядок опережают ценности, разделяемые на уровне больших социальных групп. Единственным исключением является возрастной критерий: с людьми одинакового возраста (поколения) идентифицируют себя две третьих респондентов («часто» – более трети), однако данная группа является социально-возрастной и поэтому не может сравниваться с такими группами, как нация, класс или территориальная общность. Превалирование в самоидентификации малых групп над большими социальными группами свидетельствует о незавершенности трансформационных процессов на всем постсоветском пространстве: население до конца не определилось в новых социально-политических и экономических условиях, кто же они, каковы их «мы»-группы. Сходные с белорусскими результаты были получены в России и Украине [8, с. 9–28; 9, с. 35].

Исходя из этой незавершенности процесса идентификации, могут быть созданы разные модели развития национальной идентичности на постсоветском пространстве, реализация которых в конкретной стране будет зависеть от указанных выше внешних и внутренних факторов. На основе данных республиканского мониторинга (2008г.) можно говорить о том, что белорусская идентичность является многосторонней, где ни одна большая идентификационная группа не доминирует. В рамках этой модели сосуществуют разные идентичности, которые имеют практическую или символическую значимость для разных сегментов белорусского населения.

Можно говорить о наличии таких типов национальной идентичности белорусского населения, как собственно гражданский (выбирают часто – 30%, всего – 54%), территориальный (26% и 53% соответственно), локально-«тутэйшы» (25% и 57%), советский (17% и 35%) и собственно этнонациональный (30% и 54%).

Наглядное представление о приоритетных типах идентичности дает таблица, в которой представлены ответы белорусских респондентов на вопрос, с кем они себя отождествляют и как часто.

Таблица – Основные типы идентичности и интенсивность их выбора

Идентификационная группа	Часто	Редко	Никогда
Со всеми гражданами Беларуси	30	24	14
С людьми Вашей национальности	30	24	15
С жителями вашего села, города	25	32	20
С жителями Беларуси	26	27	17
С советским народом	17	18	26

Данные таблицы, а также данные других национальных опросов за последние годы показывают, что наряду с гражданской и территориальными типами идентичности можно говорить о значимости типа этнонациональной идентификации. Однако для белорусского народа в повседневной практике она несущественна (т.е. не является практическим критерием выбора), ибо более четырех пятых всего населения – этнические белорусы. Поэтому отношения между людьми обычно определяются не этничностью, а социокультурными различиями, базовыми ценностями. Критерий же этничности (национальности), судя по приведенным данным последнего национального мониторинга, «часто» выбирают менее трети белорусов, тогда как остальные выбирают его «редко» или «никогда», или затрудняется в оценке его значимости. Поскольку в последние годы ни один из типов не доминировал, вряд ли можно ожидать, что ситуация изменится в ближайшем будущем. Скорее всего, все указанные типы сохранятся.

Если представить указанные типы идентичности как эмпирические модели развития идентичности на ближайшее будущее, можно с высокой долей вероятности определить их перспективы. Очевидно, советская модель идентичности будет исчезать по мере естественного убывания доли населения, социализированной в прежнюю эпоху. Идентификацию с советским народом сохраняют сегодня только люди от 50 лет и старше. Этот тип идентичности постоянно теряет своих приверженцев, и не только в Беларуси. По данным 2007 г., и в России такой тип идентичности разделяют менее одной пятой населения, что подтверждает ее уходящий характер несмотря на сохраняющуюся у части населения тоску по советским временам. Россия, как и Беларусь, пока еще «находится на промежуточной стадии – между распадающейся идентичностью советской и пока до конца не состоявшейся российской национально-государственной идентичностью» [10, с. 12].

Вместе с тем в Беларуси в последние годы отмечен рост гражданской идентичности населения при сохранении неизменного уровня этнонациональной идентичности. Эта тенденция может развиваться и в будущем, что соответствует тенденциям развития в странах мира, которые считаются наиболее развитыми (в отличие от ряда стран Африки и Азии, где сильны этнонациональные типы идентичности). Данный фактор будет оказывать позитивное влияние на политическую ситуацию в Беларуси: тормозить любые возможные конфликты на этнонациональной почве, смягчать возможные миграционные напряжения.

Указанные типы идентичности соответствуют эмпирически выявленным доминирующим социокультурным ценностям белорусов на современном этапе, а именно социальный порядок, свобода, благополучие. В то же время они прямо не связаны с ценностями семьи, детей, здоровья.

Достаточную устойчивость проявляют территориальный и локальный типы идентичности, т.е. отождествление себя либо с жителями страны, либо с жителями своего города, деревни. Эти типы идентичности ассоциируются с историческим наследием прежней

многокультурности населения времен Великого княжества Литовского и царизма, когда Северо-западный край России был не только периферией Российской империи, но и чертой еврейской оседлости, поэтому здесь жили люди самых разных национальностей, и толерантность и в городе, и в селе была высокой.

На основании эмпирических данных выделим ряд закономерностей развития национальной белорусской идентичности, которые имеют эвристический потенциал и помогают сконструировать возможные изменения в соотношении тех или иных типов идентичности.

Прежде всего имеет место диалектическая взаимосвязь и взаимовлияние внешних и внутренних факторов в процессе формирования и поддержания развития национальной идентичности. При усилении воздействия глобальных тенденций снижается влияние внутренних факторов; общее направление развития национальной идентичности приобретает больше универсализма, нежели сохраняет специфики. В обратном случае, когда на первый план выходят внутренние факторы (внутренняя мобилизация населения, сильная национальная идеология либо политическая изоляция страны), националистические элементы могут иметь большее развитие в рамках тех или иных форм и типов национальной идентичности. Хотя эта закономерность выявлена на основе белорусских реалий, она имеет общенаучное значение. Например, она прослеживается на изменениях польской идентичности: после вступления страны в Евросоюз и культивирования общеевропейских ценностей, там имеет место рост европейской идентичности [11].

Вторая новая закономерность развития белорусской идентичности – рост гражданской идентичности как приоритетного (но не единственного!) паттерна, на который в последующем могут ориентироваться другие постсоветские страны. На сегодня гражданскую идентичность как важную выбирает часто только одна треть. Однако этот показатель из года в год растет.

Важнейшей предпосылкой для проявления данной закономерности выступает устойчивость социально-экономического развития Республики Беларусь на современном этапе, которую можно рассматривать как притягательную модель для других постсоветских стран. На сегодня гражданская идентичность не более распространена среди населения, чем территориальная, локальная или этно-национальная.

На этом основании можно предположить, что тип этно-национальной идентичности будет долго сохранять свои позиции в Беларуси, но в то же время столь же важными для самоопределения населения останутся и религиозные различия (и, соответственно, идентичность), и славянская самоидентификация. Оставаясь реально признаваемыми, эти различия имеют больше символический смысл, чем политический или прагматический, однако для самоидентификации этого достаточно. На житейском уровне белорусы не задумываются о религиозной или этнической принадлежности друг друга, поэтому вряд ли можно ожидать в Беларуси нового витка «этно-национальной мобилизации» в будущем, если таковая не имела место даже в эпоху распада СССР. Это не означает, что люди потеряют свою национальную принадлежность: сохраняя ее, они, вероятно, не будут ее расценивать как важный показатель или критерий сплоченности или разъединенности, включения или исключения из «мы»-группы, т.е. групповой идентичности. Однако подчеркнем, что среди всех современных типов национальной идентичности и моделей ее будущего развития только модель гражданской идентичности не имеет ограничений. Поэтому вполне естественно ожидать ее дальнейшего развития.

Наивно полагать, что рост гражданской идентичности населения решит все проблемы интеграции нашего общества. Количественные методы не позволяют выявить, какой смысл вкладывают респонденты в это понятие, насколько глубоко осознают, что означает «быть гражданином Беларуси». Скорее всего рост гражданской идентичности как типа национальной белорусской идентичности пока просто отражает адаптацию населения к существованию нового государства – Республики Беларусь. Пока само государство не станет достаточ-

но сильным, не определится до конца со своим местом в постсоветском мире, трудно ожидать, что его граждане будут определять и свою гражданскую идентичность как доминирующую. Полагаем, что с укреплением белорусского государства и развитием гражданского общества будет укрепляться и гражданское сознание белорусов, и их национально-гражданская идентичность.

Третья закономерность развития национальной белорусской идентичности состоит в замедлении (вплоть до резкого снижения) уровня самоопределения населения по европейскому критерию. Так, в опросе 2009 г. на вопрос, ощущаете ли вы себя европейцем, чувствуете ли свою принадлежность к культуре и истории европейского общества, положительно ответили лишь 37% респондентов, отрицательно – почти 68% [12]. В проведенном годом раньше опросе студентов Минска лишь 13% сказали, что в полной мере чувствуют себя европейцами [13, с. 299].

Возможно, эти показатели в значительной мере стали результатом длительной политической изоляции Республики Беларусь со стороны западных соседей: в эти годы реальная жизнь и политическая пропаганда способствовали тому, что население, включая молодежь, чувствовало себя выброшенным из европейского пространства. Вполне вероятно, что программа Восточного партнерства, в которую в 2009 г. вступила Беларусь наряду с пятью другими бывшими советскими республиками, приведет к снижению уровня негативной европейской самоидентификации белорусов и что в будущем белорусы будут себя чувствовать европейцами не в меньшей мере, чем, например, поляки или литовцы. Однако на сегодня данная закономерность четко зафиксирована на всем постсоветском пространстве: так, в Украине, по данным мониторингов, европейская идентичность снизилась с 1992 по 2008 гг. в восемь раз, превратившись в практически незначимую величину [14, с. 35]. Сходная ситуация зафиксирована в России на молодежной выборке [15]. Видимо, укрепление Евросоюза и конструирование новых барьеров (как символических, так и политических, экономических, военных) между ЕС и постсоветскими странами, не вошедшими в это объединение, привело к снижению взаимного интереса двух субнациональных общностей, что и выразилось в резком падении европейской идентичности, в то время как славянская идентичность у населения постсоветских стран имеет тенденцию роста.

На основании эмпирических данных постсоветских стран можно говорить о такой закономерности развития национальной идентичности, как медленный темп изменения типов идентичности населения. Эта закономерность проявляется в сохранении территориального и локального типов, что связано с устойчивыми стереотипами сознания. Вместе с тем в тех регионах, где население является национально неоднородным (как в России) наблюдается совсем иная ситуация. Как отмечает Л.М. Дробижева, в Москве и Санкт-Петербурге, где имеется большой приток иммигрантов и где социальная дифференциация более наглядна, а недовольство ею переносится на этническую почву, этническая идентичность столь же значима, как и гражданская. В других российских регионах, где доминирует русское население, этническая идентичность намного менее масштабна [16, с. 102]. Таким образом, данный тип идентичности в современном обществе уже нельзя рассматривать как примордиальный: он в значительной мере может конструироваться.

Наконец, закономерностью формирования современной белорусской идентичности является ее плюрализация. Она проявляется в одновременном развитии как гражданской, так и этно-национальной и территориальной идентичностей. Важными факторами, стимулирующими плюрализацию идентичности, являются региональные политические особенности развития (неясный статус союза с Россией, сложные амбивалентные отношения с Евросоюзом). В этом плане внешние факторы оказываются сильнее внутренних (национальная идеология, политика в области языка, мобилизация), тогда как глобализация вообще стимулирует развитие плюралистичной идентичности у населения всего мира.

Выявленные закономерности развития белорусской идентичности позволяют создать научный фундамент для концептуализации путей укрепления и сохранения национальной идентичности населения Беларуси как национально-гражданской идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Rebounding Identities: The Politics of Identity in Russia and Ukraine. – Washington : W.W.Center, 2006.
2. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М. : Хранитель, 2006.
3. Данилова, Е.А. Социодинамика ценностей молодежи Республики Беларусь / Е.А. Данилова // Социология. – 2008. – № 4.
4. Stepanenko, V. Social Construction of Identity and School Policy in Ukraine. / V. Stepanenko. – New York, 1999.
5. Гапова, Е.О политической экономии «национального языка» в Беларуси / Е.О. Гапова // *Ab Imperio*. – 2005. – № 3.
6. S. Lipset and S. Rokkan (eds.) *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. – New York : Free Press, 1967.
7. Titarenko, L.G. On the Shifting Nature of Religion during the on-Going Post-Communist Transformation in Russia, Belarus and Ukraine / L.G. Titarenko // *Social Compass*. – 2008. – № 55 (2).
8. Российская идентичность в социологическом измерении // *Полис*. – 2008. – № 3.
9. Головаха, Е. Украинское общество: социологический мониторинг 1992–2008. / Е. Головаха, Н. Панина. – К., 2008. (на укр.яз.)
10. Российская идентичность в социологическом измерении // *Полис*. – 2008. – № 3.
11. *Poles among Europeans*. – Warszawa : Scholar, 2004.
12. National surveys. 2008, in [http:// www.iiseps.org](http://www.iiseps.org); Last access: 28.04.2009.
13. Титаренко, Л.Г. Перспективные модели развития национальной идентичности белорусов / Л.Г. Титаренко // Системная трансформация общества: исторический опыт, современность, перспективы. Сб. науч. трудов. – Вып. 6. – Брест : БрГТУ, 2009.
14. Головаха, Е. Украинское общество: социологический мониторинг 1992–2008. / Е. Головаха, Н. Панина. – К., 2008. (на укр.яз.)
15. Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. – М. : Институт социологии, 2007.
16. Дробижева, Л.М. Гражданская идентичность в Москве и регионах / Л.М. Дробижева // *Вестник РУДН. Серия Социология*. – 2008. – № 3.

Titarenko L.G. Regularities of the Development of Belarusian Identity Under Conditions of Multiple Global and Regional Factors

The article deals with the analysis of the process of development of Belarusian identity. The author describes the types of identity and factors (internal and external) that influence the process of identification. The paper discovers the regularities of the process of identity formation: its dialectical character, its plurality, the slow development of civic identity, preservation of such types as ethno-national, religious, territorial, and local identity. Special attention is paid to the European identity of the Belarusians. In conclusion the author describes under which conditions the speed of development of civic identity will be increased.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 05.01.2010

УДК 338.48

Т.И. Яковук

ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ ТУРИЗМА ОТ ПАЛОМНИЧЕСТВА ДО РЕКРЕАЦИИ: ВИКТОР ТЕРНЕР, ЭРИК КОЭН, НЕЛЬСОН ГРАБЕН

В статье прослеживается долгий путь развития феномена туризма от паломничества, совершаемого в поисках идентичности, до понимания туризма как символической модели жизни. Эволюция туризма рассматривается на основе концепций известных западных социологов туризма Виктора Тернера, Эрика Коэна и Нельсона Грабена. В их подходах определяется роль туризма в социокультурной жизни западного человека, анализируются условия возникновения массового туризма, а также отмечается, что в ходе развития туристического движения произошло изменение целей и мотивов совершаемых поездок, оправданием которых для окружающих в наше время служат не только выезды к духовным «центрам», но и поездки с целью посещения туристических достопримечательностей, развлечения и рекреации.

Как известно из истории туризма, путешествия явились результатом развития социокультурного феномена паломничества к святым местам.

В связи с этим нам представляется необходимым остановиться на теории Виктора Тернера, серьезно интересовавшегося лишь такой формой путешествия, как паломничество. В то же время исследователь предложил исключительно интересную теоретическую концепцию анализа феномена путешествия – так называемый процессуальный анализ, опирающийся на идею *rites de passage* [5].

По мнению В. Тернера, ритуалы перехода – это ритуалы, сопутствующие любому изменению места, положения, социальной позиции или возраста [5, с. 94]. Каждый из таких ритуалов перехода состоит из трех фаз.

Первая фаза – это отделение, сепарация. Сюда относится поведение, символизирующее «отрыв» личности от группы, от определенного «положения», каковым является строго определенное место в социальной структуре или в культурных условиях. Вторая фаза названа ученым лиминальной, пороговой, разграничивающей. Это фаза прохождения через культурную реальность, в которой незначительно представлены, а, возможно, вообще отсутствуют свойства как прошлого, так и будущего состояния. Лиминальность, перешагивание через порог – это состояние зависания, состояние «между». Перешагивающий индивид не находится ни здесь, ни там. Примером этого зависания у Тернера являются прежде всего неофиты. Наконец, последняя фаза – фаза агрегации, реинкорпорации, последующего включения в структуру. Ритуальный субъект – личность или группа – вновь обретает сравнительно стабильное состояние и благодаря этому получает новые права и обязанности четко определенного «структурного» типа.

Понятие лиминальности Тернер связывает с противопоставлением двух форм социальной жизни: структуры и коммунитас. Что касается коммунитас, то тут все просто – коммунитас противопоставляется структуре, иерархии социальных связей, т.е. структура – это государство, касты, цепь подчинения сверху донизу, а коммунитас – это нечто архетипическое, это образование, берущее свое начало в глубинах архаических общин и подчиняющееся магическим и природным ритмам. Лиминальность – одно из проявлений коммунитас в брешах структуры. Исследователь задается вопросом: почему лиминальные ситуации и роли почти везде наделяются магико-религиозными свойствами и почему их так часто следует рассматривать по отношению к людям, объектам, событиям как опасные, зловещие или как те, которые ритуально не вовлечены в лиминальный контекст. По мнению Тернера, все прекращающиеся проявления коммунитас людьми, занятыми поддержанием «структуры», воспринимаются как в перспективе опасные и анархические, и поэтому на них накладыва-

ются различные запреты, предписания и ограничения. Однако далее Тернер заявляет о том, что если попытаться полностью избавиться структуру от проявлений коммунитас, то вследствие этого возникнет напряжение и долго такая структура не проживет [5, с. 203].

Тернер считает, что все паломничества великих мировых религий носят лиминальный характер. Эти паломничества являются «институализированной или символической формой «антиструктуры» (или «метаструктуры»), которая охватывает самые важные ритуалы, инициации периода созревания в племенных обществах. ... Лиминальность паломничества длительнее, чем иных ритуалов инициации» [5, с. 204]. Паломничества наполнены эмоциональной напряженностью и религиозной атмосферой. По мере прохождения пути паломничество, с одной стороны, все больше принимает сакральный характер, потому что приближается к объектам сакрального культа, а с другой стороны, оно становится все более светским, поскольку паломник должен справляться со все более сложными реальными угрозами и неудобствами. У Тернера основной функцией паломничества как ряда ритуалов перехода является то, что они (ритуалы перехода) «вытаскивают» людей из их повседневных структур и рутины, чтобы в последующем «уместить» их в совершенно иных контекстах. Паломничество носит лиминальный характер, оно является интервалом между двумя разными периодами интенсивного включения в структурированную социальную экзистенцию. В феодальном обществе паломничество выполняло стабилизирующую функцию. В современной жизни в них принимает участие количество людей большее, чем когда-либо ранее, но в то же время, как отмечает исследователь, паломничества уже не так интегрированы, как это было в средневековой Европе и Азии, они уже не создают какой-либо более широкой социокультурной системы.

К концепции Тернера обратился в своей теории феноменологии туристического опыта один из ведущих социологов туризма, израильский исследователь Эрик Коэн [2]. С начала 70-х годов XX в. исследователь публикует в социологических журналах статьи, пропагандирующие социологию туризма, в частности, международный туризм, как социологическую дисциплину. По Коэну, феномен массового путешествия возникает тогда, когда отношение человека Запада ко всему остальному миру подверглось принципиальному изменению. До появления массового туризма он игнорировал другие общества, иные культуры и трактовал свой малый мир как Космос. Все лежащее вовне являлось для него таинственным и неизвестным, а значит опасным и пугающим. Этот отнюдь не казавшийся реальным внешний мир мог, таким образом, вызывать лишь опасения или, в лучшем случае, безразличие [2, с. 165].

Разрыв в западном мире с этой традицией, с изначальным предубеждением происходит лишь в начале XIX века. Оба подхода – традиционный и современный – имеют значительные различия. Традиционный человек покидал свою среду только в экстремальных ситуациях, в то время как человек современный легче ее покидает и легче адаптируется к новой среде. Более того, «он интересуется предметами, пейзажами, обычаями и культурами, отличающимися от собственной именно потому, что они другие» [2, с. 165]. Инаковость, новизна, отличие, ранее будившее страх, постепенно начинают цениться, а их познание и переживание приносить чувство удовлетворения. «Спрос» на туризм возникает именно тогда, когда инаковость становится ценностью самой в себе. Опыт новизны и инаковости становится сущностью туристического опыта. Однако, отмечает Эрик Коэн, даже современный человек не способен полностью «погружаться» в чужую среду. Поскольку люди укоренены в собственной культуре и в собственных привычках, то пребывание в полностью иной среде даже в наше время часто воспринимается как дискомфортное. Большая часть туристов ощущает в путешествии по чужому миру необходимость наличия в своем окружении чего-то своего. Чего-то, что припоминало бы им «дом». Это может быть еда, к которой они привыкли, газета, которую читают по утрам, или просто попутчик той же национальности. Оказывается, что вышеупомянутое удовольствие от контакта с инаковостью многие туристы

предпочитают ощущать в безопасных местах, каковыми являются такие хорошо знакомые им институты, как, например, отели, рестораны или транспортные средства.

Отсюда опыт туриста – это опыт в равной степени как инаковости, так и родного, «безопасности старых привычек и увлечения переменами» [2, с. 166]. Люди отличаются между собой готовностью соприкосновения с новой средой и изменения старых привычек. Принимая во внимание континуум инаковости – родного, Коэн выстроил типологию туристов. Исследователь выделил четыре социальные роли туриста и соответствующие им четыре типа туристического опыта. Две первые роли относятся к ролям институциональным, две последующие – к ролям неинституциональным. Институциональные роли – это такое поведение туристов, которое тщательно определено туристическими организациями: туристическими бюро, транспортными фирмами, гостиничными сетями. В противоположность им неинституциональные роли – это роли открытые, не определенные туристическими институтами. Исследователь отмечает, что институциональный туризм, несомненно, оказывает огромное влияние на культуру и общество хозяев путем создания новых рабочих мест, формирования новых социальных функций, в то время как влияние туризма неинституционального менее заметно.

Современный массовый туризм, по мнению Эрика Коэна, в высокой степени институализирован: путешествие стандартизируется, «упаковывается» (пэкидж-тур или туристический пакет) и продается как готовый продукт. Оно создает впечатление настоящего приключения, призванного доставить опыт, связанный с новизной, и не подвергать при этом туристов каким-либо неудобствам. Главной целью массового туризма становится посещение аутентичных туристических достопримечательностей, привлекающих туристов, если таковые в действительности имеются в определенном регионе, а также и искусственных, придуманных для привлечения новых волн потребителей туристических услуг. При этом оказывается, что даже аутентичные достопримечательности совершенствуются во имя возрастания спроса на их потребление. Естественные пейзажи переделываются под еще более «красивые». Перестраиваются парки, реформируются традиционные праздники и церемонии, старые здания превращаются в живые музеи, как это имеет место в случае с израильской Акрой или Старым Чикаго. Концепция туристической достопримечательности израильского исследователя Эрика Коэна оказалась весьма перспективной для изучения туристического движения, в 70-х годах XX века она была развита и представлена на новом уровне Дином Мак-Кеннелом в книге «Турист. Новая теория праздного класса», ставшей классикой социологии туризма [4].

Наряду с трансформацией туристического движения Коэн отмечает также нарастающую тенденцию стандартизации туристических услуг. Его особенность заключается в том, что где бы ни находился турист, оказывается, что отели, автобусы, рестораны и др. услуги будут одинаковы, т.е. точно такие же, как, например, в США или в странах Западной Европы. Для сохранения новизны добавляется лишь немного местной экзотики, а локальные рестораны к общепринятой французской кухне добавляют лишь несколько блюд кухни национальной, которые отнюдь не рекомендуются к употреблению местными резидентами отечественных туристических фирм, поскольку они могут оказаться неприятными на вкус или вызвать последующее осложнения здоровья¹.

Трансформация туристических достопримечательностей и стандартизация уровня услуг ведут, в свою очередь, к стандартизации туристического опыта и редукции богатства местной культуры до уровня стереотипов. Турист еще до выезда знакомится с

¹ Так, например, в настоящее время в Египте туристам не рекомендуется употреблять блюда местной кухни, в частности, морепродукты, поскольку они могут вызвать расстройство желудочно-кишечного тракта, называемое «местью Клеопатры». Желаящим все-таки приобщиться к египетской экзотике рекомендуют обязательно употреблять алкоголь, призванный снизить риск заболевания.

рекомендованными для осмотра достопримечательностями, месте туристического пребывания эти же достопримечательности указаны в туристических информаторах, брошюрах, часто обозначены указателями на местности. Местные гиды сокращают информацию до того уровня, который следует показывать иностранцам. Стандартизация опыта, отмечает Э. Коэн, приводит к тому, что для туриста важны лишь достопримечательности, а не культура посещаемых стран. Страны же при этом становятся взаимно «заменяемыми», потому что едут не в Грецию, Испанию или Марокко, а едут на «какой-нибудь пляж», не в Париж или Амстердам, а «посмотреть какой-нибудь Старый город». На месте к самой достопримечательности туристов часто доставляет самолет и, при этом оказывается, что у них отсутствует минимальная возможность контактировать с местным населением.

Э. Коэн указывает также на парадоксальность массового туризма, заключающуюся в том, что, с одной стороны, поиск разнородности, новизны, инаковости является двигателем туризма, а, с другой стороны, их качество ухудшается по мере развития институционализации туризма. В популярных, с туристической точки зрения, странах и местностях туристическая инфраструктура и достопримечательности отделены от остальной культуры и общественной жизни местных жителей. Примером этому может служить, например, тот факт, что посещения туристами церквей, государственных зданий и национальных памятников, имеющих важное символическое значение, приводит к тому, что их все реже посещает местное население [1, с. 172]. Таким образом, выделение туристических зон приводит к их постепенной социальной изоляции. Турист путешествует по миру сам в себе. В конкретной местности он контактирует лишь с обслуживающим его персоналом, местное население воспринимает туриста как нечто не реальное. У них совершенно нет возможности для взаимных контактов. При этом в крайних случаях оказывается, что определенная часть услуг предоставляется лишь иностранцем. В качестве примера Э. Коэн приводит магазины «Березка», отовариваться в которых могли за валюту лишь иностранцы, либо за чеки немногочисленные советские граждане, работавшие за рубежом [1, с. 173].

Росту изоляции способствует то, что Э. Коэн называет «коммуникационной дырой». По мнению исследователя, туристические путеводители и туристическая литература отнюдь не являются информационным инструментом – их цель заключается в воздействии на принятие решения о покупке того или иного туристического продукта. Их авторы, как правило, представляют страну посещения в перспективах туристического бизнеса, часто заграничного. На эту «коммуникационную дыру» влияет то, что туристы часто не знают языка страны посещения, а без такого знания они не в состоянии путешествовать самостоятельно и «проникать» в культуру хозяев. По мнению Коэна, грустной иронией является то, что современный институализированный туризм вместо того, чтобы развеивать мифы, служит их созданию. При этом с ростом туристического движения наблюдается нарастающая институализация и стандартизация туризма, а значит, увеличивается число барьеров между туристами и страной хозяев. То, что до сих пор являлось формальным барьером между странами, превращается в неформальный барьер внутри страны [1, с. 174].

Следующий парадокс современного туризма, по мнению израильского социолога, заключается в роли «открывателя». Он невольно является плацдармом массового туризма. Открывая интересные и неизведанные до сих пор места и делясь своими впечатлениями, туризм тем самым открывает возможность для их дальнейшей коммерциализации. Т.е. туризм выполняет роль прежнего «путешественника». Результатом таких действий является сокращение пространств, не охваченных туризмом.

Более поздние тексты Коэна, основанные на социологических исследованиях, посвящены проблемам пешеходного туризма среди горных племен Тайланда. В них

продемонстрирована нарастаючая каммерціалізацыя альтэрнатывнага турызма і маркетывага іспользаваўне «альтэрнатывнага», «естественности», «простоты» [2]. В своих выводах автор отмечает появление «кокона», например, тогда, когда горные племена угощают пришельцев не той пищей, которую употребляют сами. Еще нет инсценировки достопримечательностей, специально подготовленной для туристов, но уже есть то, что исследователь назвал коммуникационной инсценизацией. Автор имел в виду процедуру селективности туристических путеводителей, проявляющейся, с одной стороны, в полном отсутствии упоминания проблем аборигенов, а с другой стороны, гиперболизации определенных элементов, например, традиций, «цивилизационной нетронутости» или даже обыкновенной дезинформации, например, о неизменности жизни аборигенов на протяжении столетий.

Знаменитая статья «Феноменология туристического опыта. Социология» является самым важным, с точки зрения социологии туризма, текстом исследователя Эрика Коэна [1]. Она посвящена полемике с социологией туризма Д. Маккеннела. В этой значимой социологической рефлексии туризма исследователь опирается на вышеупомянутую концепцию Виктора Тернера и концепцию Мирче Элиада о существовании в каждой религии «священной сферы абсолютной реальности», которую он называет центром. Этот центр не должен быть обязательно здесь, он может располагаться где-то даже очень далеко и к нему следует совершать паломничество. Коэн не трактует центр как исключительно религиозный феномен, считая, что каждая общность имеет свой «харизматический центр» наивысших ценностей, таких, как, например, монархия. Он считает также, что личность может иметь лишь один такой центр, но при этом признает, что в действительности встречаются люди, имеющие по два и более духовных центра. По мнению исследователя, если человек совершает путешествие, то это означает отсутствие чего-то в повседневной реальности, ради чего стоит совершить далекое путешествие. Это нечто для Коэна является основой феноменологической типологии туристического опыта.

Весьма значительный вклад в осмысление феномена туризма внес также американский антрополог Нельсон Грабен, автор часто цитируемой статьи «Туризм – священное путешествие», опубликованной в оксфордском сборнике «Хозяева и гости. Антропология туризма» [3]. Грабен трактует туризм как одну из сфер экспрессивной культуры, как одну из областей, которая наряду с искусством, обрядом или спортом противопоставляется действительности и ради которой «стоит жить». «Туризм, – по мнению исследователя, – не является чем-то универсальным, он лишь функциональный и символический эквивалент иных институций, используемых человеком для украшения и придания смысла жизни» [3, с. 17]. Так, подобными предшественниками и субститутами туризма были путешествия жаков по средневековым университетам, крестовые походы и паломничества.

Исследователь решительно противопоставляет туризм работе. Туризм – это не работа. Это рекреация. Это тесно связанное с путешествием развлечение, форма отвлечения от повседневных проблем, работы и дома, это «освобождение от звонящего телефона» [3, с. 18]. Организм человека требует определенного оптимального уровня возбуждения. Человек убегает в равной степени и от скуки, «потому что мы никуда не выезжаем», и от чрезмерных впечатлений, как в известном фильме: «... Если сегодня вторник, значит мы находимся в Бельгии». Туризм – это добровольное путешествие, противопоставленное скуке, работе и командировкам. Обосновывая такое противопоставление, исследователь утверждает, что европейские крестьяне, как и жители Восточной Азии, имеют прочно закодированную символическую границу, отделяющую работу от путешествий и развлечения. Работа и отдых – это два противоположных способа существования. Каникулы несут в себе сильный магический элемент. Даже «туристи-

ческий минимум», каковым является завтрак в саду, несет в себе заряд чего-то необычного, магического. Этот магический элемент имеет для индивидов различную значимость. Отсюда бытие путешественника – это не только удел богатых. Часто в путешествии отправляются бедные студенты, а хорошо обеспеченные люди при этом не сдвигаются с места. Противопоставление туризма работе – это часть более фундаментальной оппозиции священного и профанного, мирского. Противопоставление «священных» каникул «светской» обыденности упрощает восприятие протекания времени. Этот феномен отражается в языке, когда вместо упоминания даты говорится, что «это было в том году, когда мы были в Риме» или «это был наш последний день в Париже».

Путешествие у Грабена является символической моделью жизни. Выезжая из дома, люди символически «умирают», что находит свое выражение в прощании с самыми близкими людьми и в различного типа инструкциях, какими наделяются отъезжающие «на всякий случай». Символическое же возвращение к жизни, возвращение наших социальных ролей часто бывает культурным шоком: «последний день каникул» вызывает одновременно ностальгию о том, что заканчивается, и радость от предвсущаемого возвращения домой. Многие люди уже в этот момент начинают мечтать о каникулах. Исследователь подчеркивает, что в условиях потребительского общества у ориентированных на индивидуализм жителей Запада каникулы вообще являются лучшей частью их жизни.

Исследователь отмечает также, что у большинства путешествий есть определенная цель. Отправляясь в путешествие, отводя на выезд значительную часть времени и денег, путешественник должен представить своему социальному окружению определенные оправдания. Прежние выезды были оправданы религиозными (паломничество) или образовательными (выезды эпохи Средневековья и Нового времени) мотивациями. Так, например, отец массового общедоступного туризма Томас Кук руководствовался двумя идеями: борьбой с алкоголизмом среди рабочего класса и демократизацией путешествий. В наше время для оправдания путешествия достаточно таких целей, как оздоровление, развлечение или желание встречи с экзотикой. У туризма своя мифология: природа, чистая вода, неотравленный воздух, даже отсутствие других людей трактуются как «лекарство» для лечения физических и психических недугов, что, в свою очередь, способствует формированию этнического и рекреационного туризма.

Привезенные из путешествия сувениры являются, по Грабену, нашим Святым Граалем, мифическим доказательством того, что мы погрузились в туристическое таинство. При этом городской турист довольствуется открытками, охотник и собиратель коллекционирует ракушек, однако может приобрести и обломки античных руин. Этнический турист приобретает изделия народных ремесел. Отправление открыток – это своего рода туристический ритуал. Его источник скрывается в необходимости жизни в общности, а открытки подтверждают наличие такой необходимости. Туризм является также проявлением снобизма и праздности, причем в разных социальных общностях предметом восхищения и признания могут быть различные дестинации (туристические пространства).

Рассматривая трактовку в классических работах западных социологов туризма феномена трансформации путешествия от паломничества, совершавшегося в поисках собственной идентичности, до современного путешествия как символической модели жизни, мы можем сделать следующие выводы:

1. Феномен изменения целей, мотиваций и способов путешествия явился предметом социологических исследований многих западных социологов, антропологов и этнографов. Так, Виктор Тернер выделил основную функцию туризма как ритуала перехода, заключающуюся в том, что в массовом масштабе паломничества «вытаскива-

ют» людей из их повседневных структур и рутины, чтобы в последующем «уместить» их в совершенно иных контекстах.

2. Расширение целей и мотивов, позволивших перешагнуть через путешествие лишь с целью посещения святых мест, и возникновение феномена массового туризма, по мнению Эрика Козна, было связано с принципиальным изменением отношения человека Запада ко всему остальному миру. Безразличное отношение путешественников к иным культурам, к эстетике выезда к XVIII веку сменилось интересом, стремлением увидеть, пережить, прочувствовать. На сегодняшний день опыт новизны и инаковости стал сущностью современного туристического опыта, а погоня за ними – движущей силой развития туристических пространств.

3. Массовый туризм в обществе потребления находится под влиянием двух парадоксальных тенденций. С одной стороны, налицо стремление к «погружению» в иную среду, с другой – растет стремление к сохранению привычного комфорта, обеспечивающего чувство безопасности. Такое путешествие способен обеспечить лишь институализированный туризм. В его условиях путешествие стандартизируется и продается как готовый продукт, который, и создает впечатление настоящего приключения, призванного доставить опыт, связанный с новизной, и не подвергает при этом туристов каким-либо неудобствам, минимизирует возможные риски.

4. Главной целью современного массового туризма становится посещение аутентичных туристических достопримечательностей, привлекающих туристов, если таковые в действительности имеются в определенном регионе, а также искусственных, придуманных для привлечения новых волн потребителей туристических услуг. При этом оказывается, что в обществе потребления даже аутентичные достопримечательности совершенствуются и модифицируются во имя улучшения их потребительских свойств.

В результате произошедшей трансформации современный туризм, согласно Нельсону Грабену, может трактоваться как одна из сфер экспрессивной культуры, как одна из областей, которая наряду с искусством, обрядом или спортом противопоставляется действительности и ради которой «стоит жить». Туризм в настоящее время уже является эквивалентом институций, используемых человеком для украшения и придания смысла жизни, а отпускное время становится лучшей частью жизни западного человека, испытывающего культурный шок от мысли о возвращении домой к повседневным делам и обязанностям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Cohen, E. A Phenomenology of Tourist Experiences. *Sociology*, "The Journal of the British Sociological Association"2: 179-199
2. Cohen E. (1989), "Primitive and Remote": Hill the Tribe Trekking in Thailand, [w:] D. McConnell (red.) *Semiotics of Tourism*, Pergamon Press, New York, Oxford, Kronberg, Points Point, Tokyo, Seoul
3. Graburn N.H.H. (1978), *Tourism: The Sacred Journey*, [w:] V.L. Smith 9red.), *Hosts and Gasts. The Anthropology of Tourism*, Basil Blackwell, Oxford
4. MacCannell D. (2005), *Turysta. Nowa teoria klasy próżniaczej*, Warszawskie literackie Muza SA
5. Turner V. (1974), *The Ritual Process. Structure and Anti-Structure*, Aldine de Gruyter, Hawthorn.

Yakavuk T.I. The Institutionalization of Tourism – From Pilgrimage to Recreation: Victor Turner, Eric Cohen, Nelson Graben

The article traces a long way of development of such phenomenon as tourism, beginning from pilgrimages aiming at the search of a person's own identity, to the development of contemporary traveling as a symbolic model of life. It also analyzes the concepts of well-known Western sociologists of tourism, such as Victor Turner, Eric Cohen and Nelson Graben. These concepts emphasize the role of tourism in socio-cultural life of Western people and the conditions of the development of tourism. Moreover, the author of the article emphasizes the shift of purposes and motives of tours in tourist movement, and the justification of this shift is expressed in the form of trips to spiritual centers as well as trips aiming at the sightseeing, entertainment and recreation.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 05.04.2010

УДК 322+338.48

Г.М. Грибов, А.И. Лысюк, М.Г. Соколовская

МОЛОДЕЖЬ И СЕЛЬСКИЙ ТУРИЗМ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье представлены результаты социологического исследования, посвященного изучению отношения белорусской молодежи к агроэкотуризму. Определены приоритеты отдыха молодых людей, а также степень привлекательности для них различных аспектов агроэкотуризма. Даны рекомендации субъектам сельского туризма по оптимизации их деятельности.

Введение

Сельский туризм для современной Беларуси является новой формой туристической деятельности, несмотря на то, что во многих европейских государствах, включая соседние Польшу и Литву, он достаточно широко развит. Перспективы его развития в нашей стране определенным образом зависят от того, как к подобному сегменту туризма относится белорусская молодежь, для которой его формат обладает существенной привлекательностью. Изучение отношения этой социальной группы к различным аспектам агроэкотуризма является целью данной работы. Для ее осуществления социологами и культурологами БрГУ им. А.С. Пушкина и БрГТУ были проведены социологические исследования, в ходе которых по квотной выборке были опрошены студенты высших учебных заведений г. Бреста. Отметим, что подобные исследования в Беларуси проведены впервые. Отдельные же аспекты отношения жителей Брестской области к развитию сельского туризма изучались в ряде работ без опоры на социологическую эмпирию [1; 2; 3].

Результаты исследования

В первую очередь нас интересовали ассоциативные ряды восприятия различных форм отдыха, характерные для современной молодежи. В результате эмпирического анализа выяснилось, что у 78,0% опрошенных отдых в первую очередь ассоциируется с известной триадой (солнце, море и песок). Оптимистическим для сельского туризма является тот социологический факт, что у немалой части опрошенных отдых вызывает ассоциации с такими его формами, которые могут быть в той или иной степени интегрированы в сельский туризм: «отдых на природе «вдали от цивилизации» (42,0% респондентов), «туристические поездки по интересным местам» (31,3%), «активные спортивные занятия» (20,7%), «сельский туризм» (6,0%).

Значительное количество респондентов ориентированы на пассивные виды отдыха, лишённые познавательности и не имеющие отношения к агроэкотуризму: «отдых дома» (20,7% опрошенных), «клубы, дискотеки» (18,0%), «просто ничего не делать» (16,7%).

У 36,0% опрошенных отдых ассоциируется с «поездкой за границу».

Обращает на себя внимание то, что аутсайдерами в восприятии отдыха являются популярные в советскую эпоху такие его формы, как «санаторий» (7,3% респондентов), «дача» (4,7%), «посещение родственников» (4,0%).

У относительно небольшой группы людей (6,7%) отдых ассоциируется с сельским туризмом, что объясняется начальной стадией его развития.

Если же, помимо ассоциативного, обратиться к прикладному компоненту отношения молодежи к отдыху, то можно определить, какие же его виды являются наиболее предпочтительными, в том числе и с точки зрения перспектив развития агроэкотуризма в Брестском регионе.

Социологическое исследование показало, что 79,3% опрошенных отдали безусловное предпочтение отдыху «на море (в горах)», а 25,3% – познавательным (и недорогим) автобусным экскурсиям. Наряду с этим молодые люди в качестве приоритетных называли некоторые виды отдыха, находящиеся в орбите агроэкотуризма: отдых «дикарем» (24,7% опрошенных), «на сельских усадьбах» (22,0%), «активные спортивные занятия» (20,0%), «продвижение по зеленым маршрутам» (14,7%), «рыбалка, сбор грибов и ягод» (14,0%) и др. (таблица 1).

Таблица 1 – Распределение ответов на вопрос: «Какой вид отдыха является для Вас наиболее предпочтительным?», %

Варианты ответа	%
Отдых на море (в горах)	79,3
Автобусные познавательные туры	25,3
«Дикарем»	24,7
В домах отдыха, санаториях	24,0
На турбазах	23,3
На сельских усадьбах	22,0
Активные спортивные занятия	20,0
У родственников	16,0
Просто ничего не делать	16,0
Продвижение по «зеленым маршрутам»	14,7
Рыбалка, сбор грибов и ягод	14,0
Шопинг	12,7
Другое	0

Важным элементом агроэкотуризма является отдых на сельских усадьбах. В результате исследования выяснилось, что только 8,7% опрошенных уже отдыхали на сельских усадьбах. Эта цифра свидетельствует о том, что представления о сельском туризме, отдыхе на сельских усадьбах в своем большинстве не являются результатом собственной практики молодых людей, а сообщены им кем-то со стороны.

Социологический опрос позволил также сделать вывод о достаточно высокой степени информированности респондентов об отдыхе на сельских усадьбах (таблица 2).

Таблица 2 – Распределение ответов на вопрос: «Известно ли Вам что-либо об отдыхе на сельских усадьбах?», %

Варианты ответа	%
Да	64,0
Нет	36,0

Возникает закономерный вопрос: из каких источников молодые люди черпают информацию об отдыхе на сельских усадьбах?

Социологическое исследование указывает на большую просветительско-информационную роль в этом сегменте СМИ. 52,0% молодых людей указали на них как на источник информации об отдыхе на сельских усадьбах. Отметим также, что вопросы отдыха на сельских усадьбах являются уже темой разговора с родными и знакомыми, на что указывают 34,0% опрошенных. 8,7% молодых людей, как отмечалось, уже отдыхали в подобном формате.

Очевидно, таким образом, что число молодых людей, отдохнувших на сельских усадьбах, пока невелико. Выяснилось также, что 50% из них выразили готовность в бу-

душем отдохнуть на сельской усадьбе, что позитивно для развития этой сферы туризма. 14,0% опрошенных подобной готовности не проявили, а 36,0% – затруднились ответить (таблица 3).

Таблица 3 – Распределение ответов на вопрос: «Готовы ли Вы в будущем отдохнуть на сельской усадьбе?», %

Варианты ответа	%
Да	50,0
Нет	14,0
Затрудняюсь ответить	36,0

В этих условиях важно понять, какие же компоненты отдыха на сельской усадьбе могут быть привлекательны для современных молодых людей?

Социологический опрос показал, что наибольшей привлекательностью обладает традиционный «зеленый» компонент – «природа», на что указали 73,3% опрошенных. Для 64,0% молодых людей особую ценность представляют утраченные в городской жизни «тишина и покой», а также «натуральные продукты» (28,0%).

Отличительной особенностью молодежи является то, что для нее отдых на сельских усадьбах интересен своей коммуникативной составляющей, а именно возможностью коллективного (с друзьями) времяпровождения (34,7% опрошенных) и «уединением с любимым человеком» (28,0%). Этот мотивационный посыл молодых людей должны обязательно учитывать хозяева усадеб, соответствующим образом организуя свои рекламные стратегии.

Существует еще одна сфера приоритетов, связанных с сельским туризмом и важных для молодежи. Речь идет о развлечениях, экзотике и романтике, на которые ориентированы около 20% опрошенных. Хозяева усадеб должны предложить своим молодым клиентам те формы и способы организации отдыха, которые связаны с сельским пространством и сельским образом жизни.

Только 5,3% опрошенных указали на то, что отдых на сельской усадьбе им интересен знакомством с сельской жизнью (таблица 4).

Таблица 4 – Распределение ответов на вопрос: «Чем для Вас может быть ценным и интересным отдых на сельской усадьбе?», %

Варианты ответа	%
Природа	73,3
Тишина и покой	64,0
Возможность коллективного (с друзьями) отдыха	34,7
Отдых от городской жизни	33,3
Натуральные продукты	28,0
Уединение с любимым человеком	28,0
Экзотика и романтика	18,0
Развлечения	15,3
Приемлемая цена	15,3
Лечение	8,0
Знакомство с сельской жизнью	5,3
Другое	0

Особая тема исследования – отношение к стоимости отдыха на сельских усадьбах. Опрос показывает, что в этом нет радикальных расхождений между хозяевами усадеб и молодыми туристами. Последние изначально нацелены на минимизацию расходов, на «спартанский» вариант отдыха, не требуя при этом качественного сервиса. В результате социологического опроса выяснилось, что 85,7% их них готовы заплатить за свой отдых на сельской усадьбе около 30 тыс. белорусских рублей. Подобные предложения на рынке белорусских агротуристических услуг представлены достаточно широко.

Определенный интерес вызывают представления, вернее, предложения молодых людей по поводу того, что необходимо сделать, чтобы отдых на сельских усадьбах стал более привлекательным для современных туристов.

Социологическое исследование показало, что со стороны молодых людей преобладают предложения, связанные с необходимостью проведения специальных имиджевых акций, таких как «повысить имидж сельского туризма» (52,0% опрошенных) и «провести рекламные акции» (48,7%). Действительно, в существующих рекламных материалах об агротуризме, отдыхе на сельских усадьбах наблюдается доминирование скорее информативной, а не собственно рекламной составляющей. Сама же продукция подобного рода представлена: 1) информативно-рекламными брошюрами, изданными небольшим тиражом и недоступными для массового потребителя; 2) медийными сообщениями об отдельных сельских усадьбах, мероприятиях в сфере агротуризма; 3) интернет-сообщениями, размещенными на специализированных сайтах.

Респонденты подчеркивают также актуальность совершенствования инфраструктуры сельских усадеб, предлагая «улучшить условия проживания» (41,3% опрошенных) и «улучшить качество обслуживания» (38,0%).

В представлении 26,0% респондентов, важное направление повышения привлекательности отдыха на сельских усадьбах выражается в развитии экологического туризма, а еще 22,0% полагают, что необходимо организовать аренду велосипедистов и лодок, тем более что большинство усадеб расположено возле водоемов и красивых природных уголков. Для 15,5% молодых людей важным представляется обеспечение экологически чистыми продуктами.

Значительная часть опрошенных (37,3%) указала на необходимость снижения цен, что справедливо, поскольку в современной Беларуси цены в этой сфере при сравнительном качестве услуг выше, чем в соседней Польше (Таблица 5).

Таблица 5 – Распределение ответов на вопрос: «Что нужно сделать для того, чтобы отдых на сельских усадьбах стал более привлекательными для туристов?», %

Варианты ответа	%
Повысить имидж сельского туризма	52,0
Провести рекламные акции	48,7
Улучшить условия проживания	41,3
Улучшить качество обслуживания	38,0
Снизить цены	37,3
Развивать экологический туризм	26,0
Организовать аренду велосипедов и лодок	22,0
Обеспечить экологически чистыми продуктами	15,3
Другое	0

Привлекательность отдыха на сельских усадьбах возрастет, если ожидания туристов совпадут с предложениями самих хозяев. Какие же услуги ожидают получить молодые люди на сельских усадьбах?

В первую очередь, те которые связаны с образом дома или же пребыванием у бабушки в деревне. Поэтому, в представлении 66,0% опрошенных, им должно быть гарантировано хорошее питание, что соответствует пониманию своей миссии самими хозяевами усадеб. Практика показывает, что редки разочарования гостей клиентов усадеб предложениями гастрономическими изысками.

Вторую позицию в пространстве ожиданий занимают «экскурсии по культурным достопримечательностям», на что указывают 56,7% молодых людей. Хозяева в своем большинстве не ориентированы на оказание подобной услуги.

43,3% респондентов полагают, что хозяева усадеб должны обеспечить их хорошей рыбалкой и народной забавой под именем «сбор грибов и ягод», что обычно не вызывает у последних затруднений.

Несмотря на нарастающую автомобилизацию белорусского общества, существенным барьером между хозяевами и клиентами является транспортная проблема. Действительно, расстояние от города до усадьбы может быть достаточно большим, и немало агроусадоб находится вне железнодорожных и автобусных маршрутов. Поэтому для доставки клиентов хозяева усадеб, как правило, должны иметь в своем распоряжении автомобиль.

Еще один важный момент, сдерживающий развитие сельского туризма, – практически полное отсутствие сувенирной продукции в виде ремесленных изделий. По мнению же 11,3% опрошенных, продажа ремесленных изделий должна входить в компетенцию хозяев. В этом заключается важный резерв повышения экономической составляющей сельского туризма и развития местных сообществ.

Существенный ресурс для повышения числа клиентов сельских усадеб заключен в развитии экологического туризма, который включает в себя продвижения туристических групп по определенным «зеленым маршрутам». Очевидно, что данная категория туристов может быть важным потребителем услуг, предоставляемым сельскими усадьбами. Данное исследование показало, что молодые люди заинтересованно относятся к данному сегменту туризма: 28,0% опрошенных отметили, что для них «в значительной степени» привлекательны экологические туры, а для 57,3% – «в определенной степени».

Очевидно, однако, что экологические туры пока еще не носят массового характера и являются привлекательными только для небольшой категории молодежных групп. Что же необходимо сделать, чтобы они стали для молодых людей более интересными?

65,3% респондентов полагает, что необходимо разработать «интересные «зеленые маршруты».

В представлении 45,5% респондентов, требуется создать необходимую инфраструктуру «зеленого туризма», а, в частности, по мнению 40,0%, – «обустроить сельские усадьбы».

Разумеется, возникает вопрос об оптимальных способах передвижения по «зеленым маршрутам». Наибольшее число респондентов (54,6%) отдает предпочтение велосипедам, 37,3% молодых людей выбирают демократичный «пеший ход», 20,0% – байдарки, а 18,7% – передвижение на лошадях. В настоящее время немногие сельские усадьбы в состоянии предоставить эти средства передвижения.

В современном мире любой «товар» при выходе «на рынок» нуждается в специальных рекламных акциях. По мнению 36,7% опрошенных, относительно экологических туров необходимо провести соответствующие рекламные кампании.

Безусловно, при этом необходим агент подобного продвижения. Как следствие этого 29,3% респондентов полагают, что важно заинтересовать туристические фирмы в продаже экологических туров. Еще 12,7% молодых людей думают, что необходимо установить соответствующие дорожные указатели.

Спрос на услуги сельских усадеб в определенной степени связан с его имиджем. Как свидетельствует социологическое исследование, подобный отдых является достаточно престижным. Правда, с небольшим уточнением. По мнению 46,0% опрошенных, все зависит от качества самой усадьбы. Только 5,3% опрошенных считают подобный отдых непрестижным (таблица 6).

Таблица 6 – Распределение ответов на вопрос: «Является ли престижным отдых на сельских усадьбах?», в %

Варианты ответа	%
Престижным	10,0
В чем-то да, а в чем-то нет	34,0
Непрестижным	5,3
Смотря на какой усадьбе	46,0
Затрудняюсь ответить	4,7

О престижности отдыха на сельской усадьбе свидетельствует также представление молодых людей о том, какие же категории населения чаще всего отдыхают на сельских усадьбах.

По мнению 68,0% опрошенных, обитателями сельских усадеб являются «иностранцы туристы», 46,7% опрошенных указывают на городских жителей как клиентов сельских усадеб, и 31,3% – на бизнесменов. Все эти категории населения занимают высокое место в социальной иерархии.

20,0% респондентов придерживаются позиции, что молодые жители также входят в число посетителей сельских усадеб (таблица 7). Речь здесь идет скорее не о рабочей, а о студенческой молодежи.

Таблица 7 – Распределение ответов на вопрос: «Кто чаще всего, отдыхает на сельских усадьбах?», в %

Варианты ответа	%
Иностранцы туристы	68,0
Городские жители	46,7
Бизнесмены	31,3
Молодежь	20,0
Корпоративы (семейные торжества)	16,0
«Зеленые туристы»	13,7
Люди с невысоким доходом	5,3
Случайные люди	4,7
Затрудняюсь ответить	3,3

Что же касается оценок качества обслуживания посетителей на сельских усадьбах, то можно сделать несколько выводов.

Во-первых, наиболее высокие оценки получили питание и гостеприимство, чему, собственно говоря, нет особой необходимости хозяевам специально учиться.

Во-вторых, наименьшие баллы ожидаемо оказались за санитарным состоянием и условиями проживания, поскольку пока еще ограниченное количество сельских усадеб оборудованы в соответствии с необходимыми стандартами.

В-третьих, достаточно противоречиво выглядят оценки сферы обслуживания. Дело в том, что, проявляя гостеприимство, хозяева усадеб в своем большинстве не владеют даже элементарными навыками обслуживания туристов.

В-четвертых, отчетливо проступает противоречивое отношение к ценам за оказанные на усадьбе услуги. В представлении примерно половины опрошенных, цены на усадьбах справедливые. Но по мнению второй половины, они являются несправедливыми, т.е. завышенными.

Заклучение

По результатам данного социологического исследования можно констатировать, что молодые люди достаточно полно информированы об отдыхе на сельских усадьбах и потенциально выступают в качестве важных их клиентов. Для того, чтобы они стали реальными посетителями, необходимо предпринять ряд мер по популяризации агроэко-туризма, отдыха на сельских усадьбах. Среди этих мер на первое место выходят рекламные акции, повышение профессиональной компетентности хозяев усадеб, создание сетевых отношений среди субъектов агроэкотуризма, повышение имиджа сельского туризма и повышение качества обслуживания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lukiewicz, W. Transborder Tourism in Euroregion Bug: Brest District / W. Lukiewicz, A. Lysiuk // *Border and Transborder Tourism for European Integration*. – Rzeszow. – 2007. – P. 30–36.
2. Грибов, Г.М. Общественный Совет по агроэкотуризму как фактор развития сельского туризма в Брестской области / Г.М. Грибов, А.И. Лысюк // *Географія і туризм: Європейський досвід. Матеріали Міжнародної конференції*. – Львів : ЛНУ ім. І. Франко, 2007. – С. 39–41.
3. Buczynski, M. A. Frontier tourism: attractiveness of Bialowieza Primaeval Forest / M. Buczynski, W. Lukiewicz, A. Lysiuk // *Tourism: theory – conditions – experiences*. – Biala Podlaska : Jozef Pilsudski Academy of Physical Education in Warsaw, Faculty of Physical Education in Biala Podlaska, 2007. – P. 121–127.

Lysiuk A.I., Gribov G.M., Sokolovskaya Youth and Agritourism: Sociological Analysis

In the article are presented the results of sociological research, which is dedicated to the researching of attitude to ecological tourism by Belarus young people. Were defined places of rest where young people like to be and level of attractiveness for them of different aspects of ecological tourism. Recommendations were made to subjects of ecological tourism. Purpose of these recommendations is optimization of subject's activity.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 02.09.2010

УДК 316.74:2

О.Ю. Бреская

ИЗМЕРЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОСТИ: К ИСТОРИИ ПРЕДМЕТА

В статье анализируется история изучения феномена религиозности в отечественной и западной социологической традиции, а также рассматриваются многообразные подходы и способы ее интерпретации. Автор статьи систематизирует различные концепции измерения данного феномена, выстраивая сравнительные модели. Наряду с подходами отечественных исследователей активно привлекаются модели, созданные американскими социологами религии. Автор делает вывод, что проблемы исследования религиозности связаны не только со сложностями изучения обращенности религиозного человека к Божественному, но и «невидимости» многих социальных характеристик этого феномена.

Введение

В отечественной социологической литературе мы можем часто встречать такие фразы: «наблюдается резкий рост религиозности населения во всех посткоммунистических странах», «кризис религиозности», «изменение характера и динамики религиозности». Понятие «религиозность» употребляется социологами религии и религиоведами в словосочетаниях – «народная религиозность», «крипторелигиозность», «квазирелигиозность», «гибридная религиозность», «внеконфессиональная религиозность», «новая религиозность». При этом одним термином «религиозность» охватывается широкий круг явлений. Отечественные исследователи активно обсуждают индикаторы концептуализации религиозности, среди которых «религиозная вера, возведенная в ранг ценности» [1], «религиозные практики» [2], «уровень религиозного индивидуального сознания» [3], «характер религиозного мировоззрения» [4], «самоидентификация» [5; 6], «принадлежность к религиозной общине» [7], «членство в Церкви» [8]. Во многих случаях критерии религиозности носят комплексный характер и состоят из нескольких переменных, на что указывают методологии Л.Г. Новиковой, В.Ф. Чесноковой, Д.Е. Фурмана, Н.А. Митрохина.

В зависимости от избранных параметров религиозности социологи религии приходят к разным типологиям религиозной личности и группы и к акцентированию внимания на различных аспектах этого явления: церковная, институциональная, традиционная оставить внецерковная, неинституциональная, нетрадиционная религиозность [9; 10]; «настоящие», «традиционные верующие» – «новые верующие» [11]; религиозный – квазирелигиозный – колеблющийся – безрелигиозный тип сознания личности [3]; церковно-ориентированный тип религиозности – тип религиозности, ориентированный на секту [12] и т.д.

И.Н. Яблоков под «религиозностью» понимает «качество индивида и группы, выражающееся в совокупности религиозных свойств сознания, поведения, отношений. Общим признаком, критерием религиозного сознания является религиозная вера, которая включает знание и принятие в качестве истинных религиозных идей, представлений, понятий, повествований и уверенность в существовании гипостазированных (греч. *υποστασις* – основание, сущность) существ, атрибутизированных (лат. *attribuo* – придавать, наделять) свойств и связей» [13, с. 242]. В энциклопедии Британника дается такое объяснение причины феномена *нерелигиозности*: «поскольку религиозность настолько всеохватывающа и она пытается влиять на мысли, чувства и поведение, не удивительно, что существует много причин, по которым религиозные требования отвергаются». Религиозность в этих определениях – целостное качество; в первом варианте – оно **проявляется** через все стороны человеческой природы, во втором – **влияет** на все стороны человеческого существа: логическое мышление, эмоциональную сферу

и практическую деятельность. И в первом и во втором определениях религиозность является чем-то иным, нежели простая сумма свойств человеческого существа, на которые она влияет и через которые появляется. Если же религиозность настолько целостна и настолько особенна, то как найти ее подлинные критерии и разложить на составляющие таким образом, чтобы можно было о ком-то сказать: «он, она, они – религиозны»? Что изучают исследователи, когда описывают численность верующих, количество посещений богослужений, религиозную самоидентификацию, объединяя все эти явления понятием «религиозность»?

Способы концептуализации религиозности

Венгерский социолог религии Миклош Томка, рассуждая об истории концептуализации «религиозности» в XX веке, пишет так: «Неизбежное решение наблюдать религиозность в ее видимых проявлениях... завело это изучение на опасную тропу. Индивидуальная религиозность была расколота или, точнее, дезинтегрирована на отчетливо видимые измерения уже в первое десятилетие XX века. Разделение измерений и тезис об их относительной автономии стали ключевыми позициями во второй волне социологии религии в 1950-х и 1960-х гг. С тех пор наблюдается устойчивая тенденция игнорировать системный характер религиозности и рассматривать ее в эмпирических исследованиях как механическую сумму разрозненных элементов человеческого поведения. Такой формализованный подход рассматривает феномен религиозности как равный искусственно созданной совокупности его проявлений. Наряду с этим религиозность часто рассматривается как подчинение заданному списку нравственных установлений и конкретных предписаний относительно веры и религиозной практики, а не как самоопределяющий подход или ориентация. Отмеченные критерии выбраны произвольно или, в лучшем случае, выведены из установлений некоторых конфессий, которые не подходят автоматически другим религиозным традициям» [14, с. 39].

Поиск критериев «религиозности» для социального исследователя связан с поиском реакций человека на связь с Божественным (реальную или предполагаемую), проявлений, последствий, которые возможно наблюдать, измерять и изучать [14, с. 34–35]. Подобно психологам религии, которые через фактичность эмоций человека (радости, страха, благоговения, любви, одиночества) – отклика на связь с Божественным, описывают религиозность и религиозный опыт, социологи религии через наличие «религиозных фактов» пытаются концептуализировать «религиозность» как явление, одновременно находящееся на индивидуальном, групповом и социальном уровнях. При этом необходимо помнить, что религиозность – сеть «невидимых и видимых (социальных) взаимоотношений» [14, с. 34]. Религиозность поэтому – явление, возникающее и измеряемое на границах:

- человек – Божественное (религиозная вера, религиозный опыт, познание, мировоззрение);
- человек – человек (коммуникация в религиозной группе, повседневное общение на основе религиозных норм и ценностей);
- человек – группа (идентификация с религиозной группой, принятие/непринятие в религиозную группу, групповые религиозные практики, социализация в общине);
- человек – окружающий мир (мифологизация мира на основе религиозного учения, отношение верующего на таком основании к другим сферам жизни: культурной, политической, экономической).

Homo religious оказывается в многомерной реальности, каждую часть которой ему необходимо как-то соотносить с остальными. Мы можем предположить, что человек

сам для себя не выстраивает четкой связи между религиозной верой, самоидентификацией, повседневным поведением, системой ценностей и посещением богослужений. Здесь появляется много вопросов, которые едва ли можно разрешить только на уровне социальной теории. Социологи религии пытаются эти связи установить и подчеркнуть, что социальное действие соотносится с системой значений человека, а «быть человеческим существом, значит являться целеустремленным деятелем, который одновременно осознает причины собственной деятельности и способен в случае необходимости детально развить и конкретизировать их» [15, с. 40–41]. Изучение религиозности, таким образом, способствует:

- 1) более глубокому анализу связи личность – социальное – Божественное;
- 2) описанию процессов, происходящих с религиозными традициями, институтами и их трансформацией;
- 3) типологизации верующих и религиозных групп;
- 4) концептуализации самого понятия «религия».

Если попытаться сравнить некоторые результаты концептуализации понятия «религиозность», то в приведенной ниже таблице 1 можно обнаружить модели, которые появились в результате работы социологов и социальных психологов с этим феноменом на эмпирическом и теоретическом уровнях.

Таблица 1 – От концептуализации к операционализации понятия «религиозность»

<i>Чарльз Глок – Glock, Charles Young (1919) – американский социолог религии. Среди аспектов религиозности его интересовали природа, источники и последствия религиозности. Разработал пятимерную шкалу религиозности (1962)</i>				
Ритуальное измерение	Идеологическое измерение	Чувственное измерение	Интеллектуальное измерение	Интегративное измерение
Ритуальная практика (включая посещение церкви, но не только)	Приверженность основным положениям вероучения	Опыт ощущений в религиозной сфере: переживание конечности бытия, потребность познания, ощущение близости Бога, уверенность, что в Боге человек находит спасение	Интеллектуальная сторона религии, которая включает религиозные знания, часто измеряется через такие практики, как чтение религиозной литературы (не только сакральных текстов), стремление к познанию законов веры, ее истории, общий уровень житейского опыта	Способ отношений между людьми, повседневные взаимоотношения, их этическое измерение. Этот показатель претендует измерить эффект индивидуальной религиозности в других проявлениях жизни человека
<i>Гордон Оллпорт – Allport, Gordon W. (1897–1967) – американский психолог, представитель гуманистической психологии, рассматривал типы религиозной ориентации в их связи с этническими предрассудками, считал, что сохранению психического здоровья человека способствует внутренняя, а не внешняя религиозная ориентация. Данный подход выявил двойственную природу религиозности. Внутренний тип религиозности понимается как конечная цель, в то время как внешний ведет к достижению других целей</i>				

Продолжение таблицы 1

Внешняя религиозность		Внутренняя религиозность				
Обращенность к Богу, но не отстраненность от себя. Этот тип религиозности – щит для централизованности на себе. Представители данного типа обычно посещают церковь нерегулярно. Используют религию для своего удобства. Внешний тип религиозности более связан с привычкой и традицией и коррелирует с наличием у человека большого количества предрассудков		Целостность мироощущения, которое покрывает весь опыт личности, как научный, так и эмоциональный. Религия существует не для того, чтобы служить человеку удобным инструментом, скорее человек обязан служить ей. Если его религиозная ориентация глубоко интериоризирована, ей будут сопутствовать нормальная психика, спокойствие в отношениях с окружающими, толерантность и сострадательность				
<i>Владислав Пивоварски – Ks. Władysław Piwowarski (1929–2001) – польский социолог религии, ксендз, с 1970 руководил кафедрой социологии религии в Люблинском Католическом Университете. Он предложил в конце 50-х гг. XX века 7 параметров и 73 показателя измерения феномена религиозности</i>						
Общее отношение к вере	Религиозное знание	Религиозная идеология	Религиозный опыт	Религиозная практика	Религиозная общность	Религиозная нравственность
Позволяет ответить на вопрос, «является ли человек верующим и насколько интенсивна вера»	Знание догматов, праздников, событий в жизни церкви	Распространение веры	Выражается в религиозном сознании	Участие в установленных религиозных обрядах	Чувство принадлежности к церкви, парафии, группе и религиозной общине	Функция широко понимаемой религиозной доктрины, являющейся интегративным аспектом религиозной жизни
<i>Ив Ламберт – Yves Lambert – французский социолог; на основе своих исследований разделил верующих на три группы. Вторая группа – «культурное христианство» – отстоит на равном расстоянии от двух остальных. К такому выводу ученый пришел исходя из эмпирических исследований во Франции.</i>						
Исповедующие Христианство	Культурное христианство	Секулярный гуманизм				
Вера в личного Бога, регулярное посещение богослужений, членство в общине, отношение к Богу как цели жизни	Неопределенная вера и редкое посещение богослужений, выбор по желанию элементов из религиозной культуры, отделение от церковной, сектантской или НРД принадлежности	Отрицание религиозной веры и практик				

Продолжение таблицы 1

Валентина Федоровна Чеснокова – российский социолог, предложила шкалу измерения воцерковленности (В-индекс). На основании различного сочетания пяти показателей В.Ф. Чеснокова формирует группы по уровню и степени воцерковленности: «воцерковленные», «полувоцерковленные», «начинающие», «невоцерковленные», «нулевая»				
Посещение храма	Исповедь и причащение	Чтение Евангелия	Молитва	Соблюдение постов
Лидия Георгиевна Новикова (1955–2008) – белорусский социолог; построила типологию религиозности личности на основании «уровня религиозности индивидуального сознания» исходя из трех показателей: наличия веры в Бога, конфессиональной самоидентификации, ритуального (культурного) поведения				
Религиозное сознание	Квазирелигиозное сознание	Коллеблющееся сознание (наиболее гетерогенная группа по своему составу)	Безрелигиозное сознание	
«Да, я верю в Бога»	«Я верю не в Бога, но в сверхъестественные силы»	«Не могу ответить определенно»	«Нет, я неверующий человек»	
Игорь Николаевич Яблоков – российский религиовед; предложил пятимерную шкалу измерения религиозности. Выделил такие понятия, как <i>степень религиозности</i> (уровень интенсивности религиозных свойств индивида и группы), <i>распространенность религиозности</i> (доля обладающих религиозными свойствами индивидов среди населения или в группе), <i>характер религиозности</i> (качественная и количественная особенности, специфика черт индивида, группы), <i>типы религиозности</i> (общий для некоторого числа людей характер религиозности, на основе которой выделяют соответствующие классификационные группы), <i>состояние религиозности</i> (относительно устойчивая система религиозных свойств индивида, группы) и <i>динамика религиозности</i> (переход одного ее состояния в другое)				
Содержание и интенсивность религиозной веры	Интенсивность религиозного поведения и его место в общей системе деятельности человека	Роль индивида в религиозной группе	Степень активности в распространении религиозных взглядов	Место религиозных мотивов в структуре мотивации религиозного и нерелигиозного поведения
Сергей Борисович Филатов, Роман Николаевич Лункин – российские исследователи; делают вывод о существовании двух основных типов концептуализации религиозной самоидентификации, базируясь на анализе проводимых исследований в данной области				

Продолжение таблицы 1

Этническая религиозность – религиозность на основании декларации человеком своей принадлежности к религиозной традиции исходя из этнического принципа. Такая методика основывается на определении числа принадлежащих к конкретной конфессии на основе анализа этнического состава населения государства.		Культурная религиозность – религиозность на основании декларации человеком своей принадлежности к религиозной традиции без взаимосвязи с другими критериями религиозности (человек не обязательно разделяет положения вероучения, участвует в таинствах и обрядах, является членом религиозной общины). Религиозная идентичность для человека имеет значимость и выстраивается как соотношение с культурной, этической, ценностной системами жизни общества
Ольга Юрьевна Бреская – белорусский социолог религии; разработала этапы процесса религиозной социализации в Православной Церкви (2004 г.) исходя из двойственной природы этого института: социальной и квазисоциальной (не только социальной). Методика включает 3 параметра и 55 показателей измерения		
Стадии социализации	Уровень социальных институтов	Уровень квазисоциальных институтов
Обнаружение социальной формы (идентификация А)	Обнаружение института Церкви (через все социальные формы, которые имеет этот институт: архитектура, музыка, искусство, информация, община, иерархия и пр.)	Обнаружение Значимого Другого (сакральной природы института Церкви)
Обнаружение смысла социальной формы (идентификация Б)	Обнаружение значимости социальных ролей, отношений, места в этом институте для личности	Обнаружение личной значимости церковной керигмы
Усвоение смысла социальной формы (интериоризация)	Усвоение социальных установок. Процесс социализации. Соотнесение своего действия с институциональными нормами	Участие в таинствах
Ответное действие (экстериоризация)	Выполнение социальных функций на основе усвоенных социальных установок	Христианские личные ценности и мотивация действий во всех сферах жизни

Вышеприведенные измерительные модели религиозности в методологическом плане сообщают нам одну важную идею: типологии религиозности формируются в первую очередь как аналитические конструкции, которые уточняются, корректируются в процессе проведения эмпирических исследований. Социолог в данном случае становится социальным «архитектором», шаг за шагом продумывая весь процесс социологического исследования в лаборатории, и затем выходит в поле только для сбора данных [16, с. 5].

Измерение религиозности в американской социологической традиции

В американской энциклопедии «Религия и общество» [17] указывается, что религиозность (*religiosity*) – это общий термин для понятий *religious commitment* («*religiousness*») и имеющий более чем одно измерение. При этом термин *commitment* в

английском языке имеет несколько значений¹. Три основных смысла этого слова: обязанность, преданность и решимость – сообщают связи личности с сакральным и/или группой нормативный, эмоциональный, волевой оттенок, причем направленность связи также четко прослеживается это действие и усилие человека.

Начиная с работ Джозефа Фичтера (*Joseph Fichter*) с 50-х гг. XX века среди американских ученых начинает существовать некоторая договоренность, что религиозность (*religious involvement and/or*) *commitment* может варьироваться между людьми, называющими себя баптистами, католиками, иудеями, и поэтому одного идентификационного признака недостаточно для изучения данного явления. У. Сватос подчеркивает: «В действительности же конфессиональное измерение фактически сбивает с толку содержание религиозности относительно других аспектов жизненного мира личности (например, позиция глубоко религиозного баптиста по отношению к добрачным сексуальным отношениям может быть более близка позиции глубоко религиозного католика, чем менее религиозного баптиста; отсюда изучение конфессиональной принадлежности, с одной стороны, и отношения к добрачным отношениям, с другой стороны, может привести к ошибочным выводам относительно связи религиозности и взаимоотношения полов)» [17].

Феномен религиозности концептуализируется в работах Родни Старка. Ученый вводит понятия «вознаграждения» и «компенсаторы», различая религиозность последователей церкви и секты. Церковная религиозность, по мнению Р. Старка, характеризуется умеренным характером социального участия и отсутствием сильных противоречий при взаимодействии с социальной и культурной средой. Напротив, сектантская религиозность характеризуется «пылкостью» и непринятием окружающей социальной и культурной среды. Р. Старк пишет: «В 1965 Демерат (*Demerath*) осуществил необходимое расширение теории сект и церкви. Он указал, что различие между церковью и сектой имеет такой же смысл, насколько и различие внутри церквей. Он показал, что внутри нескольких протестанских церквей меньшинство членов пытается создать секту. Иными словами, он обнаружил одну группу прихожан, которая пыталась «создать» свою религию, участвовать в службах, участвовать в церковных организациях и деятельности, в то время как другая группа членов заботилась о «вере» и «чувствах» религии, будучи обеспокоена доктриной и выражением религиозности в эмоциональном плане. Он соотносил первых «делателей» – *doers* с церковным типом религиозной ориентации, а «верующих» и «чувствующих» – *believers and feelers* – к тем, кто имеет религиозную ориентацию похожую на сектантскую» [12, с. 45].

Это положение подтверждалось исследованиями религиозности в США, проводимыми Чарльзом Глоком и Родни Старком. Ученые продемонстрировали, что среди одной и той же религиозной конфессии (в данном случае либерального протестантизма) могут наблюдаться различные типы религиозности, например, подгруппа, которая формирует фундаменталистскую, хорошо сплоченную секту. В 1972 г. Р. Старк выработал классификацию ряда параметров религиозности, которые разграничивали два типа религиозности: 1) тип церковной религиозности – *church-like* и 2) тип сектантской религиозности – *sect-like*. Свою типологию

¹ См. русско-английский словарь Babylon: 1) обязанность, ответственность, долг, узы, задача, связь, занятие, приведение в порядок; 2) посвящение, сильная привязанность, преданность, верность, лояльность; 3) обет, обещание, соглашение, решимость, твердость.

Р. Старк выстроил исходя из теории обмена между вознаграждениями и компенсаторами, предоставляемыми религиозными институтами.

Таблица 2 – Вознаграждения и компенсаторы от религиозных институтов² [19].

Вознаграждения	Компенсаторы
<p>Членство в Церкви: придает статус и подтверждает нахождение в сообществе, а также обеспечивает благодаря этому все другие типы вознаграждений</p> <p>Участие в богослужении: имеет специально религиозное значение, а также характер социального события и обеспечивает награды, которые возможно от этого получить</p>	<p>Религиозные доктрины: позволяют переносить тяготы этой жизни, предлагают советы и помощь, утешение от страданий в жизни после смерти</p> <p>Религиозный опыт: реализация сдерживаемых эмоций и источник веры в подлинность компенсаторов, когда, например, у человека появляются видения или он говорит на незнакомых языках</p>
<p>Участие: в религиозных организациях и деятельности, включая хор, воскресные школы, социально-значимую деятельность</p>	<p>Молитва и личная преданность: механизмы поиска божественной помощи и водительства, для исповеди вины, для обретения утешения</p>
<p>Социализация детей: передача культурного и морального наследия детям, а также вознаграждение в виде членства в иных группах – скаутских, спортивных (при религиозной организации)</p>	<p>Избранность или моральное превосходство: уверенность, что не имеет значения, насколько незначительным участником каждый может казаться в мировых событиях, он среди тех, кто избран Богом и имеет избранную религиозную идентичность</p>

Авторы данного подхода сами указывали на возможную упрощенность своей теории, однако при этом подчеркивали, что, подобно Максус Веберу, «тоже уделили внимание тому факту, что религиозные организации осуществляют нечто большее, чем утешение людей недостающими скудными вознаграждениями. Религиозные организации служат также источником вознаграждений. Это позволяет объяснять религиозность не как производную от депривации, но, напротив, как религиозное выражение привилегии» [12, с. 51].

Дальнейшее развитие изучение религиозности получило в работах Чарльза Глока. Шкала религиозности, предложенная Ч. Глоком и его коллегами, получила название «5-D» модель религиозности (*D* от «*dimension*» – измерение), поскольку она включала в себя пять показателей: ритуальный, идеологический, опытный, или чувственный, интеллектуальный и интегративный. Взаимосвязь этих пяти параметров носит нелинейный характер: один не обязательно полностью и однозначно связан с другим. В 1971 году вышла статья Ричарда Клайтона (*Richard Clayton*) «5-D or 1?», в которой автор перечеркнул идею многомерного измерения религиозности и выдвинул тезис, что вера как критерий лежит в основе всех остальных показателей религиозности. У. Сватос, рассуждая о социологическом измерении религиозности, заключает, что в целом социологи сходятся в одном мнении, что религиозность варьируется не только между разными религиозными традициями, но и внутри одной. «Хорошее исследование пытается «произвести триангуляцию» веры, практики и самоидентификации» [12, с. 51].

фикации для выявления определенного содержания «религиозности» в поведенческом и ценностном измерениях» [17].

Измерение религиозности

Порой исследователи в результате анализа полученных данных приходят к таким выводам: «Очевидно, что сама православная религиозность современных россиян настолько зыбка и не структурирована – организационно, догматически и идеологически, что любые критерии ее измерения и цифры, полученные на их основе, носят в принципе условный характер. Про большинство «православных верующих» трудно сказать – православные они верующие или нет» [6, с. 41]. Почему социологи приходят к таким заключениям? Попытаемся дать некоторые ответы на этот вопрос.

1. Скрытое от наблюдения – видимое. Феномен религиозности, поскольку он имеет онтологическую, индивидуальную и социальную природу, представляется непростым для концептуализации. Любая измерительная модель грешит упрощением: она не может «ухватить» сложность и разнообразие анализируемого феномена. Можем ли мы однозначно сказать, что верующий – это тот, кто: 1) идентифицирует себя в качестве такового; 2) посещает богослужение; 3) идентифицирует себя с религиозной группой и соответствует еще нескольким критериям? Многие наблюдаемые признаки религиозности мало что сообщают об отношении человека или группы к тому, что он или она делает, а сказать, что человек никак не соотносит свои поступки с традицией, сознанием, ценностью, чувством, было бы наивным. Священномученик Павел Флоренский обводил черным кружком день, когда он посещал с классом богослужение², Иуда был учеником Христа, но предал его и потерял самого себя, Иов был праведным, но все потерял в своей жизни, а потом опять обрел. Как измерять религиозность в контексте, евангельских типологий: Марфа (деятельный тип) и Мария (вера-доверие), Петр (эмоционально-преданный тип) и Иоанн (рассудочный) – или, например, в контексте евангельской притчи Христа о типологии верующих:

«Когда же наступил вечер, говорит господин виноградника управителю своему: позови работников и отдай им плату, начав с последних до первых. И пришедшие около одиннадцатого часа получили по динарию. Пришедшие же первыми думали, что они получают больше, но получили и они по динарию; и, получив, стали роптать на хозяина дома и говорили: эти последние работали один час, и ты сравнял их с нами, перенесшими тягость дня и зной. Он же в ответ сказал одному из них: друг! я не обижаю тебя; не за динарий ли ты договорился со мною? возьми свое и пойди; я же хочу дать этому последнему [то же], что и тебе; разве я не властен в своем делать, что хочу? или глаз твой завистлив от того, что я добр?» [Марф. 20, 18–13].

Эти примеры демонстрируют, что «разговор о религиозности» эффективнее вести в динамической перспективе³, а чтобы точнее концептуализировать явление, его не-

² «Я составил себе стенное расписание занятий по часам, причем время, назначенное классам и обязательному посещению богослужения, окружал траурной каймой, как безнадежно пропавшее». – Флоренский, П.А. Автобиография // Наше наследие. 1988. – № 1. – С. 75.

³ Виктор Франкл в своем труде «Человек в поисках смысла» использует метафору кинофильма для выявления значения и смысла человеческой деятельности: «Для сравнения рассмотрим кинофильм: он состоит из тысяч и тысяч отдельных изображений, и каждое из них несет какой-то смысл, и все же смысл всего фильма нельзя увидеть до того, как будет показана его последняя часть. Однако мы не сможем понять весь фильм, если не пойдем каждую его компоненту, каждое из отдельных изображений. Разве нельзя сказать то же самое о человеческой жизни? Разве ее окончательный смысл не раскрывается только в конце, на пороге смерти? И разве этот окончательный смысл не зависит от того, был или не был реализован потенциальный смысл каждой отдельной ситуации в наиболее полном соответствии со способностями и верованиями человека».

обходимо помещать в контекст конфессиональной действительности. Более того остается открытым вопрос валидности исследования, т.е. насколько методика и результаты исследования соответствуют поставленным задачам.

2. «Идеальный тип» объекта в представлении исследователя. Каждый раз исследователь в процессе построения своей измерительной модели религиозности создает для себя определенное видение объекта: каким должен быть религиозный человек или группа, на чем основывается соотношение типологий. В проводимых в последние два десятилетия общенациональных социологических исследованиях религиозности превалирует такая позиция, что общество – это такая целостность, где «религиозное» свойство, наряду с экономическим, культурным, образовательным равномерно распределено между всеми его членами. Причем если выборка формируется многоступенчато по признаку пола, образования и места проживания, то религиозный фактор, подразумевается, должен быть равномерно распределен. То есть изучение строится не от объекта (религиозная группа, религиозная личность) к предмету (религиозные практики, религиозный опыт, ритуал, отношение к социо-культурным вопросам, повседневности, ценностям), а от целостной модели общества, национального государства к типологии верующих.

Постоянная полемика относительно числа верующих возвращает нас к социологической работе Эмиля Дюркгейма, к вопросу о соотношении религиозного и социального. Э. Дюркгейм полагал, что социальная и религиозная общности полностью идентичны в архаичном периоде истории человечества. В этот период при отсутствии социальной дифференциации границы религии и есть границы социума. Такую общность можно рассматривать как социальную целостность, связанную едиными религиозными нормами. В таком социальном образовании возможно было бы провести социологическое исследование религиозности, поскольку такая группа (фратрия или клан) были бы объектом, в котором религиозное чувство равномерно распределено. Почему же мы продолжаем изучать феномен религиозности так, как будто все еще живем в традиционном обществе? Когда говорят об «этническом православии», используют именно эту модель Дюркгейма, который трактовал общество как социальное единство, связываемое присущим данной эпохе типом солидарности.

3. Оптика и техника исследователя религиозности. Российский социолог Геннадий Батыгин писал, что методология любой научной дисциплины, в том числе социологическая методология, представляет собой: определенную *оптику* – взгляд на мир как разумно устроенную систему; *технику* получения знания; *риторику* дисциплины – способы аргументации и представления результатов работы и *профессиональную этику* – нормы поведения в научном сообществе, в соответствии с которыми осуществляется дисциплинарное воспроизводство знания [16, с. 4].

С какой позиции исследователь выстраивает измерительную модель религиозности – «снаружи», «изнутри», «комплексно»? Современные результаты изучения и концептуализации религиозности в отечественной науке уже наметили некоторое различие в производстве позиций исследователей – можно говорить о существовании светского, конфессионального и комплексного подходов [18].

В техническом и коммуникативном аспектах методологии изучения религиозности также возникают некоторые трудности. В интервью с социологом религии профессором Принстонского университета Робертом Вусноу (*Robert Wuthnow*) относительно подсчетов и измерения религиозности в США исследователя попросили проанализировать степень достоверности ответов респондентов на вопросы о религиозности и религиозных практиках, о возможностях преувеличения ответов. Р. Вусноу ответил, что когда он работает с данными, то обнаруживается различие в результатах, например, посещаемости церкви в опросах Гэллапа и опросах университета Чикаго: «Никто не знает,

насколько преувеличены цифры. Я предполагаю, из того, что я видел сам, что, если 40% говорят, что они были в церкви на прошлой неделе, скорее всего эти данные приближаются к 28, 29, 30%. Это объясняется тем, что люди хотят выглядеть вовлеченным в религиозную сферу, как что-то уважаемое, а некоторые просто хотят помочь в проведении исследования. И если кажется, что ответ должен быть: «да, нам бы хотелось чтобы вы ответили «да», тогда люди отвечают «да»... Люди могут сказать, «да, я был там на прошлой неделе», но они забыли, что на прошлой неделе они были больны, или были в отпуске. Но то, что они точно помнят, это то, что они активны в их церкви, которую посещают. Они ходят в церковь регулярно. И поэтому они оставляют себе «лазейку», которая позволяет им ответить на вопрос, на который они хотят ответить: «да, церковь важна для меня» [19].

В ответах относительно религиозности многое желаемое выдается за действительное, но исследователь и в этом случае может для себя отмечать, что является желаемым в ответах, и использовать предполагаемое «преувеличение» или «приуменьшение» для интерпретации данных. Например, Сергей Чапнин говорит о том, что доверие, которое вызывает церковь как социальный институт – еще не столько реальная общественная сила, сколько кредит доверия, некий властный потенциал, которое общество готово делегировать [20]. Вопрос, почему кредит доверия отдается именно этому институту, – задача интерпретации исследователя. С.Б. Филатов и Р.Н. Лункин также отмечают, что разницу в полученных опросных данных предопределяет характер вопроса: «Существует, например, категория людей, которые точно знают, что они православные, но совсем не уверены, что верующие. Контекст вопросника может заставить неверующего (или «сомневающегося», безразличного к вере) назвать или не назвать себя православным (мусульманином, католиком, лютеранином, буддистом, иудаистом)» [6, с. 36].

Заключение

Не только создание измерительной модели религиозности и формулирование вопросов находится в процессе творческого переосмысления, но и ответы на многие вопросы, которые необходимо интерпретировать, действительно появляются впервые в образе цифр для отечественного исследователя. Социология в нашем регионе только начинает накапливать эмпирические данные в этой области, и потому неудивительно, что, размышляя о религиозности как свойстве, конструкте, переменной, социолог религии встречается с проблемами методологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лебедев, С.Д. Религиозность: в поисках «Рубикона» / С.Д. Лебедев // Социологический журнал. – 2005. – № 3. – С. 153–168.
2. Религиозные практики в современной России : Сборник статей под ред. К. Русселе, А. Агаджаняна. – М. : Новое издательство, 2006. – 400 с.
3. Новикова, Л.Г. Религиозность в Беларуси на рубеже веков: тенденции и особенности проявления (социологический аспект) / Л.Г. Новикова. – Минск : БТН-информ, 2001. – 132 с.
4. Синелина, Ю.Ю. О критериях определения религиозности населения / Ю.Ю. Синелина // Социологические исследования. – 2001. – № 7. – С. 89–96.
5. Чеснокова, В.Ф. Воцерковленность: феномен и способы его изучения / В.Ф. Чеснокова // Десять лет социологических наблюдений. – М. : Издательство Фонда «Общественное мнение», 2003. – С. 112–145.

6. Филатов, С.Б. Статистика Российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность / С.Б. Филатов, Р.Н. Лункин // Социологические исследования. – 2005. – № 6. – С. 35–45.
7. Бреская, О.Ю. Через призму «2-Б теории»: Фронтиры Церкви в социальном ландшафте Беларуси / О.Ю. Бреская // Перекрестки. – 2007. – № 3–4. – С. 32–54.
8. Мартинович, В. К вопросу о социологическом исследовании Православной Церкви / В. Мартинович // Кафоликия : сборник материалов межд. конф. «Православие в постсоветские времена: осмысление ситуации» / Под ред. С.Г. Карасёвой. – Минск : «Харвест», 2007. – С. 47–49.
9. Титаренко, Л., Введение / Л. Титаренко // Кафоликия : сборник материалов межд. конф. «Православие в постсоветские времена: осмысление ситуации» / Под ред. С.Г. Карасёвой. – Минск : «Харвест», 2007. – С. 5–8.
10. Pollack, D. Religiousness Inside and Outside the Church in Selected Post-Communist Countries of Central and Eastern Europe / D. Pollack // Social Compass. – 2003. – 50(3). – P. 321–334.
11. Налетова, И.В. «Новые православные» в России: тип или стереотип религиозности / И.В. Налетова // Социологические исследования. – 2004. – № 5. – С. 130–136.
12. Stark, R. A Theory of Religion / R. Stark, W.S. Bainbridge, P. Lang – 1987. – 289 p.
13. Яблоков, И.Н. Религиоведение : Учебное пособие и учебный словарь-минимум по религиоведению / И.Н. Яблоков. – М. : Гардарики, 2000. – 536 с.
14. Томка, М. Религия, ее социально-научное исследование и проблемы социологии пост-коммунистического православия / М. Томка // Кафоликия: сборник материалов межд. конф. «Православие в постсоветские времена: осмысление ситуации» / Под ред. С.Г. Карасёвой. – Минск : «Харвест», 2007. – С. 33–40.
15. Гидденс, Э. Устроение общества : Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – М. : Академический проект, 2005. – 2-е изд. – 528 с.
16. Батыгин, Г.С. Лекции по методологии социологических исследований : Учебник для вузов / Г.С. Батыгин. – М., 1995. – 286 с.
17. Swatos, W. H. Religiosity//Encyclopedia of Religion and Society / W. H. Swatos, editor. AltaMira Press, 1998. – Режим доступа : <http://hrr.hartsem.edu/ency/Religiosity.htm>.
18. Вовченко, В.А. Проблемы светского и конфессионального подходов в социологическом изучении религиозности / В.А. Вовченко // – Режим доступа : http://sobor.by/problem_vov4enko.htm.
19. Wuthnow, R. Interview / R. Wuthnow // Religion and Ethics Newsweekly, April 26, 2002 Episode no. 534. – Режим доступа : <http://www.pbs.org/wnet/religionandethics/week534/rwuthnow.html>.
20. Орлова, В. Безрелигиозная религиозность / В. Орлова // Religare – Религия и СМИ от 13 ноября 2006. – Режим доступа : <http://news.invictory.org/issue8683.html>.

Breskaya O.Y. Measuring Religiosity: the History of Research Field

The article examines the history of the study of religiosity in Western and domestic sociological traditions, the diversity of approaches and the types of interpretation of this phenomenon. The author systemizes different conceptions of measurement of religiosity and suggests comparative models. Along with domestic approaches, the models created by North American scholars are actively introduced. The author concludes that the problems of the study of religiosity are connected not only with complexities of understanding of person's religious appeal to Divine, but also with the “invisible” character of many social characteristics of this phenomenon.

УДК 316.42

С.Т. Кавецкий

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ АНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье исследуется генезис отчуждения и аномии в обществе с позиции трансформационных процессов. Аномальные процессы рассматриваются в социально-экономической, политической и духовной сферах как советского общества, так и на постсоветском пространстве. Анализируется феномен бюрократии, его многовекторный характер, который является фактором, обеспечивающим тотальное отчуждение людей от собственности, власти, культуры и от самих себя. В статье констатируется, что изучение аномальных явлений жизни общества позволяет прогнозировать противоречивые перспективы будущего развития республики.

Введение

В деятельности и через деятельность люди выражают себя и утверждают свое место в мире как существа общественные. Не случайно деятельность рассматривается как способ существования человека, способ его бытия, как отношение к миру, как проявление человеческой жизни, форма выражения активности человека, как способ самоутверждения человека в мире. Но этот процесс зачастую сопряжен с аномалиями, которые, подобно раковой опухоли, при определенных условиях дают метастазу – и жизнь обретает свою противоположность. Аномия, отчуждение человека от процесса труда, продукта труда, социально-политической жизни, от своей родовой сущности и от другого человека приводят к тому, что человеческая жизнь подменяется имитацией жизни.

Что такое аномия, отчуждение, каковы их причины, в каких формах они проявляются, какими мерами можно преодолеть? Эти вопросы всегда волновали мыслящее человечество. Особенно они стали актуальны в период становления и развития индустриального общества, или капитализма, в марксистском понимании этого вопроса, который внес свой вклад не только в процессы развития цивилизации, но и привел отчасти к дегуманизации и деперсонализации человека. Не потеряли своей актуальности эти вопросы и в условиях строительства социализма, хотя в период конъюнктуры 30-х годов, последующее время проб и ошибок, а также в период засилья бюрократии о них не принято было говорить.

Перестройка социально-экономической жизни в СССР конце 80-х – начале 90-х годов XX века, назвав вещи своими именами, проблемы аномии и отчуждения сделала предметами обсуждения. Оказалось, что эти феномены вовсе не являются абсолютной принадлежностью капитализма. Деформация хозяйственной системы, паралич экономических механизмов, девальвация духовного начала, редукция человека до производственной функции, до простого исполнителя норм и правил общественной жизни, потребительство и политическая апатия, упивание властью и угодничество, потеря себя и доверия к другому, а также другие вопросы нуждаются в тщательном рассмотрении и осмыслении, в социо-философской проработке с помощью категории аномии.

Прямо или опосредованно проблемы аномии и отчуждения связаны с жизненным призванием человека, его общественной ответственностью, социальной активностью, личной жизнью. Это особенно важно учитывать в период трансформации

общества, когда время от каждого критически мыслящего индивида требует остановиться и оглянуться и на основе строгого учета сложившихся реальностей, личных и общественных интересов оценить свое место в обществе, определить свое отношение к окружающему миру и, наконец, свое отношение к тем задачам, которые решает общество.

Раскрыть проблемы аномии и отчуждения – значит выяснить причины тех трудностей, которые присущи обществу на данном этапе развития, определить пути их устранения.

У проблемы аномии и отчуждения довольно сложная судьба. Если проблема аномии поднималась фрагментарно, то феномен отчуждения подавался как атрибут капитализма в трактовке К. Маркса или просто замалчивался. В отечественной литературе советского периода явление отчуждения практически не разрабатывалось, если не принимать во внимание несколько статей в журналах «Под знаменем марксизма» и «Вестник Коммунистической академии», где отчуждение рассматривалось исключительно как производное эксплуатации. Затем наступила длительная пауза. В 30-е годы шло становление и утверждение административно-командной системы, а вместе с ней осуществлялся процесс отчуждения человека в самых одиозных формах проявления, включая и отчуждение к самой жизни. В экономической области это отчуждение от собственности; наглядным примером отчуждения в политической области стали выборы в Верховный Совет СССР, состоявшиеся в 1937 году. По данным избирательной комиссии, на выборы пришло 99,9% избирателей, и за блок коммунистов и беспартийных проголосовало 99,9% пришедших на избирательные участки. Все это усугублялось диктатурой И.В. Сталина. «Истоки сталинщины следует видеть не только в особых социально-экономических условиях развития страны, где отсутствовала материально-техническая база нового общества, но и в уровне культуры людей, убежденных в том, что интересы бесклассового общества выше традиционных представлений о законах демократии и морали...» [1, с. 169]. По приблизительным подсчетам историка Р. Медведева, жертвами сталинского террора стало не менее 17–18 миллионов человек» [2].

После смерти И.В. Сталина дальнейшее развитие страны связано с «оттепелью» 50-х годов. События тех лет были неоднозначны и противоречивы: с одной стороны, реабилитация жертв сталинских репрессий, подъем промышленности, освоение целины, осуждение культа личности И.В. Сталина и его последствий на XX съезде КПСС, а с другой стороны – полумеры во всех сферах реформирования общественной жизни, которые не могли изменить сталинскую политическую систему. Даже доклад, сделанный на XX съезде в 1956 году, был полностью опубликован лишь в 1989 году. Объединение власти в одних руках в 1958 году ставило высшее должностное лицо (Н.С. Хрущева) вне критики.

И все же общие тенденции развития страны создавали устойчивые предпосылки преодоления тех форм отчуждения, которые были обусловлены сталинщиной. «Из всех возможностей Н.С. Хрущев реализовал только одну – право человека на свою жизнь. В принципе это уже не мало» [1, с. 118]. Провозглашенная, но не осуществленная демократизация партии и общественной жизни привела к тому, что в октябре 1964 года руководитель партии и государства был снят со своего поста.

Политическая карьера Н.С. Хрущева была прервана, а отчужденному народу предоставили возможность прочувствовать сущность бюрократического социализма. Реализация этих тенденций привела к осуществлению модели бюрократического социализма, в рамках которой понятие «застой» стало характеристикой последних лет правления Л.И. Брежнева. «Зигзаги истории таковы, что при определенных условиях бюрократ начинает манипулировать самим «хозяином», превращая незадачливого правителя в марионетку» [3, с. 106]. Принадлежность к бюрократическому клану приносит власть и материальные блага, которые бюрократ намерен защищать со всем при-

сущим ему умением. Возникает корпоративная система самозащиты, безликая круговая порука, организованная безответственность, корпоративная мораль. В ряде случаев захватывают если не все, то значительную часть собственности, например, монополизируют и распределяют знания и информацию. Практика социализма показала, что обобществление средств в определенной мере освобождает человека труда. Но выяснилось и то, что само по себе упразднение частной собственности автоматически не исключает отчуждение. Считалось, что отчуждение – это исключительно проблема капитализма, а в условиях социализма его не может быть, ибо ведущей тенденцией развития социалистического общества является расцвет общества и достижение его социальной однородности в рамках всеобщего благополучия, но практика оказалась другой. Отчуждение охватило все стороны общественной жизни «развитого социализма».

Проблема же изучения отчуждения оказалась в распоряжении западной философии. Это обстоятельство заставило марксистов-философов в 60–80-е годы XX века обратиться к отчуждению как одной из актуальных проблем общественного развития. Появились работы Е.М. Бабосова, Г.С. Батищева, Ю.Н. Давыдова, И.И. Кального, И.С. Кона, Н.И. Лапина, Ю.А. Левады, И.С. Нарского, Т.И. Ойзермана, А.Н. Пажитнова, М.М. Розенталя, Э.М. Ситникова и других, где довольно обстоятельно был осуществлен историко-философский анализ проблемы отчуждения, рассмотрена диалектика субъекта и объекта, объективного и субъективного, сущности и существования.

В этот период значительное место отводилось критике буржуазных и ревизионистских концепций. И то, и другое осуществлялось через призму исследования ранних работ К. Маркса. Такой подход в итоге привел к формированию устойчивого стереотипа, согласно которому Маркс якобы пересмотрел свое отношение к проблеме отчуждения, и в более поздних работах отчуждение уже не является той универсальной категорией, которую он выработал в «Экономическо-философских рукописях 1844 года».

Последующая подготовка к 150-летию со дня рождения К. Маркса вызвала обостренный интерес к его наследию, в том числе и к проблеме отчуждения.

И тем не менее внимание исследователей в основном сосредоточено на историко-философском аспекте проблемы. Критикуются буржуазные концепции, рассматривается отчуждение в условиях капитализма при одновременном открещивании от возможности отчуждения в условиях социализма. Вероятно, этим объяснялось всяческое принижение значимости отчуждения как социо-философской категории.

Социальная жизнь сложна и многообразна. Она включает в себя не только стабильное, спокойное, правильное, нормальное ее течение, но и отклонения, которые связывают с понятием «отчуждения». Отчуждение – это отношения между субъектом и какой-либо социальной функцией, складывающиеся в результате разрыва их изначального единства, ведущего к обеднению природы субъекта и изменению (извращению, перерождению) природы отчужденной функции, а также сам процесс разрыва этого единства [3, с. 252].

Отчуждение присуще в той или иной степени всем этапам развития истории. Первоначально человек слит с природой. Однако по мере развития производительных сил он выделился из природы, сохранив с ней органическую связь. Это отделение было не только первым актом свободы, но и первым шагом истории отчуждения человека. На место естественных связей приходят социальные отношения. Свобода от природы сменяется ограничениями в системе личностных отношений.

Практика советского периода принесла миллионам людей опыт командно-административной системы, в сетях которой до сих пор путаются наши граждане. Чего стоил народу культ вождей и, в первую очередь, культ личности Сталина, когда отправной

точкой так называемого следствия является постулат: «враг народа». Враг не партии, государства, Сталина, а враг народа. А с врагом все ясно: он враг и его надо уничтожать.

Личность «съедала» бюрократическая элита, номенклатура, а индивид в большинстве своем является конформистом. Именно этим можно объяснить всеобщее согласие и митинговое одобрение любого решения власть придержащих. Отсутствие сомнения, соглашательская позиция – индикатор отчуждения политического, социального, этического, эстетического, научного и т.д. И в этом смысле конформизм – это одна из превращенных форм отчуждения личности от власти и от самого себя. Таким образом, одной из глубинных причин распада СССР как раз и явилось отчуждение личности от средств производства, от земли, от политической жизни, от культуры и т.д.

Личность должна жить в «нормальном обществе», то есть в таком социуме, который отличается высокой жизнеспособностью, гибкостью, высокой адаптивностью к изменяющимся условиям. Такое общество характеризуется целостностью, устойчивостью общественных систем, постоянным стремлением продвигаться вперед, открытостью, естественностью, управляемостью.

Проблему отчуждения необходимо иметь в виду, когда мы хотим выявить причины трудностей постсоветского и современного белорусского общества. Отчуждение присуще индустриальному, постиндустриальному так же, как и обществу «развитого социализма». Оно присуще и трансформационному постсоветскому обществу. В экономической сфере – это олигархический ее уровень в России и в Украине, в других странах – это «жесткое» государственное регулирование. В политической области – это предвыборные и выборные скандалы, давление толпы или так называемые революции всех цветов радуги. В сфере духовной жизни – это коммерциализация культуры, зависимость людей культуры и науки от фондов, грантов, начальников, меценатов и т. д.

Для общества представляет опасность не любое отчуждение, которое до определенных пределов является вполне естественным процессом общественной жизни, а тот его уровень, когда деятельность человека и его творения противостоят человеку как чуждая и враждебная сила, довлеющая над ним и диктаторски определяющая его поведение. Это – тотальное отчуждение. Оно парализует нормальную жизнедеятельность общества, лишает индивида права на деятельность как творческую самодеятельность. Поэтому, чтобы ослабить, а затем и свести его к минимуму, нужны усилия всего общества и каждой отдельной личности.

Современное постсоветское общество несет в себе некий симбиоз отчужденности. Оно вообрало в себя как «социалистическую отчужденность», так и новизну смешанного (в большей части капиталистического) общества. Индивиды, втянутые вольно или невольно в эти процессы, чувствуют беспомощность перед ними. Разрушается привычный мир человека, исчезает психологический комфорт, растет неуверенность перед лицом перемен. Чувствуя себя обманутым и люди начинают крушить вчерашние идолы. Лишившись идеи, они остаются при одних ощущениях и эмоциях. Усиливаются недоверие к власти и традиционным ее структурам. Осознавая себя объектом управленческих манипуляций, человек начинает идти «вразнос».

Еще один феномен трансформационного периода на рубеже XX–XXI веков выявил профессор Ж.Т. Тощенко. В своей монографии «Парадоксальный человек» он, основываясь на анализе реальной ситуации в России, показал, что парадоксальное сознание стало частью современной жизни. Суть этого феномена в том, что как общественные институты, так и отдельные личности декларируют одни цели и жизненные ориентиры, а на деле осуществляют иные, иногда прямо противоположные [5, с. 91]. При этом оказывается, что публично провозглашаемые лозунги опровергаются практикой повседневной жизни. «В настоящее время, – пишет Ж.Т. Тощенко, – все чаще приходится встречаться с новым классом парадоксов, когда люди неосознанно, не по злому

умыслу олицетворяют удивительнейший феномен – в одном и том же человеке одновременно уживаются противоположные, а иногда взаимоисключающие друг друга оценки, установки, ориентиры и намерения. Человек как бы бежит сам от себя и от общества в одно и то же время и в прямо противоположных направлениях» [5, с. 55]. Этот феномен подтверждается в исследованиях белорусских социологов А.Н. Данилова, Д.Г. Ротмана, Л.Г. Титаренко и др. «Общее состояние морального сознания белорусов, судя по опросам, остается весьма неопределенным. Традиционные моральные представления сдали свои позиции, а стабильные новые моральные нормы и отношения, адекватные современному либерально-демократическому типу общества, не сформировались. Между тем для устойчивого нравственного развития общества требуется достаточная ясность в этих вопросах. Мы полагаем, что господствующие ныне противоречивые ценности не только во многом определяют социокультурные типы отношений белорусских граждан к происходящим политическим и экономическим процессам, но и позволяют прогнозировать противоречивые перспективы будущего развития республики» [4, с. 104].

Заклучение

Таким образом, переход от «социализма» к «смешанному обществу» развернул аномалии вглубь и вширь, наделил аномию и отчуждение симбиозностью и парадоксальностью. Современные тенденции развития во многом определяют социокультурные типы отношений граждан на постсоветском пространстве к происходящим процессам, а также позволяют прогнозировать противоречивые перспективы будущего развития и предпринимать меры по противодействию нестабильности и риску.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кальной, И.И. Отчуждение: истоки и современность / И.И. Кальной. – Симферополь : Таврия, 1990. – 192 с.
2. Медведев, Р. Наш иск Сталину / Р. Медведев // Московские новости. – 1988. – № 47. – С. 12.
3. Современная западная социология / под ред. Ю.Н. Давыдова. – М. : Политиздат, 1990. – 432 с.
4. Титаренко, Л.Г. «Парадоксальный белорус»: противоречия массового сознания / Л.Г. Титаренко // Социс. – 2003. – № 12. – С. 96–107.
5. Тощенко, Ж.Т. Парадоксальный человек / Ж.Т. Тощенко. – М. : Наука, 2001. – 334 с.

Kavetski S.T. Certain Specifics of Sociological Research of Anomy Processes in the Post-Soviet States

The article discusses social and philosophic approaches to the interpretation of social anomalies in the post-Soviet states. Genesis of alienation in the anomy and society is studied in the context of transformational processes. Anomalous processes are discussed in social and economic sphere, in political and spiritual life in both Soviet, and post-Soviet states. The bureaucracy phenomenon and its multidirectional nature is discussed. The article emphasizes that such phenomenon is a factor driving total alienation of the people from property rights, power, culture, as well as from themselves. The article states that studying anomalous phenomena in the society helps foresee the controversial prospects of the republic's future development.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 22.03.2010

СТЕПАНОВИЧ В.А. ФИЛОСОФИЯ : КУРС ЛЕКЦИЙ :

В 3 Ч. / В.А. СТЕПАНОВИЧ ; БРЕСТ. ГОС. УН-Т ИМЕНИ А.С. ПУШКИНА. –

Брест : БрГУ, 2010. – Ч. 1 : Исторические типы классической философии. – 311 с.

Курс лекций «Исторические типы классической философии» подготовлен В.А. Степановичем в рамках учебно-методического комплекса, который разрабатывается кафедрой философии Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина. Он рекомендуется автором для студентов, магистрантов и аспирантов, изучающих такие дисциплины, как «Философия» и «Философия и методология науки».

Прежде всего хотелось бы отметить, что автором проработан огромный историко-философский материал, подробно, ясным языком, доступным для понимания широкой аудитории, раскрыты философские концепции крупнейших мыслителей исторических периодов, рассматриваемых в курсе лекций. Цельность изложения, обоснованный и логичный переход от одного раздела к другому собой существенной особенностью книги. Достаточно сложные проблемы излагаются автором действительно в доступной для понимания изучающего историю философии читателя форме. Сам В.А. Степанович отмечает в предисловии к книге, что он стремился следовать известной формуле А. Эйнштейна: «Так просто, как это возможно, но не проще». Нам представляется, что автору удалось реализовать и завет известного мыслителя XX века Л. Витгенштейна: «То, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно». Действительно, даже при поверхностном чтении книги очевидна очень ясная форма изложения, чёткость мысли, внятность того, что автор хочет сказать своим читателям, что без глубокого знания излагаемого предмета было бы невозможно. Это помогло автору курса лекций уйти от обычной в таких случаях снисходительной или, напротив, не в меру дидактичной манеры разговора со своим читателем. А, в свою очередь, прекрасное владение историко-философским материалом позволило эффективно удовлетворять собственные научные интересы, одновременно привлекая к ним внимание читателя. При этом соблюдается мера и сохраняется необходимая наглядность.

Число имен, на которые ссылается автор (что часто и вызывает некоторый «разброд в умах» читателей-студентов, знакомящихся с историей философской мысли), велико, но не выглядит избыточным в силу того, что знакомство с ними осуществлялось постепенно: вначале через биографии и хрестоматийные характеристики, а затем посредством более тонкого анализа их учений. Большим «плюсом» курса лекций является приведение, хотя бы даже и кратко, биографических сведений о жизни практически всех упоминающихся в нём мыслителей. Иногда это может быть отдельная яркая деталь, которая помогает живо и зримо представить себе ту или иную фигуру.

Кроме того, многие поднятые вопросы при освещении персоналий актуальны и сегодня: достаточно сослаться, например, на рассмотрение и объяснение миссии Джона Локка как теоретического архитектора европейской демократии.

Автор не только знакомит читателя с более чем двухтысячелетней историей развития историко-философских идей, но и вскрывает её внутреннюю логику развития, преемственность философских школ и направлений. То есть, с одной стороны, в курсе лекций, есть «персонажи», их сочинения и основные идеи, что и задано в самом названии книги, но при этом есть и «распределение» персонажей, далёкое от личных при-

страстей, что хотелось бы отметить особо. Здесь, как нам представляется, автору удалось показать то, что он заявил как название книги – именно типы философии в их взаимосвязи и взаимовлиянии, поскольку при всей своей плюралистичности история философии всегда оставалась внутренне единой, цельной. Позиция автора есть прежде всего выражение объективного, то есть историко-философского процесса. Действительно, ведь история философии, которую мы изучаем в вузах, не есть просто пересказ учений известных мыслителей, она обладает особой логикой развития философского знания. Вот эту логику, как нам представляется, автору и удалось достаточно удачно отобразить. При этом концептуальные схемы автора не искажают фактический материал. Это не переписывание истории философской мысли, а её реконструкция. Дело в том, что идеи мыслителей, их позиции рассматриваются В.А. Степановичем не в логическом вакууме, а плотно вписываются в социокультурные обстоятельства эпох. При этом автор как бы и не заметен, но и не устраняется из повествования, читатель легко может уловить его личную позицию.

Следует отметить, что в курсе лекций имеются и некоторые новые подходы в трактовке периодизации историко-философского процесса, в частности, философской мысли Нового времени. С автором можно не соглашаться, но спор по этому поводу должен быть глубоко содержательным, так как позиция В.А. Степановича, на наш взгляд, достаточно глубоко обоснована. Несомненным достоинством курса лекций в этом отношении является, то, что автор не только оставляет возможность для споров, но и открывает пространство для дискуссии.

Также автору удаётся достаточно органично «вплести» в историко-философскую канву чисто теоретические вопросы; так, например, по курсу лекций можно проследить становление и развитие социально-философской проблематики. Ведь действительно очень важно показать студенту философию через её проблемы в их историческом развитии. Более того, уяснение философской проблематики вообще невозможно без знания всей её предшествующей истории, в особенности истории классической философии. Многие сложные проблемы рассмотрены автором так, что сущность их, актуальность для соответствующей эпохи становится очевидной для читателя.

Особо хотелось бы отметить раздел рассматриваемого курса лекций. Здесь, с одной стороны, можно найти основные концептуальные установки автора, а с другой стороны, выделены фундаментальные понятия, с которыми студент прежде всего сталкивается при изучении курса философии. Так как данная книга предназначена прежде всего для студентов, то, мы считаем, данная информация является необходимой. Она удачно и логически структурирована, изложена в доступной форме и вряд ли способна «отпугнуть» читателя, впервые знакомящегося с философией. Это удобно даже в практическом смысле: не нужно искать данную информацию дополнительно по словарям или в сносках в конце книги.

Следует особо отметить, что в книге можно найти довольно интересный материал для будущих педагогов. Например, подробно, с опорой на цитаты из первоисточника описывается философский метод Сократа, способ построения им диалогов. Главы, посвящённые Ф. Бэкону и Р. Декарту, безусловно, будут замечены теми, кто изучает курс «Философия и методология научного познания». Впрочем, курс лекций достаточно широко выходит за пределы типовой программы по философии. Именно поэтому он может использоваться для подготовки к сдаче кандидатского экзамена по «Философии и методологии науки» магистрантами и аспирантами.

Автор стремится приобщить читателя именно к проблемной сущности философии, к сущностному содержанию философской мысли, развить в нём стремление к самостоятельному прочтению (для этой цели на кафедре издана под руководством проф. Степановича В.А. и проф. Шаша С.Д. «История философии в избранных фрагментах с

комментариями»), осмыслению изучаемого материала, а тем самым и к самостоятельному мышлению.

То, что также существенным образом характеризует курс лекций, – это весьма удавшаяся попытка сделать своего читателя причастным к философским исканиям, отделённых от нас многими столетиями. Автор сам как бы «переживает» историко-философский процесс, выявляет в нём закономерности и детали, необходимые для его понимания. Очевидно, что книга предназначена для вдумчивого чтения и предполагает читателя, стремящегося видеть в философии не кладёзь мудрости и готовые ответы на все экзаменационные и жизненные вопросы а помощь в творческой и человеческой самоидентификации.

Настоящая работа представляет собой гармоничное сочетание подлинного классического подхода к рассмотрению историко-философского процесса и высокого творческого исследовательского поиска. Профессор Степанович В.А. предложил не только замечательное учебное пособие для студентов и магистрантов, но и увлекательную книгу для широкого круга вдумчивых читателей.

***А.В. Климович**, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры
П.П. Крусъ, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой*

Кафедра философии БрГУ имени А.С. Пушкина

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ЮБИЛЯРУ

От редколлегии: В июне 2010 г. Василию Алексеевичу Степановичу исполнилось 65 лет. Этот юбилей Василий Алексеевич встречает многими успехами и достижениями. Редколлегия поздравляет Василия Алексеевича с юбилеем, желает ему крепкого здоровья, творческого долголетия. Ниже публикуем материал о жизненном пути и научном творчестве Василия Алексеевича, подготовленный его коллегой профессором, кандидатом философских наук Семёном Дмитриевичем Шашем.

ЧЕЛОВЕК МЫСЛИ И ДЕЛА **(к юбилею профессора Василия Алексеевича** **Степановича)**

Говорят, что судьбу человека определяют жизненные обстоятельства. И в этом есть своя правда. Но не менее важное, если не решающее, значение имеют прирождённые способности и упорный труд по их реализации. Ярким примером того является жизненный путь профессора Василия Алексеевича Степановича.

Василий Алексеевич родился 16 июня 1945 г. в рабочей семье в д. Первомайская Берёзовского района Брестской области. Его детство пришлось на тяжёлые послевоенные годы. Мать, оставшись вдовой и имея еще двоих малолетних детей, с трудом обеспечивала семью жизненными средствами. Тем не менее Василий Алексеевич блестяще окончил среднюю школу и в 1962 г. поступил на физико-математический факультет Брестского педагогического института имени А.С. Пушкина. Преподаватели и руководство института обратили внимание на способного, талантливого студента. В.А. Степановичу, как отличнику учёбы, была назначена именная стипендия, а когда он получил по окончании вуза диплом с отличием, ему предложили должность ассистента на кафедре философии и экономики.

Преподавательская работа потребовала, естественно, от Василия Алексеевича углублённого и системного изучения философии, её истории, методологии научного мышления, методики преподавания философских дисциплин. И он поступил в аспирантуру при кафедре философии Белорусского государственного университета (г. Минск) на стационар. Итогом учёбы в аспирантуре явилась кандидатская диссертация на тему «Методологические проблемы математических теорий мышления» и её последующая защита в 1981 г.

Возвратившись из аспирантуры, В.А. Степанович продолжил работу на кафедре философии и экономики Брестского государственного педагогического института имени А.С. Пушкина – сначала в качестве старшего преподавателя, доцента, а затем профессора (с 1991 г.). В 1983 г. Василий Алексеевич как высококвалифицированный педагог, снискавший авторитет среди преподавателей и студентов, был назначен

проректором по учебной работе, а в 1989 г. учёный совет подавляющим числом голосов избрал его ректором института. В данной должности он проработал до 1999 г.

Всё это время В.А. Степанович интенсивно занимался научными исследованиями. Высокие административные посты не только не мешали, но, наоборот, стимулировали его научную работу, ибо должности проректора по учебной работе и ректора высшего учебного заведения требовали всестороннего осмысления проблем и задач, стоящих перед высшей педагогической школой. Именно поэтому он, не оставляя в стороне чисто философской тематики, обратился к таким проблемам, как становление творческого стиля деятельности будущего учителя, взаимосвязь педагогического вуза и школы, методология организации и содержания учебного процесса в педагогическом учебном заведении, гуманизация образования и др. Вскоре под его руководством в институте сложился достаточно широкий авторский коллектив по написанию учебных программ, учебных пособий и учебников. Сам же он стал научным руководителем проблемной научно-исследовательской лаборатории союзной Академии педагогических наук, открытой в институте в 1991 г. Кроме того, Василий Алексеевич в качестве эксперта от Белоруссии был участником Европейского регионального семинара ЮНЕСКО, который был посвящен проблемам педагогической подготовки преподавателей вузов, ответственных за подготовку будущих учителей, а затем в течение пяти лет был корреспондентом ЮНЕСКО, что позволило ему ознакомиться с системой подготовки учителей в зарубежных странах. С вузами некоторых стран (Польша, г. Седльце; ФРГ, г. Вайнгартен) было налажено сотрудничество по обмену опытом по вопросам образования и воспитания студентов.

Важной составляющей деятельности В.А. Степановича в эти годы являлась его кадровая политика. Он как ректор способствовал тому, чтобы в институте оставалась наиболее талантливая молодёжь из числа выпускников, а по конкурсу принимались только перспективные педагоги, уже хорошо зарекомендовавшие себя в учебной и научной работе. Преподавателям же, работавшим над кандидатскими и докторскими диссертациями, он старался создавать необходимые условия для их скорейшего завершения (снижалась учебная нагрузка, предоставлялись творческие отпуска и т.д.). Но при этом строго требовал отчета от них в случае невыполнения запланированной работы.

Однако строгость и принципиальность руководителя у Василия Алексеевича всегда сочеталась с уважительным и доброжелательным отношением к человеку. Ему чужды были бюрократическая спесь и холодное равнодушие к подчинённым. Люди видели это и часто приходили к нему в кабинет не только по служебным делам, но и со своими сугубо личными проблемами. И получали от него моральную поддержку и добрый совет.

Наряду с кадровой проблемой Василий Алексеевич решал и проблему совершенствования структуры института. Объективно возникла необходимость открытия новых специальностей, а для этого требовалось создание и новых факультетов и, соответственно, новых кафедр. Доводы ректора и учёного совета Министерство образования Беларуси посчитало обоснованными, и появились новые факультеты, были созданы новые кафедры. Творческая работа коллектива института получила признание на государственном уровне, и по результатам аттестации Брестский педагогический институт получил с 1 сентября 1995 г. статус государственного университета. Были созданы в качестве самостоятельных следующие факультеты: физический, математический, биологический, географический, а также были открыты новые факультеты: юридический и факультет иностранных языков. Научный потенциал, а также открытие новых специальностей способствовали

созданию в вузе более двадцати новых кафедр. Первым ректором Брестского университета по праву стал В.А. Степанович.

Перу Василия Алексеевича принадлежит более ста тридцати научных и научно-методических работ. Многие из них опубликованы за рубежом – в Польше, Болгарии, Литве, Румынии, России. Научно-педагогическая общественность высоко оценила исследовательскую и практическую деятельность Василия Алексеевича: в 1993 г. он был избран академиком Академии образования Республики Беларусь, а статья о нём включена в «Белорусскую энциклопедию» (т. 18, кн. I, Мн., 2004, с. 461). В 2001 г. Указом Президента Республики Беларусь за большой личный вклад в обучение и воспитание подрастающего поколения ему было присвоено почётное звание «Заслуженный работник образования Республики Беларусь».

Уйдя в 1999 г. с поста ректора, Василий Алексеевич до настоящего времени продолжает работать профессором на кафедре философии Брестского государственного университета и в Институте общественных наук Академии Подляской в г. Седльце (Республика Польша). Круг его научных интересов в целом прежний: философия образования, методика обучения и воспитания студенческой молодёжи. Правда, в последние годы появилась и новая тематика: проблемы экологии и безопасности человека. Что же касается философии и её истории, то эта проблематика, как представляется мне, сейчас доминирует: недавно вышла из печати первая часть большой монографии Василия Алексеевича «Философия. Курс лекций. В трёх частях. Часть I. Исторические типы классической философии». Уже готовятся вторая и третья части.

Как видим, профессор Василий Алексеевич Степанович находится в расцвете творческих сил. Пожелаем юбиляру осуществления всех его научных планов и человеческого счастья.

Профессор Семён Шаш

СТЕПАНОВИЧ, В.А. ФИЛОСОФИЯ : КУРС ЛЕКЦИЙ :**В 3 Ч. / В.А. СТЕПАНОВИЧ. – Брест : БрГУ им. А.С. Пушкина, 2010. – Ч. 1 :****Исторические типы классической философии. – 311 с.**

Курс лекций «Исторические типы классической философии» подготовлен В.А. Степановичем в рамках учебно-методического комплекса, который разрабатывается кафедрой философии Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина. Он рекомендуется автором для студентов, магистрантов и аспирантов, изучающих такие дисциплины, как «Философия» и «Философия и методология науки».

Прежде всего хотелось бы отметить, что автором проработан огромный историко-философский материал, подробно, ясным языком, доступным для понимания широкой аудитории, раскрыты философские концепции крупнейших мыслителей исторических периодов, рассматриваемых в курсе лекций. Цельность изложения, обоснованный и логичный переход от одного раздела к другому собой существенной особенностью книги. Достаточно сложные проблемы излагаются автором действительно в доступной для понимания изучающего историю философии читателя форме. Сам В.А. Степанович отмечает в предисловии к книге, что он стремился следовать известной формуле А. Эйнштейна: «Так просто, как это возможно, но не проще». Нам представляется, что автору удалось реализовать и завет известного мыслителя XX века Л. Витгенштейна: «То, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно». Действительно, даже при поверхностном чтении книги очевидна очень ясная форма изложения, чёткость мысли, внятность того, что автор хочет сказать своим читателям, что без глубокого знания излагаемого предмета было бы невозможно. Это помогло автору курса лекций уйти от обычной в таких случаях снисходительной или, напротив, не в меру дидактичной манеры разговора со своим читателем. А прекрасное владение историко-философским материалом позволило эффективно удовлетворять собственные научные интересы, одновременно привлекая к ним внимание читателя. При этом соблюдается мера и сохраняется необходимая наглядность.

Число имен, на которые ссылается автор (что часто и вызывает некоторый «разброд в умах» читателей-студентов, знакомящихся с историей философской мысли), велико, но не выглядит избыточным в силу того, что знакомство с ними осуществлялось постепенно: вначале через биографии и хрестоматийные характеристики, а затем посредством более тонкого анализа их учений. Большим «плюсом» курса лекций является приведение, хотя бы даже и кратко, биографических сведений о жизни практически всех упоминающихся в нём мыслителей. Иногда это может быть отдельная яркая деталь, которая помогает живо и зримо представить себе ту или иную фигуру.

Кроме того, многие поднятые вопросы при освещении персоналий актуальны и сегодня: достаточно сослаться, например, на рассмотрение и объяснение миссии Джона Локка как теоретического архитектора европейской демократии.

Автор не только знакомит читателя с более чем двухтысячелетней историей развития историко-философских идей, но и вскрывает её внутреннюю логику развития, преемственность философских школ и направлений. То есть, с одной стороны, в курсе лекций, есть «персонажи», их сочинения и основные идеи, что и задано в самом названии книги, но при этом есть и «распределение» персонажей, далёкое от личных пристрастий, что хотелось бы отметить особо. Здесь, как нам представляется, автору удалось показать то, что он заявил как название книги, – именно типы философии в их взаимосвязи и взаимовлиянии, поскольку при всей своей плюралистичности история философии всегда

оставалась внутренне единой, цельной. Позиция автора есть прежде всего выражение объективного, то есть историко-философского процесса. Действительно, ведь история философии, которую мы изучаем в вузах, не есть просто пересказ учений известных мыслителей, она обладает особой логикой развития философского знания. Вот эту логику, как нам представляется, автору и удалось достаточно удачно отобразить. При этом концептуальные схемы автора не искажают фактический материал. Это не переписывание истории философской мысли, а её реконструкция. Дело в том, что идеи мыслителей, их позиции рассматриваются В.А. Степановичем не в логическом вакууме, а плотно вписываются в социокультурные обстоятельства эпох. При этом автор как бы и не заметен, но и не устраняется из повествования, читатель легко может уловить его личную позицию.

Следует отметить, что в курсе лекций имеются и некоторые новые подходы в трактовке периодизации историко-философского процесса, в частности, философской мысли Нового времени. С автором можно не соглашаться, но спор по этому поводу должен быть глубоко содержательным, так как позиция В.А. Степановича, на наш взгляд, достаточно глубоко обоснована. Несомненным достоинством курса лекций в этом отношении является то, что автор не только оставляет возможность для споров, но и открывает пространство для дискуссии.

Также автору удаётся достаточно органично «вплести» в историко-философскую канву чисто теоретические вопросы; так, например, по курсу лекций можно проследить становление и развитие социально-философской проблематики. Ведь действительно очень важно показать студенту философию через её проблемы в их историческом развитии. Более того, уяснение философской проблематики вообще невозможно без знания всей её предшествующей истории, в особенности истории классической философии. Многие сложные проблемы рассмотрены автором так, что сущность их, актуальность для соответствующей эпохи становится очевидной для читателя.

Особо хотелось бы отметить раздел рассматриваемого курса лекций. Здесь, с одной стороны, можно найти основные концептуальные установки автора, а с другой стороны, выделены фундаментальные понятия, с которыми студент прежде всего сталкивается при изучении курса философии. Так как данная книга предназначена прежде всего для студентов, то, мы считаем, данная информация является необходимой. Она удачно и логически структурирована, изложена в доступной форме и вряд ли способна «отпугнуть» читателя, впервые знакомящегося с философией. Это удобно даже в практическом смысле: не нужно искать данную информацию дополнительно по словарям или в сносках в конце книги.

Следует особо отметить, что в книге можно найти довольно интересный материал для будущих педагогов. Например, подробно, с опорой на цитаты из первоисточника описывается философский метод Сократа, способ построения им диалогов. Главы, посвящённые Ф. Бэкону и Р. Декарту, безусловно, будут замечены теми, кто изучает курс «Философия и методология научного познания». Впрочем, курс лекций достаточно широко выходит за пределы типовой программы по философии. Именно поэтому он может использоваться для подготовки к сдаче кандидатского экзамена по «Философии и методологии науки» магистрантами и аспирантами.

Автор стремится приобщить читателя именно к проблемной сущности философии, к сущностному содержанию философской мысли, развить в нём стремление к самостоятельному прочтению (для этой цели на кафедре издана под руководством проф. Степановича В.А. и проф. Шаша С.Д. «История философии в избранных фрагментах с комментариями»), осмыслению изучаемого материала, а тем самым и к самостоятельному мышлению.

То, что также существенным образом характеризует курс лекций, – это весьма удавшаяся попытка сделать своего читателя причастным к философским исканиям, отделившихся от нас многими столетиями. Автор сам как бы «переживает» историко-философский процесс, выявляет в нём закономерности и детали, необходимые для его понимания. Очевидно, что книга предназначена для вдумчивого чтения и предполагает читателя, стремящегося видеть в философии не кладёз мудрости и готовые ответы на все экзаменационные и жизненные вопросы, а помощь в творческой и человеческой самоидентификации.

Настоящая работа представляет собой гармоничное сочетание подлинного классического подхода к рассмотрению историко-философского процесса и высокого творческого исследовательского поиска. Профессор Степанович В.А. предложил не только замечательное учебное пособие для студентов и магистрантов, но и увлекательную книгу для широкого круга вдумчивых читателей.

А.В. Климович, кандидат философских наук, доцент

П.П. Крусь, кандидат философских наук, доцент

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ

- Арлоў Р.Л.** – аспірант кафедры паліталогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
- Бондар Ю.П.** – кандыдат палітычных навук, дацэнт, першы прарэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў
- Брэская В.Ю.** – кандыдат сацыялагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі славянскіх народаў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
- Бядрыцкая Н.В.** – аспірант кафедры філасофіі культуры Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
- Гангала А.Ф.** – аспірант кафедры філасофіі і метадалогіі навукі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
- Грыгаровіч А.М.** – кандыдат сацыялагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры філасофіі, дэкан юрыдычнага факультэта Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
- Грыбаў Г.М.** – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, прафесар кафедры філасофіі і культуралогіі Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта
- Займіст Г.І.** – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры філасофіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
- Кавецкі С.Ц.** – кандыдат сацыялагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
- Казлова С.А.** – выкладчык кафедры паліталогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
- Клімовіч Г.У.** – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры філасофіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
- Круглашоў А.М.** – доктар палітычных навук, прафесар, загадчык кафедры паліталогіі і дзяржаўнага кіравання Чарнавіцкага нацыянальнага ўніверсітэта імя Юрыя Фядзьковіча (г. Чарнаўцы, Украіна)
- Крусь П.П.** – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, загадчык кафедры філасофіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
- Лысюк А.І.** – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
- Ляпешка Б.М.** – доктар гістарычных навук, прафесар, прафесар кафедры філасофіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
- Марозаў П.А.** – аспірант кафедры паліталогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
- Міхайлава Н.В.** – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, загадчык кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін Мінскага дзяржаўнага вышэйшага радыётэхнічнага каледжа
- Рашэтнікаў С.В.** – доктар палітычных навук, прафесар, загадчык кафедры паліталогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
- Сакалоўская М.Р.** – старшы выкладчык кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
- Сцепановіч В.А.** – кандыдат філасофскіх навук, прафесар, прафесар кафедры філасофіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
- Тарасюк М.У.** – аспірант кафедры філасофіі культуры Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
- Цітарэнка Л.Р.** – доктар сацыялагічных навук, прафесар, прафесар кафедры сацыялогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
- Часноўскі М.Э.** – доктар гістарычных навук, прафесар, рэктар Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Шаш С.Д. – кандыдат філасофскіх навук, прафесар

Якавук Т.І. – доктар сацыялагічных навук, кандыдат культуралогіі, дацэнт, прафесар кафедры тэорыі і методыкі эстэтычнай адукацыі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Ярмох Э. – доктар сацыялагічных навук, прафесар педагогікі, намеснік дэкана па навуцы гуманітарнага факультэта Прыродазнаўча-гуманітарнага ўніверсітэта (г. Седльцэ, Рэспубліка Польшча)

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Артыкулы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мовах у двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкарскага аркуша, у электронным варыянце ў фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармату А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадковы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, што ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Забараняюцца скарачэнні слоў, акрамя агульнапрынятых.

Спіс цытуемай літаратуры павінен быць аформлены паводле ДАСТА 7.1-2003 і размешчаны ў канцы тэксту. Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад: [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Забараняецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Артыкул уключае наступныя элементы па парадку:

- УДК;
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў);
- назва друкуемага матэрыялу;
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (кегль – 10 pt.);
- асноўны тэкст з табліцамі, графікамі і іншымі ілюстрацыйнымі матэрыяламі, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАК да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у спіс навуковых выданняў для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў;
- бібліяграфічныя спісы да артыкула ў адпаведнасці з ДАСТАм 7.1-2003;
- рэзюмэ на англійскай мове (кегль – 10 pt.) з перакладам прозвішча і ініцыялаў аўтара (аўтараў) і назвы друкуемага матэрыялу.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на *беларускай* мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнацю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, хатні адрас і тэлефон);
- для аспірантаў і суіскальнікаў – звесткі аб навуковых кіраўніках;
- рэкамендацыя калегіяльнага органа ўстановы (падроздзялення), дзе працуе (вучыцца) аўтар;
- рэкамендацыя знешняга рэцэнзента;
- экспертнае заключэнне.

Рэдакцыйная калегія часопіса праводзіць экспертызу атрыманых дакументаў і робіць дадатковае рэцэнзаванне артыкулаў. Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Карэктары *М.М. Аляшчэня, Л.М. Калілец, Ж.М. Селюжыцкая*
Камп'ютэрнае макетаванне *А.Я. Кулай, С.М. Мініч*

Подписано в печать 16.11.2010. Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Гарнітура Таймс. Ризографія. Усл. печ. л. 17,21. Уч.-изд. л. 15,54.
Тираж 100 экз. Заказ № 711.

Издатель и полиграфическое исполнение
УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина».
ЛИ № 02330/277 от 08.04.2009.
224016, Брест, ул. Мицкевича, 28.